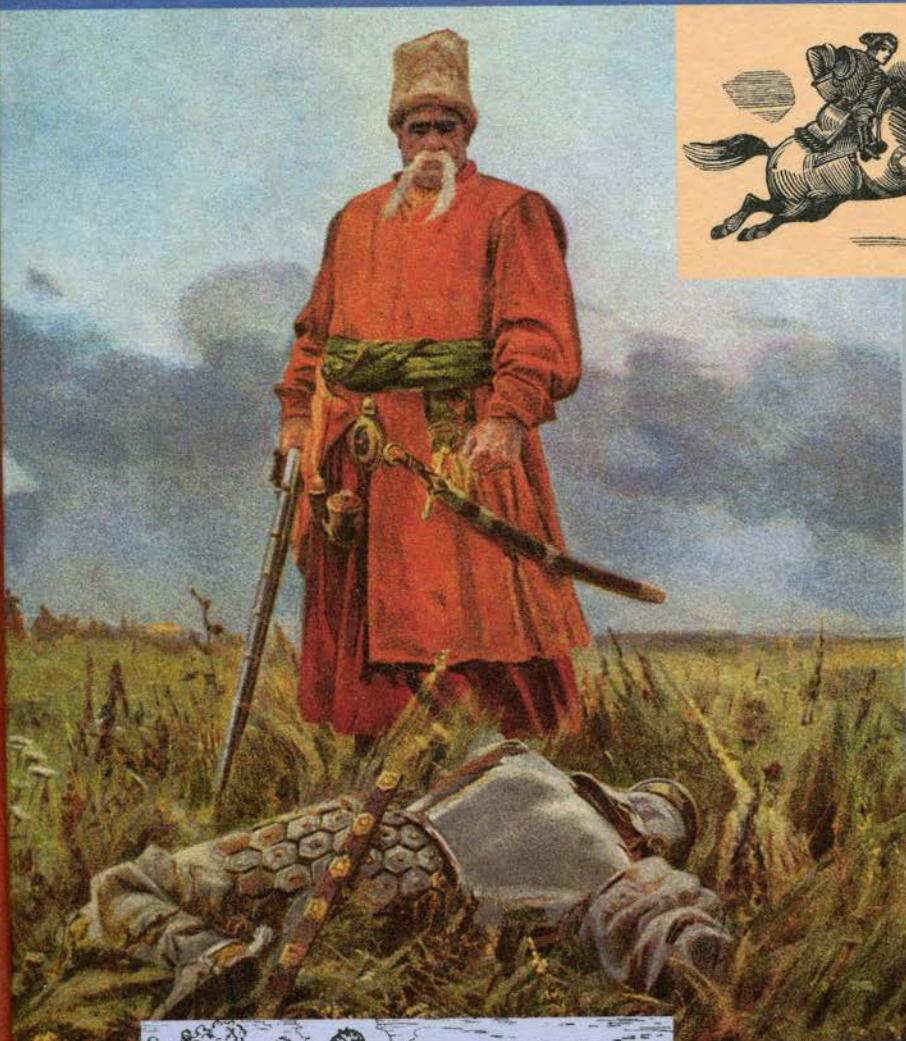

Г.С. Меркин

ЛИТЕРАТУРА

6
КЛАСС

А.С. Пушкин.
Художник О.А. Кипренский.
1827 г.

Вид помещичьего дома с садом.
Неизвестный художник. 1830-е гг.

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил старинный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угождать малейшим его прихотям; губернские чиновники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское.

А.С. Пушкин. Дубровский

Литература

6 класс

**Учебник
для общеобразовательных
учреждений**

В двух частях
Часть I

Автор-составитель
Г.С. Меркин

10-е издание

Рекомендовано

*Министерством образования и науки
Российской Федерации*

(экспертиза РАН и РАО 2007 г.)

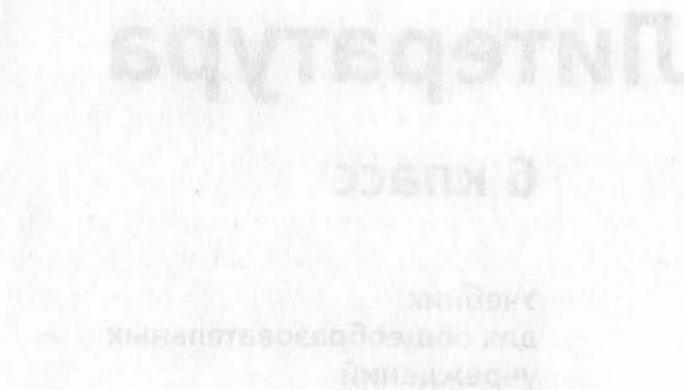
Москва
«Русское слово»
2012

УДК 373.167.1:82*06(075.2)

ББК 83.я721

Л 64

Литература. 6 класс: учебник для общеобразовательных учреждений: в 2 ч. Ч. 1 / авт.-сост. Г.С. Меркин. — 10-е изд. — М.: ООО «Русское слово – учебник», 2012. — 344 с.

ISBN 978-5-91218-542-7 (ч. 1)

ISBN 978-5-91218-544-1

Учебник «Литература. 6 класс» соответствует программе по литературе для 5–11 классов (авторы-составители Г.С. Меркин, С.А. Зинин, В.А. Чалмаев), допущенной Министерством образования РФ. Он знакомит школьников с фольклором, произведениями русской и зарубежной литературы от древности до XX века включительно.

Учебник предназначен для общеобразовательных учреждений: школ, гимназий и лицеев. Методический аппарат учебника позволяет организовать обучение как на базовом, так и на углублённом уровне.

Учебник соответствует Федеральному компоненту государственного стандарта общего образования.

УДК 373.167.1:82*06(075.2)

ББК 83.я721

ISBN 978-5-91218-542-7 (ч. 1)

ISBN 978-5-91218-544-1

© Г.С. Меркин, 2003, 2012

© ООО «Русское слово – учебник», 2003, 2012

О ЛИТЕРАТУРЕ, ПИСАТЕЛЕ И ЧИТАТЕЛЕ

В пятом классе мы говорили в основном о книге. Конечно, разговор о ней будет продолжен и в шестом классе, но мы будем размышлять не только об отдельно взятой книге или произведении, а о литературе в целом.

Литература — вид искусства, отличительной чертой которого является создание художественных образов при помощи слова, языка.

Прежде всего предлагаем вам вчитаться в строки о литературе, писателе, читателе самих художников слова: они об этих предметах знают куда лучше других и мысли свои высказывают неординарно, неожиданно и ярко.

О литературе

«Художественная литература, — писал литературовед и прозаик Ю.Н. Тынянов, — отличается от истории не «выдумкой», а большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением в них».

Русский литературный критик В.Г. Белинский утверждал: «Литература есть сознание народа, цвет и плод его духовной жизни». Что значит сознание народа? Это сумма его представлений о жизни и окружающем мире, его нравственные оценки, это летопись народа, которая одновременно является и «цветом и плодом его духовной жизни», потому что из века в век через книги передаются бесконечные богатства накопленного опыта. Литература позволяет не только вызвать в человеке духовную жажду, но и утолить её. А.С. Пушкин писал о тех, кто умеет сопереживать литературным героям, умеет чувствовать красоту и понимать авторский замысел:

Блажен, кто знает сладострастье
Высоких мыслей и стихов!

Литература не подвержена смерти, она её не признаёт.
Вот как эта мысль звучит в стихах А.А. Ахматовой:

Ржавеет золото и истлевает сталь,
Крошится мрамор. К смерти всё готово.
Всего прочнее на земле — печаль
И долговечней — царственное слово.

Английский философ-гуманист Ф. Бэкон ещё в XVII веке писал: «Произведение истинного поэта — бессмертно; доказательством тому служат творения Гомера, которые сохранились в течение с лишком 2500 лет; из них не утратилось ни одной буквы, ни одного слова, тогда как в течение того же времени разрушилось или было стёрто с лица земли бесчисленное множество дворцов, храмов, замков и даже целых городов...»

Литература, по мнению русского писателя А.Н. Толстого, «выполняет работу памяти; она выбирает из потока времени наиболее яркое, волнующее, значительное и запечатлевает его в кристаллах книг». Литература ведёт читателя в будущее даже тогда, когда темой художественного произведения являются события «старинны глубокой». Об этом говорили многие русские и зарубежные литераторы. Так, писатель XIX века С.Т. Аксаков утверждал, что «поэт лучше нас, рядовых людей, прозревает будущее».

Процесс творчества у каждого протекает по-своему, но, наверное, каждый из пишущих переживал в некоторой мере то состояние, которое воссоздал А.С. Пушкин:

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем.
И пробуждается поэзия во мне:
Душа стесняется лирическим волненьем,
Трепещет и звучит, и ищет, как во сне,
Излиться наконец свободным проявленьем —
И тут ко мне идёт незримый рой гостей,
Знакомцы давние, плоды мечты моей.

И мысли в голове волнуются в отваге,
 И рифмы лёгкие навстречу им бегут.
 И пальцы просятся к перу, перо — к бумаге.
 Минута — и стихи свободно потекут...

Предметом литературы может быть всё, потому что в жизни человека и человечества есть это «всё». Об этом ёмко сказал М.Е. Салтыков-Щедрин: «Литература — это сокращённая вселенная». Для неё нет запретных сюжетов, тем, слов. Главное, чтобы они были выстраданы и уместны. А источник поэтического вдохновения можно найти в самых обыденных вещах — нужно только уметь смотреть на мир как на чудо. А.А. Ахматова написала об этом в замечательном стихотворении:

Когда б вы знали, из какого сора
 Растут стихи, не ведая стыда,
 Как жёлтый одуванчик у забора,
 Как лопухи и лебеда.

Сердитый окрик, дёгтя запах свежий,
 Таинственная плесень на стене...
 И стих уже звучит, задорен, нежен,
 На радость вам и мне.

Высока и значительна цель литературы. М. Горький так формулировал её: «Цель литературы — помочь человеку понимать самого себя, поднять его веру в себя и развить в нём стремление к истине, бороться с пошлостью в людях, уметь найти хорошее в них, возбуждать в их душахстыд, гнев, мужество, делать всё для того, чтобы люди стали благородно сильными и могли одухотворить свою жизнь святым духом красоты...»

Оставаясь собой, стремясь выразить потаённую мысль по-своему, не отдавая её никому, никакому гению, настоящий художник, по утверждению А.Т. Твардовского, стремится

С тропы своей ни в чём не соступая,
Не отступая — быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашла судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

При этом «сознание нужности, необходимости именно этого произведения, — считал А. Т. Твардовский, — очень важная вещь. Без неё нельзя творить. Если нет внутренней необходимости высказаться, то чудес не бывает — читатель просто не заинтересуется написанным». И в стихах поэта звучит та же мысль:

С меня довольно было б чуда,
И велика была бы честь
То слово вынуть из-под спуда,
Что нужно всем, как пить и есть.

В чём сила литературы, секрет её воздействия на читателя?

Литература, настоящая, художественная, сообщает нечто главное о жизни — через все специальности, увлечения, интересы, времена, — затрагивает *душу*. Потому она и не подвержена забвению, за это её читают и будут читать. Это знали ещё древние: «*Ars longa — vita brevis*» («Жизнь коротка — искусство долговечно»). Не зря три тысячи лет назад надпись над входом в библиотеку Рамзеса II гласила: «Душевное лекарство».

Вопросы и задания

1. Подготовьте тезисы основных положений статьи «О литературе».
2. Как вы понимаете смысл надписи, висевшей над входом в библиотеку египетского фараона Рамзеса II?

3. Составьте словарную статью об античном писателе Гомере.
4. Литература — вид искусства. В чём её отличия от других искусств: живописи, музыки, архитектуры? И что роднит литературу с другими искусствами?

5*1. Можно ли применительно к одному произведению употребить слово «литература»? Уместно ли об отдельно взятом художественном произведении сказать: *хорошая литература* или, наоборот, *плохая литература*? Постарайтесь дать развёрнутый и аргументированный ответ.

О писателе

Немецкий философ XIX века Л. Фейербах утверждал, что «настоящие писатели — совесть человечества». Почему? Потому что они свою задачу, как правило, видят в утверждении добрых чувств, высоких нравственных принципов. При этом писатель не учит — он не наставник и не воспитатель. Читатель учится сам. Писатель видит свою задачу лишь в том, чтобы изображать жизнь такой, какая она, по его мнению, есть. Все права на выводы, заключения, формирование отношения к изображённому он отдаёт читателю. Вот какой образ писателя создал поэт О. Хайям:

Я — школляр в этом лучшем из лучших миров.
Труд мой тяжек: учитель уж больно суров!
До седин я у жизни хожу в подмастерьях,
Всё ещё не зачислен в разряд мастеров.

Такой в творчестве видела себя М. Цветаева:

Я — страница твоему перу.
Всё приму. Я белая страница.
Я — хранитель твоему добру:
Возращу и возвращу сторицей...

¹ Звёздочкой * отмечены вопросы и задания повышенной сложности.

Старший современник А.С. Пушкина К.Н. Батюшков призывал писателей к гармонии между жизнью и сочинительством: «Живи, как пишешь, и пиши, как живёшь: иначе все отголоски лиры твоей будут фальшивы». А.А. Блок был убеждён: «Только то, что было исповедью писателя, только то создание, в котором он сжёг себя дотла, — для того ли, чтобы родиться для новых созданий, или для того, чтобы умереть, — только оно может стать великим. Кто прозорлив хоть немного, должен знать, что в трудный писательский путь нельзя пускаться налегке, а нужно иметь хоть в зачатке «Во Имя», которое бы освещало путь и питало творчество».

Писатель пропускает изображаемое через своё сознание и свою душу. На этом настаивал Н.В. Гоголь: «Всё извлечённое из внешнего мира художник заключает сперва себе в душу и уже оттуда, из душевного родника, устремляет его одной согласной торжественной песней».

Созвучны гоголевским мысли поэта М.Ю. Лермонтова:

Что без страданий жизнь поэта?
И что без бури океан?
Он хочет жить ценою муки,
Ценой томительных забот,
Он покупает неба звуки,
Он даром славы не берёт.

О том же говорил в поэтических строчках С.А. Есенин:

Быть поэтом — это значит то же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие души.

По мнению английского писателя У.С. Моэма, «писатель не существует. Он чувствует за других».

Главной задачей писателя является «прозрение» пра-

вды о предмете изображения. Прочитайте об этом строки некоторых художников слова.

Дж.Г. Байрон:

...Высшее достоинство поэта
Суметь изгнать и клевету и лесть
И мир изобразить таким, как есть!

Е.А. Баратынский:

Всё мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец её! Тебе забвенья нет;
Всё тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.

В.Я. Шишков: «Одного боюсь: как бы из живого родника не потекла дистиллированная водичка».

В.Б. Быков: «Казалось бы, всё очень просто, иначе и не может быть: правда была и остаётся великим содержанием литературы. На деле же нет больших забот у пишущего, чем его отношения с такой постоянно ускользающей, столь изменчивой и текучей категорией, какой является правда».

При этом «цель художника, — утверждал Л.Н. Толстой, — заставить любить жизнь в бесчисленных, никогда не истощимых всех её проявлениях».

Вопросы и задания

1. Как вы считаете, писатель — это профессия? Каким вы представляете себе труд писателя?
2. Добрые чувства... Как вы понимаете это словосочетание? Продолжите предложение: *добрые чувства — это любовь, сострадание...*
3. Вы согласны с мыслью о том, что «писатель не учит»? Аргументируйте свой ответ.

4. Что значит «...иметь хоть в зачатке «Во Имя» и почему слово «Имя» написано А. Блоком с заглавной буквы?
5. Как вы думаете, почему В. Быков называет правду «изменчивой и текучей категорией»?
6. Как вы понимаете выражение «сжечь себя дотла», применённое к писателю?
7. Писатель, литератор, сочинитель, прозаик, поэт, драматург. Это синонимы?

О читателе

Зачем человеку читать? Многие люди размышляют над этим. Немецкий писатель И.В. Гёте писал: «Нет такой книги, из которой человек не мог бы научиться чему-нибудь хорошему», — и сразу же, в следующей фразе, противоречил сам себе: «Слишком много читают посредственных книг и теряют на них время, и больше ничего из этого не выходит». Но дальше Гёте сам же и разрешает это противоречие, говоря: «Добрые люди и не подозревают, каких трудов и времени стоит научиться читать. Я сам на это употребил 80 лет и всё же не могу сказать, что вполне достиг цели».

Так для чего читать? Чтобы узнавать душу писателя, постигать его образ, представлять себе его личность? Конечно. Ведь быть собеседником Гомера и Горация, Пушкина и Гоголя, Л. Толстого и Ж. Верна, многих-многих других авторов, беседовать с ними один на один, без посредников, напрямую, потому что в момент чтения писатель и читатель равны — уже само по себе великое счастье. Но только ли это является целью чтения?

Мы часто употребляем словосочетание «настоящий читатель». Кто он? И каков он?

Вот мысли о настоящем читателе поэта и переводчика С.Я. Маршака: «Поговорим о читателе. О нём говорят редко и мало. А между тем читатель — лицо незаменимое. Без него все произведения — всего лишь немая и мёртвая груда бумаги.

Отдельные читатели могут иной раз ошибочно судить о книгах, но за Читателем в большом, собирательном значении этого слова — и притом на протяжении более или менее продолжительного периода времени — всегда остаётся последнее слово в оценке литературного произведения... <...>

Время идёт, одно поколение сменяет другое, и каждое из них по-своему оценивает дошедшее до него литературное наследство. И если прозаик или поэт сохраняют своё значение и вес в течение веков, то это объясняется не тем, что они были однажды зачислены в ряды гениев и классиков илиувековечены воздвигнутыми в их честь монументами, а тем, что и новые поколения признают их цennыми и нужными для жизни.

А бывают случаи, когда книга, мирно лежащая у нас на полке, постепенно и незаметно теряет своё обаяние. Она как бы уничтожается, сливаясь с другими, ей подобными.

Решает судьбу книги живой человек, читатель.

Все струны, которыми владеет автор, находятся в сердцах у читателей. Иных струн у автора нет. И в зависимости от качества игры на этих струнах они отзываются в душах людей то глухо, то звонко, то громко, то тихо... <...>

Читатель перестаёт быть только читателем. Он становится участником всего, что пережил и перечувствовал поэт... <...>

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевые силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова».

О настоящем читателе размышлял писатель Ч. Айтматов: «Настоящий читатель — это человек, который, беря книгу в руки... открывает себя, величайший дар природы в себе — талант сопереживания, талант человечности. И если это порой случается, значит, книга сделала своё дело — стала мыслью, чувством, мечтами и поступками других людей. Значит, в чём-то она сможет — их усилиями, их волей — изменить народ, жизнь, мир к лучшему».

Кроме того, читать надо, чтобы узнавать жизнь, постигать прошлое, осмысливать настоящее и смотреть в будущее. Читая, говорил поэт И. Бродский, ты узнаёшь прошлое «со скоростью переворачиваемой страницы». И ещё читать необходимо потому, что будущее человечества намечено не политиками, а художниками, и другого будущего, кроме того, что указано искусством, у человечества нет.

Но самое главное — литература рассказывает нам о нас самих. Художественная литература — это наша биография, написанная ещё до нашего рождения. Вчитайтесь внимательно, и вы найдёте в ней вопросы, которые волнуют вас; проблемы, которые у вас возникают; боль, которую вы иногда испытываете; радость, что даёт вам надежды; духовные силы, что помогут по-настоящему жить и чувствовать. Не только вы открываете книгу, но и книга открывает вас.

Завершат наш разговор стихи А.С. Пушкина, которые уже звучали вначале:

IX

<...> ...Но гаснет краткий день, и в камельке забытом
Опять огонь горит — то яркий свет лиёт,
То тлеет медленно — а я пред ним читаю
Иль думы долгие в душе моей питаю.

X

И забываю мир — и в сладкой тишине
Я сладко усыплён моим воображеньем,
И пробуждается поэзия во мне...

Вопросы и задания

1. Какое противоречие заключено в рассуждениях И.В. Гёте и разрешимо ли оно?
2. Почему восьмидесятилетнего «обучения чтению» оказалось недостаточно, чтобы достичь цели?

3. Есть лиозвучные положения в рассуждениях о читателе С. Маршака и Ч. Айтматова? В чём вы видите различие их мнений?

4*. Приведите из художественной литературы примеры, подтверждающие мысль о том, что читатель узнаёт историю человечества «со скоростью переворачиваемой страницы».

Живое слово

1. Подготовьте устное размышление о настоящем читателе. Начните его следующим образом: «Я думаю, что настоящий читатель — это...»

2. Перед вами — строки У. Шекспира о литературе, о творчестве. Какие мысли возникли у вас при их чтении? Сформулируйте и запишите их.

<...>

Резец годов у жизни на челе
За полосой проводит полосу.
Всё лучшее, что дышит на земле,
Ложится под разящую косу.

Но время не сметёт моей строки,
Где ты пребудешь смерти вопреки!

Из мифологии

Человек с древнейших времён пытался понять, как возник мир, в котором он живёт, какие силы управляют этим миром. На первоначальных этапах истории человечества он обращался к помощи фантазии, воображения.

Древний человек был тесно связан с природой; весь видимый мир для него был цельным, неделимым. Власть стихии господствовала в сознании наших далёких предшественников. Не случайно и весь мир они представляли себе творением могучих стихийных сил. Стихия могла быть и благосклонной, и губительной, и равнодушной, и непонятно-таинственной. Весь мир в представлении древнего человека был неким космически родственным, семейным единством, охватывающим небо, землю, море, подземную глубь, потомков и предков. Эти представления древние люди отражали в мифах.

Слово «миф» греческого происхождения. Его переводят как «сказание», «предание». Под мифом подразумевают легенды или сказания о богах и героях, которые участвовали в создании природного и культурного мира.

Совокупность легенд и сказаний о богах и героях составила мифологию.

Мифы с давних времён стали источником вдохновения для писателей, музыкантов, художников. Они породили образы, которые и до сих пор не перестают волновать, тревожить, восхищать и вызывать священный трепет.

Знаете ли вы, что...

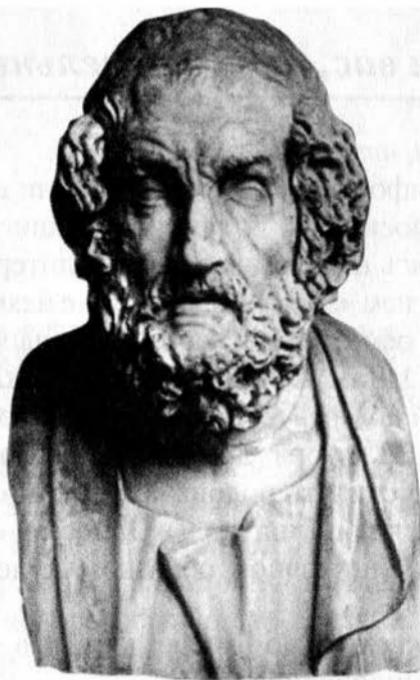
На основе мифов в древности возникали песни, в которых повествовалось о деяниях богов и подвигах героев. Такие песни явились началом собственно литературы и обозначались понятием «эпос»¹. В них также находили отклик переживание и осмысление народом больших исторических событий. Одним из таких событий была Троянская война, о которой повествуется в знаменитой эпической поэме «Илиада». Её автора, древнегреческого поэта-певца Гомера, принято считать родоначальником европейского эпоса. Его творения «Илиада» и «Одиссея» стали для искусства последующих эпох образцом художественного совершенства.

Прочитайте сведения о Гомере, данные в «Краткой литературной энциклопедии»:

«Гомер — легендарный поэт Древней Греции, который считался в древности и в позднее время автором эпических поэм «Илиада» и «Одиссея», а также некоторых мелких произведений («Гомеровские гимны», комическая поэма «Маргит» и др.). Античные биографии изображают Гомера странствующим певцом. За честь называться родиной Гомера спорили, по преданиям, семь городов (Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос, Афины). Время жизни Гомера античные источники определяют по-разному — от 12 до 7 вв. до н.э. Вся совокупность проблем, связанных с изучением личности и сочинений Гомера, известна в литературоведении под названием “гомеровский вопрос”».

Большую часть жизни посвятил изучению жизни Гомера немецкий археолог Генрих Шлиман (1822—1890).

¹ Позже этим словом стали называть не только героические повествования о прошлом, содержащие целостную картину народной жизни и мира, но и особый род литературы (наряду с лирикой и драмой).

Гомер. Античная скульптура

В 1886 году он задался целью открыть вещественные доказательства, связанные с жизнью и творчеством Гомера, и начал заниматься археологией. В 1870—1886 годах он производил раскопки Трои, Микен, Орхомена, Тиринфа и на островах Итака и Крит. Его раскопки дали богатейший материал для формирования представлений об эгейской культуре.

Троянские сокровища, спасённые во время Второй мировой войны от нацистов, долгое время хранились в России.

В России первыми переводчиками Гомера были поэты Николай Иванович Гнедич (1784—1833) и Василий Андреевич Жуковский (1783—1852).

В 1816 году Н. Гнедич написал поэму «Рождение Гомера», которую он рассматривал как часть большого замы-

В.А. Жуковский.
Гравюра Т. Райта.
1835 г.

Н.И. Гнедич.
Художник М. Вишневецкий.
1839 г.

сла, связанного с переводом гомеровской «Илиады» и осмыслением гомеровского вопроса для предполагаемого развернутого комментария к поэме Гомера.

Вот начальные строфы «Рождения Гомера»:

С тех дней, как в Трое жизнь могучего Пелида
Убийцей прервана пред брачным алтарём,
Прошли века; но скорбь глубокую о нём
Хранила в сердце мать, бессмертная Фетида.
«Героев подвиги во гробе не умрут;
Как холмы, гробы их бессмертьем процветут.
Поэзия — глагол святого вдохновенья;
Доколе на земле могуществен и свят,
Героям смерти нет, нет подвигам забвенья:
Из вековых гробов певцы их воскресят»...

В 1829 году Н. Гнедич издал полный перевод «Илиады», над которым работал более 20 лет. Перевод получил огромное признание. А.С. Пушкин оценил труд поэта как совершение высокого подвига. «Русская Илиада перед нами», — писал он. В.Г. Белинский, приветствуя «Илиаду» Н. Гнедича, говорил: «Перевод “Илиады” — эпоха в нашей литературе, и придёт время, когда “Илиада” Гнедича будет настольною книгою всякого образованного человека».

В 1842 году начал перевод «Одиссеи» Гомера В.А. Жуковский.

Муза, скажи мне о том многоопытном муже, который,
Странствуя долго со дня, как святой Илион им разрушен,
Многих людей города посетил и обычаи видел,
Много и сердцем скорбел на морях, о спасенье заботясь
Жизни своей и возврате в отчизну сопутников; тщетны
Были, однако, заботы, не спас он сопутников: сами
Гибель они на себя навлекли святотатством, безумцы,
Съевши быков Гелиоса, над нами ходящего бога, —
День возврата у них он похитил... —

так начинается гомеровская поэма в переводе В.А. Жуковского, которого А.С. Пушкин назвал «гением перевода». В.А. Жуковский не знал древнегреческого языка, и специально для него в Германии был выполнен особого типа подстрочник. И тем не менее «Одиссея» в переводе В.А. Жуковского была признана венцом переводческой деятельности поэта.

К трудам Гнедича и Жуковского неоднократно обращался Пушкин, написавший о русских переводах Гомера:

Слышу умолкнувший звук божественной эллинской речи,
Старца великого тень чую смущенной душой.

Знаете ли вы, что...

— действие одного из греческих мифов, об Ифигении, развивалось в Крыму — в «Тавриде»;
— в Крыму есть скала Агамемнона;

— действие мифа об аргонавтах происходило в Колхиде (Грузия);

— музыку на мотивы античных мифов сочиняли русские композиторы: Н.А. Римский-Корсаков (1844—1908) — «Из Гомера», С.И. Танеев (1856—1915) — опера «Орестей», А.Н. Скрябин (1871—1915) — «Прометей».

Живое слово

Подготовьте небольшое сообщение о Троянской войне и отражении её в произведениях литературы и искусства.

Материал для сообщения

Поэма Гомера «Одиссея» описывает полное приключений возвращение на родину после Троянской войны царя маленького острова Итаки Одиссея. События самой войны послужили сюжетом первой гомеровской поэмы, «Илиады»; однако в ней отражено лишь несколько эпизодов так называемого Троянского цикла. Человек античного мира хорошо знал сказания этого цикла, и упоминания о тех или иных событиях, рассыпанные по тексту гомеровских поэм, были ему понятны.

Последовательность событий в сказаниях Троянского цикла такова:

Эрида, богиня раздора, обиженная тем, что её, единственную из богов, не пригласили на свадьбу царя мирмидонян Пелея и морской богини Фетиды, подбрасывает пирующим золотое яблоко с надписью «прекраснейшей». На это звание претендуют богини Афина, Афродита и Гера. В судьи выбирают Париса (Александра), сына царя малоазийского города Трои Приама. Афродита обещает дать Парису в жёны Елену, дочь Зевса и Леды, прекраснейшую из женщин, и Парис присуждает яблоко ей. После этого он отправляется в Спарту и с помощью Афродиты увозит Елену от мужа, спартанского царя Менелая.

Менелай и его брат, царь Микен Агамемнон, собирают огромное войско, которое десять лет осаждает Трою. Главными героями Троянской войны со стороны греков были: сын Пелея и Фетиды Ахиллес, Одиссей, царь Пилоса старец Нестор, единоутробные братья Аяксы, аргосский царь Диомед. Главным защитником Трои был старший сын Приама Гектор, на десятом году войны убитый Ахиллесом. Вскоре после этого Парис стрелой убил Ахиллеса.

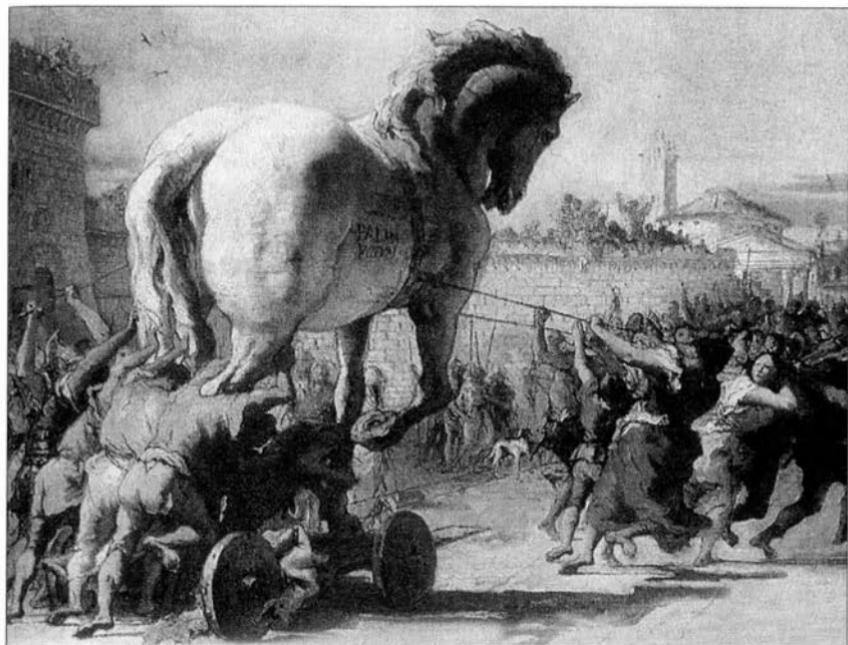
Грекам не удалось силой взять Трою, и по совету Одиссея они сделали вид, что отплыли домой, оставив на берегу огромного деревянного коня, в котором была устроена засада. Троянцы внесли коня в город, и Троя была взята. Из основных героев войны лишь Нестор и Менелай благополучно вернулись домой; Агамемнон, вернувшись, был убит женой и её любовником; старший Аякс покончил с собой ещё под Троей, оскорблённый тем, что доспехи Ахиллеса отдали Одиссею, а не ему; младший Аякс погибает в море.

Возвращению Одиссея после десятилетнего странствия и посвящена эта поэма Гомера.

Из греческой мифологии

В пятом классе вы впервые встретились с таким понятием, как миф, изучили несколько мифов Древней Греции, познакомились с античными богами. Без знания мифов невозможно постичь древнюю культуру и историю страны, её обычай и представления людей о мире и жизни, ведь в своей основе миф глубоко национален — связан с психологией и системой ценностей народа, с климатом и ландшафтом страны.

Кроме того, мифы помогают понять мировое искусство, ведь они с давних времён и по сей день являются источником вдохновения для писателей, музыкантов и художников, которые используют мифологические образы, сюжеты и мотивы для создания собственных ори-

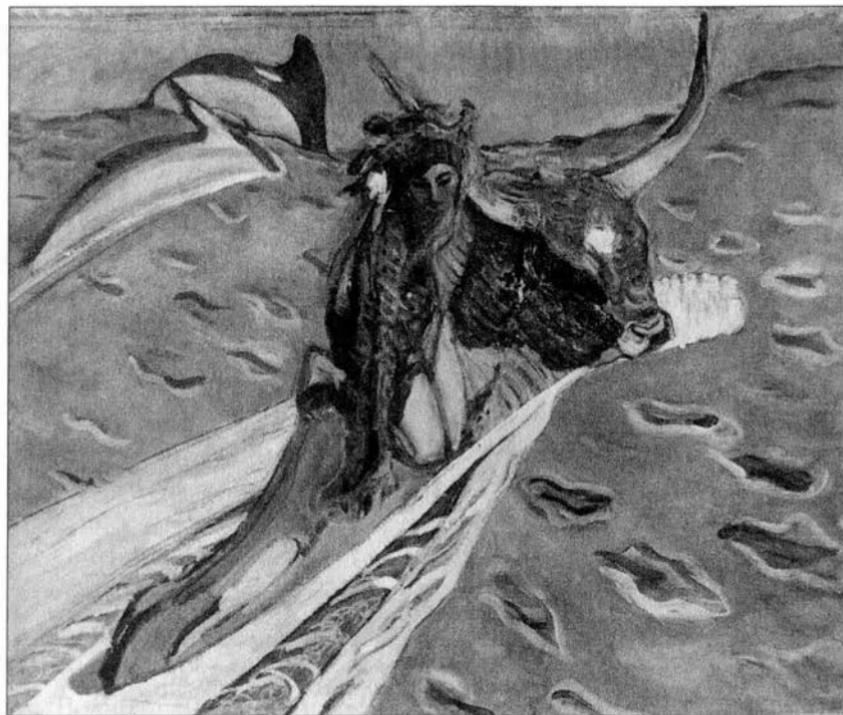
Троянцы везут коня в город.
Художник Д.Б. Тьеполо. Ок. 1760 г.

гинальных творений. Вам, наверное, встречалось выражение «по мотивам», когда речь шла не о музыке, а вообще о каком-либо произведении, в основе которого — другое произведение (мифологическое, религиозное, литературное).

Мотив в произведении искусства — часть темы или устойчивый элемент сюжета.

Любой сюжет — переплетение мотивов, тесно связанных между собой. Эта связь помогает глубже понять главную тему произведения. Например, одна из Евангельских притч повествует о возвращении блудного сына. К этому сюжету неоднократно обращались многие художники и писатели. Он отражён в полотне великого голландского живописца Рембрандта «Возвращение

Похищение Европы. Художник В.А. Серов. 1910 г.

блудного сына»; в повести А.С.Пушкина «Станционный смотритель» также присутствует этот мотив. Мифологический эпизод похищения Европы Юпитером в образе быка отразился в известных картинах Клода Лоррена и Валентина Серова «Похищение Европы»; сюжет о скульпторе Пигмалионе, влюбившемся в собственное творение — прекрасную статую Галатеи, — использован в комедии английского драматурга Бернарда Шоу «Пигмалион». Эти и многие другие произведения невозможно глубоко понять, не зная источник происхождения того, что в них изображено.

ГЕРОИ¹

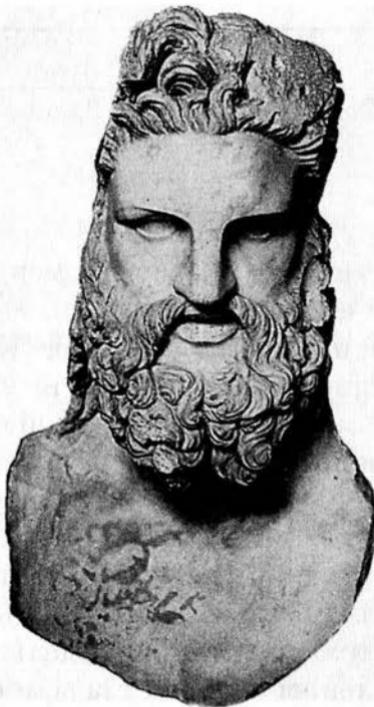
ПЯТЬ ВЕКОВ²

Живущие на светлом Олимпе бессмертные боги первый род людской создали счастливым, — это был золотой век. Бог Крон правил тогда на небе. Как блаженные боги, жили в те времена люди, не зная ни заботы, ни труда, ни печали. Не знали они и немощной старости, всегда были сильны и крепки их ноги и руки. Безболезненная и счастливая жизнь их была вечным пиром. Смерть, наступавшая после долгой жизни, похожа была на спокойный, тихий сон. Они имели при жизни всё в изобилии. Земля сама давала им богатые плоды, и не приходилось им тратить труд на возделывание полей и садов. Многочисленны были их стада, и спокойно паслись они на тучных пастбищах. Безмятежно жили люди золотого века. Сами боги приходили к ним советоваться. Но золотой век на земле кончился, и никого не осталось из людей этого поколения. После смерти люди золотого века стали духами, покровителями людей новых поколений. Окутанные туманом, они носятся по всей земле, защищая правду и карая зло. Так наградил их Зевс после их смерти.

Второй людской род и второй век уже не были такими счастливыми, как первый. Это был серебряный век. Не были равны ни силой, ни разумом люди серебряного века людям золотого. Сто лет росли они неразумными в домах своих матерей, только возмужав, покидали их. Коротка была их жизнь в зрелом возрасте, а так как они были неразумны, то многое несчастья и горя видели они в

¹ Все античные мифы в этом учебнике даны в пересказе Н.А. Куна.

² Миф изложен по поэме Гесиода «Труды и дни».

Голова Зевса.
Античная скульптура

жизни. Непокорны были люди серебряного века. Они не повиновались бессмертным богам и не хотели сжигать им жертвы на алтарях. Великий сын Крона Зевс уничтожил род их на земле. Он разгневался на них за то, что не повиновались они богам, живущим на светлом Олимпе. Зевс поселил их в подземном сумрачном царстве. Там и живут они, не зная ни радостей, ни печалей; им тоже воздают почести люди.

Отец Зевс создал третий род и третий век — век медный. Не похож он на серебряный. Из древка копья создал Зевс людей — страшных и могучих. Возлюбили люди медного века гордость и войну, обильную стонами. Не знали они земледелия и не ели плодов земли, кото-

рые дают сады и пашни. Зевс дал им громадный рост и несокрушимую силу. Неукротимо, мужественно было их сердце и неодолимы руки. Оружие их было выковано из меди, из меди были их дома, медными орудиями работали они. Не знали ещё в те времена тёмного железа. Своими собственными руками уничтожали друг друга люди медного века. Быстро сошли они в мрачное царство ужасного Аида. Как ни были они сильны, всё же чёрная смерть похитила их, и покинули они ясный свет солнца.

Лишь только этот род сошёл в царство теней, тотчас же Зевс создал на кормяцей всех земле четвёртый век и новый род людской, более благородный, более справедливый, равный богам род полубогов-героев. И они все погибли в ужасных кровопролитных битвах. Одни погибли у семивратных Фив, в стране Кадма, сражаясь за наследие Эдипа. Другие пали под Троей, куда явились они за прекраснокудрой Еленой, переплыv на кораблях широкое море. Когда всех их похитила смерть, Зевс-громовержец поселил их на краю земли, вдали от живых людей. Полубоги-герои живут на островах блаженных, у бурных вод Океана, счастливой, беспечальной жизнью. Там плодородная земля трижды в год даёт им плоды, сладкие, как мёд.

Последний, пятый век и род людской — железный. Он продолжается и теперь на земле. Ночью и днём, не переставая, губят людей печали и изнурительный труд. Боги посыпают людям тяжкие заботы. Правда, к злу примешивают боги и добро, но всё же зла больше, оно царит повсюду. Не чтят дети родителей, друг не верен другу, гость не находит гостеприимства, нет любви между братьями. Не соблюдают люди данной клятвы, не ценят правды и добра. Друг у друга разрушают люди города. Всюду властвует насилие. Ценятся лишь гордость и сила.

Богини Совесть и Правосудие покинули людей. В своих белых одеждах взлетели они на высокий Олимп к бессмертным богам, а людям остались только тяжкие беды, и нет у них защиты от зла.

Вопросы и задания

1. Чем миф отличается от сказки? Приведите примеры известных мифов и сказок.
2. Каким представляли себе мир древние греки?
3. Каковы были взаимоотношения богов? Как они относились к людям?
4. Какие качества приписывались богам, какие — героям?
5. Вспомните значения выражений, происхождение которых связано с мифами: *ахиллесова пятна*, *яблоко раздора*, *между Сциллой и Харибдой*, *муки Тантала*, *олимпийское спокойствие*, *сизифов труд*, *золотой век*.

Пустынная, дикая местность на самом краю земли, в стра- не скифов. Суровые скалы уходят за облака своими остроконечными вершинами. Кругом — никакой растительности, не видно ни единой травинки, всё голо и мрачно. Всюду высият- ся тёмные громады камней, оторвавшихся от скал. Море шумит и грохочет, ударяясь своими валами о подножие скал, и высоко взлетают солёные брызги. Морской пеной покрыты прибрежные камни. Далеко за скалами виднеются снежные вершины кавказских гор, подёрнутые лёгкой дымкой. Постепенно заволакивают даль грозные тучи, скрывая горные вершины. Всё выше и выше поднимаются по небу тучи и закрывают солнце. Ещё мрачнее становится всё кругом. Безотрадная, суровая местность. Никогда ещё не ступала здесь нога человека. Сюда-то, на край земли, привели слуги Зевса скованного титана Прометея, чтобы приковать его несокрушимыми цепями к вершине скалы.

Неодолимые слуги громовержца, Сила и Власть, ведут Прометея. Громадные тела их словно высечены из гранита. Не знают сердца их жалости, в их глазах никогда не светится сострадание, их лица суровы, как скалы, которые стоят вокруг. Печальный, низко склонив голову, идёт за ними бог Гефест со своим тяжёлым молотом. Ужасное дело предстоит ему. Он должен своими руками приковать друга своего Прометея. Глубокая скорбь за участь друга гнетёт Гефеста, но не смеет он ослушаться своего отца, громовержца Зевса. Он знает, как неумолимо карает Зевс за неповинование.

Сила и Власть возвели Прометея на вершину скалы и торопят Гефеста приниматься за работу. Их жестокие речи заставляют Гефеста ещё сильнее страдать за друга. Неохотно берётся он за свой громадный молот, только необходимость заставляет его повиноваться. Но торопит его Сила:

— Скорей, скорей бери оковы! Прикуй могучими ударами к скале Прометея. Напрасна твоя скорбь о нём: ведь ты скорбишь о враге Зевса.

Сила грозит гневом Зевса Гефесту, если он не прикуёт Прометея так, чтобы ничего не могло освободить его. Гефест приковывает к скале цепями руки и ноги Прометея. Как ненавидит он теперь своё искусство! Неумолимые служители Зевса всё время следят за его работой.

— Сильней бей молотом! Крепче стягивай оковы! Не смей их ослаблять! Хитёр Прометей, искусно умеет он находить выход из неодолимых препятствий, — говорит Сила, — крепче прикуй его, пусть здесь узнает он, каково обманывать Зевса.

— О, как подходят жестокие слова ко всему твоему суровому облику! — восклицает Гефест.

Скала содрогается от тяжких ударов молота, и от края до края земли разносится грохот могучих ударов. Прикован наконец Прометей. Но это ещё не всё, нужно ещё прибить его к скале, пронзив ему грудь несокрушимым остриём. Медлит Гефест.

— О Прометей! — восклицает он. — Как скорблю я, видя твои муки!

— Опять ты медлишь! — гневно говорит Гефесту Сила. — Ты всё ещё скорбишь о враге Зевса! Смотри, как бы не пришлось тебе скорбеть о самом себе!

Наконец всё окончено. Всё сделано так, как повелел Зевс. Прикован титан, а грудь его пронзило остриё. Издаваясь над Прометеем, говорит ему Сила:

— Ну вот, здесь ты можешь быть сколько хочешь надменным, будь горд по-прежнему! Давай теперь смертным дары богов, похищенные тобой! Посмотрим, в силах ли будут помочь тебе твои смертные. Придётся тебе самому подумать о том, как освободиться из этих оков.

Прометей хранит гордое молчание. За всё время, пока приковывал его Гефест к скале, он не проронил ни единого слова, даже тихий стон не вырвался у него — ничем не выдал он своих страданий.

Ушли слуги Зевса, Сила и Власть, а с ними ушёл и печальный Гефест. Один остался Прометей, слышать его могли теперь лишь море да мрачные тучи. Только теперь тяжкий стон вырвался из пронзённой груди могучего титана, только теперь стал он сетовать на злую судьбу свою. Невыразимым страданием и скорбью звучали его сетования:

— О божественный эфир и вы, быстронесущиеся ветры, о источники рек и несмолкающий рокот морских волн, о земля, всеобщая праматерь, о всевидящее солнце, обогающее весь круг земли, — всех вас зову я в свидетели! Смотрите, что терплю я! Вы видите, какой позор должен нести я неисчислимые годы! О горе, горе! Стонать я буду от муки и теперь, и много, много веков! Как найти мне конец моим страданиям? Но что же говорю я! Ведь я же знал, что так будет. Муки эти не постигли меня нежданно. Я знал, что неизбежны веления грозного рока. Я должен нести эти муки! За что же? За то, что я дал великие дары смертным, за это я должен страдать так невыносимо, и не избежать мне этих мук. О горе, горе!

Но вот послышался тихий шум как бы от взмахов крыльев, словно полёт лёгких тел всколыхнул воздух. С далёких берегов седого Океана, из прохладного грота с лёгким дуновением ветерка примчались на колеснице к скале океаниды. Они услышали удары молота Гефеста, донеслись до них и стоны Прометея. Слёзы заволокли прекрасные очи океанид, когда увидели они прикованного к скале могучего титана. Родным был он океанидам. Отец его, Япет, был братом отца их, Океана, а жена Прометея, Гесиона, была их сестрой. Окружили скалу океаниды. Глубока их скорбь о Прометееве. Но слова его, проклинающие Зевса и всех богов-олимпийцев, пугают океанид. Они боятся, что Зевс сделает ещё более тяжкими страдания титана. За что постигла его такая кара, океаниды не знают. Полные сострадания, просят они Прометея поведать им, за что покарал его Зевс, чем прогневал его титан.

Прометей рассказывает им, как помог он Зевсу в борьбе с титанами, как убедил мать свою Фемиду и богиню земли Гею встать на сторону Зевса. Зевс победил титанов и сверг их по совету Прометея в недра ужасного Тартара. Завладел Зевс властью над миром и разделил её с новыми богами-олимпийцами, а тем титанам, которые помогали ему, не дал громовержец власти в мире. Зевс ненавидит титанов, боится их грозной силы. Не доверял Зевс и Прометею и ненавидел его. Ещё сильнее разгорелась ненависть Зевса, когда Прометей стал защищать несчастных смертных людей, которые жили ещё в то время, когда правил Крон, и которых Зевс хотел погубить. Но Прометей пожалел не обладавших ещё разумом людей; он не хотел, чтобы сошли они несчастными в мрачное царство Аида. Он вдохнул в них надежду, которой не знали люди, и похитил для них божественный огонь, хотя и знал, какая кара постигнет его за это. Страх ужасной казни не удержал гордого, могучего титана от желания помочь людям. Не удержали его и предостережения его вещей матери, Фемиды.

С трепетом слушали океаниды рассказ Прометея. Но вот на быстрокрылой колеснице принёсся к скале сам ве-

щий старец Океан. Океан пытается уговорить Прометея покориться власти Зевса: ведь должен же он знать, что бесплодно бороться с победителем ужасного Тифона. Океан жалеет Прометея, он сам страдает, видя, какие муки терпит Прометей. Вещий старец готов поспешить на Олимп, чтобы молить Зевса помиловать титана, хотя этими мольбами может он навлечь на себя гнев громовержца. Он верит, что мудрое слово защиты часто смягчает гнев. Но напрасны мольбы Океана, гордо отвечает ему Прометей:

— Нет, старайся спасти самого себя. Боюсь я, что страдание принесёт вред тебе. До дна исчерпаю я всё зло, которое послала мне судьба. Ты же, Океан, страшись вызвать гнев Зевса мольбою за меня.

— О, вижу я, — грустно отвечает Океан Прометею, — что этими словами заставляешь ты меня вернуться назад, не достигнув ничего. Верь же мне, о Прометей, что привели меня сюда лишь забота о твоей судьбе и любовь к тебе!

— Нет! Уходи! Скорей, скорей спеши отсюда! Оставь меня! — восклицает Прометей.

С болью в сердце покинул Океан Прометея. Он умчался на своей крылатой колеснице, а Прометей продолжил рассказ о том, что сделал он для людей, нарушив волю Зевса. С горы Мосхи, на Лемносе, из горна своего друга Гефеста похитил Прометей огонь для людей. Он научил людей искусствам, дал им знания, научил их счёту, чтению и письму. Он познакомил их с металлами, научил добывать их в недрах земли и обрабатывать. Прометей смирил дикого быка и надел на него ярмо, чтобы могли пользоваться люди силой быков, обрабатывая свои поля. Прометей впряжен коня в колесницу и сделал его послушным человеку. Мудрый титан построил первый корабль, оснастил его и распустил на нём льняной парус, чтобы быстро нёс человека корабль по безбрежному морю. Раньше люди не знали лекарств, не умели лечить болезни, но Прометей открыл им силу лекарств. Он научил их всему, что облегчает горести жизни и делает её счастливее и радостнее. Этим и прогневал он Зевса, за это и покарал его громовержец.

Но не вечно будет страдать Прометей. Он знает, что злой рок постигнет и могучего громовержца. Не избегнет он своей судьбы! Прометей знает, что царство Зевса не вечно: будет он свергнут с высокого царственного Олимпа. Знает вещий титан и великую тайну, как избежать Зевсу злой судьбы, но не откроет он этой тайны Зевсу. Никакая сила, никакие угрозы, никакие муки не исторгнут её из уст гордого Прометея.

Кончил Прометей свой рассказ. С изумлением слушали его океаниды. Дивились они великой мудрости и несокрушимой силе духа могучего титана, осмелившегося восстать против громовержца Зевса. Опять овладел ими ужас, когда услышали они, какой судьбой грозит Зевсу Прометей. Они знали, что если эти угрозы достигнут Олимпа, то ни перед чем не остановится громовержец, лишь бы узнать роковую тайну. Полными слёз глазами смотрят на Прометея океаниды, потрясённые мыслью о неизбежности велений сурогового рока. Глубокое молчание воцарилось на скале, его прерывал лишь неумолкающий шум моря.

Вдруг вдали раздался чуть слышный, едва уловимый стон скорби и боли. Вот опять донёсся он до скалы. Всё ближе, громче этот стон. Гонимая огромным оводом, посланным Герой, вся в крови, покрытая пеной, несётся в неистовом, безумном беге обращённая в корову несчастная Ио, дочь речного бога Инаха, первого царя Арголиды. Истомлённая, обессиленная скитаниями, истерзанная жалом овода, остановилась Ио перед прикованным Прометеем. Громко стеная, рассказывает она, что пришлось вынести ей, и молит веющего титана:

— О Прометей! Здесь, на этом пределе моих скитаний, открой мне, молю тебя, когда же кончатся мои муки, когда же наконец найду я покой?

— О, верь мне, Ио! — ответил Прометей. — Лучше не знать тебе этого, чем знать. Многое ещё страна пройдёшь ты, много встретишь ужасов на своём пути. Твой тяжкий путь лежит через страну скифов, через высокий снежный Кавказ, через страну амазонок к проливу Босфор — так назовут

его в честь тебя, когда ты переплыёшь его. Долго будешь ты затем блуждать по Азии. Ты пройдёшь мимо страны, где живут несущие смерть горгоны; на их головах извиваются, шипя, змеи вместо волос. Остерегайся их! Остерегайся грифов¹ и однооких аримаспов², и их ты встретишь на своём пути. Наконец достигнешь ты Библийских гор, с них низвергает свои благодатные воды Нил. Вот там-то, в стране, которую орошают Нил, у его устья, найдёшь ты наконец покой. Там вернёт тебе Зевс твой прежний прекрасный образ, и родится у тебя сын Эпаф. Он будет властвовать над всем Египтом и будет родоначальником славного поколения героев. Из этого рода произойдёт и тот смертный, который освободит меня из оков. Вот что, Ио, поведала мне о судьбе твоей мать моя, вещая Фемида.

Громко воскликнула Ио:

— О горе, горе! О, сколько страданий сулит мне ещё злой рок! Сердце трепещет в груди моей от ужаса! Вновь овладевает мной безумие, снова вонзилось огненное жало в моё истерзанное тело, опять лишаюсь я дара речи! О горе, горе!

Безумно вращая глазами, в бешеном беге понеслась прочь от скалы Ио. Словно подхваченная вихрем, умчалась она в даль. С громким жужжанием нёсся за ней овод, и огнём жгло его жало несчастную Ио. Скрылась она в облаках пыли из глаз Прометея и океанид. Всётише, тиши доносились до скалы вопли Ио, замерли они наконец вдали, подобно тихому стону скорби.

Молчали Прометей и океаниды, скорбя о несчастной Ио, но вот воскликнул гневно Прометей:

— Как ни мучь ты меня, громовержец Зевс, но всё же настанет день, когда и тебя повергнут в ничтожество. Лишишься ты царства и свергнут будешь во мрак. Исполнятся тогда проклятия отца твоего Крона! Никто из богов не знает, как предотвратить от тебя эту злую судьбу! Лишь я

¹ Грифы — крылатые чудовища с львиным туловищем и головой орла, стражи золота.

² Аримаспы — мифическое племя одноглазых и косматых скотоводов-наездников, отнимающих золото у грифов.

знаю! Вот сидишь ты теперь, могучий, на светлом Олимпе и мечешь громы и молнии, но они тебе не помогут, они беспомощны против неизбежного рока. О, повергнутый во прах, узнаешь ты, какая разница между властью и рабством!

Страх затуманил очи океанид, и ужас согнал краску с их прекрасных ланит. Простирая к Прометею свои руки, белые, как морская пена, восклинули они:

— Безумный! Как не страшишься ты грозить царю богов и людей, Зевсу? О Прометей, ещё более тяжкие муки пошлёт он тебе! Подумай о судьбе своей; пожалей себя!

— На всё готов я!

— Но ведь склоняется же мудрый пред неумолимым роком!

— О, молите, просите вы пощады! Ползите на коленях к грозному владыке! А мне — что мне громовержец Зевс? Что бояться мне его? Не суждена мне смерть! Пусть делает что хочет Зевс. Недолго ему властвовать над богами!

Едва промолвил эти слова Прометей, как по воздуху быстро, словно падающая звезда, пронёсся Гермес и, грозный, предстал перед Прометеем. Его послал Зевс потребовать, чтобы титан открыл тайну: кто свергнет Зевса и как избегнуть веления судьбы? Гермес грозит ужасной карой Прометею за неповинование. Но могучий титан не преклонен, с насмешкой отвечает он Гермесу:

— Мальчишкой был бы ты и детским был бы ум твой, если бы ты надеялся узнать хоть что-нибудь. Знай, что я не променяю своих скорбей на рабское служение Зевсу. Мне лучше быть прикованным к этой скале, чем стать верным слугой тирана Зевса. Нет такой казни, таких мук, которыми мог бы Зевс устрашить меня и вырвать из уст моих хоть единое слово. Нет, не узнает он, как спастись ему от судьбы, никогда не узнает тиран Зевс, кто отнимет у него власть!

— Так слушай же, Прометей, что будет с тобой, если ты откажешься исполнить волю Зевса, — отвечает титану Гермес. — Ударом своей молнии он низвергнет эту скалу с тобой вместе в мрачную бездну. Там, в каменной темни-

Прометей, терзаемый орлом.
Скульптор Н.С. Адам. 1732–1738 гг.

це, много-много веков, лишённый света солнца, будешь терзаться ты в глубоком мраке. Пройдут века, и снова поднимет тебя Зевс на свет из бездны, но не на радость поднимет он тебя. Каждый день будет прилетать орёл, которого пошлёт Зевс, и острыми когтями и клювом будет он терзать твою печень; вновь и вновь будет вырастать она, и всё ужасней будут твои страдания. Так будешь ты висеть на скале до той поры, пока другой не согласится добровольно сойти вместо тебя в мрачное царство Аида. Подумай, Прометей, не лучше ль покориться Зевсу! Ведь ты же знаешь, что Зевс никогда не грозит напрасно!

Непреклонным остался гордый титан. Разве могло что-нибудь устрашить его сердце? Вдруг задрожала земля, всё кругом сотряслось, раздались оглушительные раскаты грома, и сверкнула нестерпимым светом молния. Забушевал неистово чёрный вихрь. Словно громады гор поднялись на море пенистые валы. Заколебалась скала. Среди рева бури, грома и грохота землетрясения раздался ужасный вопль Прометея:

— О, какой удар направил против меня Зевс, чтобы вызвать ужас в моём сердце! О высокочтимая мать Фемида, о эфир, струящий всем свет! Смотрите, как несправедливо карает меня Зевс!

Рухнула со страшным грохотом скала с прикованным к ней Прометеем в неизмеримую бездну, в вековечный мрак.

Протекли века, и снова поднял Зевс на свет из тьмы Прометея. Но страдания его не кончились, ещё тяжелее стали они. Опять лежит он, распростёртый на высокой скале, пригвождённый к ней, опутанный оковами. Жгут его тело палящие лучи солнца, проносятся над ним бури, его измощдённое тело хлещут дожди и град, зимой же хлопьями падает снег на Прометея, и леденящий холод сковывает его члены. И этих мук мало! Каждый день огромный орёл прилетает, шумя могучими крыльями, на скалу. Он садится на грудь Прометея и терзает её острыми, как сталь, когтями. Орёл рвёт своим кловом печень титана. Потоками льётся кровь и обагряет скалу, чёрными сгустками застывает кровь у подножия скалы, она разлагается на солнце и невыносимым смрадом заражает кругом воздух. Каждое утро прилетает орёл и принимается за свою кровавую трапезу. За ночь заживают раны, и вновь вырастает печень, чтобы днём дать новую пищу орлу. Годы, века делятся эти муки. Истомился могучий титан Прометей, но не сломлен его гордый дух страданьями.

Титаны давно примирились с Зевсом и покорились ему. Они признали его власть, и Зевс освободил их из мрачного Тартара. Теперь они, громадные, могучие, при-

шли на край земли к скале, где лежал скованный Прометей. Они окружили скалу и убеждают Прометея покориться Зевсу. Пришла и мать Прометея, Фемида, и молит сына смириТЬ свой гордый дух и не противиться Зевсу. Она молит сына сжалиться над ней: ведь так невыносимо страдает она, видя муки сына. Сам Зевс забыл уже свой прежний гнев. Теперь держава его сильна, ничто не может поколебать её, ничто не страшно ему. Да и правит он уже не как тиран, он охраняет государства, хранит законы. Он покровительствует людям и правде среди них. Только одно беспокоит ещё громовержца — это та тайна, которую знает один Прометей. Зевс готов, если Прометей откроет ему роковую тайну, помиловать могучего титана. Уже близко время, когда кончатся муки Прометея. Уже родился и возмужал великий герой, которому суждено судьбой освободить от оков титана. Непреклонный Прометей по-прежнему хранит тайну, изнывая от мук, но и его начинают покидать силы.

Наконец и великий герой, которому суждено освободить Прометея, во время своих странствований приходит сюда, на край земли. Герой этот — Геракл, сильнейший из людей, могучий, как бог. С ужасом смотрит он на мучения Прометея, и сострадание овладевает им. Титан рассказывает Гераклу о злой судьбе своей и пророчествует ему, какие ещё великие подвиги предстоит Гераклу совершить. Полный внимания, слушает титана Геракл. Но ещё не весь ужас страданий Прометея видел Геракл. Вдали слышится шум могучих крыльев — это летит орёл на свой кровавый пир. Он кружится высоко в небе над Прометеем, готовый спуститься к нему на грудь. Геракл не дал ему терзать Прометея. Он схватил свой лук, вынул из колчана смертоносную стрелу, призвал стреловержца Аполлона, чтобы верней направил он полёт стрелы, и пустил её. Громко зазвенела тетива лука, взвилась стрела, и пронзённый орёл упал в бурное море у самого подножия скалы. Миг освобождения настал. Принесся с высокого Олимпа быстрый Гермес.

С ласковой речью обратился он к могучему Прометею и обещал ему немедленное освобождение, если откроет он тайну, как избежать Зевсу злой судьбы. Согласился на конец могучий Прометей открыть Зевсу тайну и сказал:

— Пусть не вступает громовержец в брак с морской богиней Фетидой, так как богини судьбы, вещие Мойры, вынули такой жребий Фетиде: кто бы ни был её мужем, от него родится у неё сын, который будет могущественней отца. Пусть боги отдадут Фетиду в жёны герою Пелею, и будет сын Фетиды и Пелея величайшим из смертных героев Греции.

Прометей открыл великую тайну, Геракл разбил своей тяжёлой палицей его оковы и вырвал из груди его несокрушимое стальное остриё, которым пригвождён был титан к скале. Встал титан, теперь он был свободен. Кончились его муки. Так исполнилось его предсказание, что смертный освободит его. Громкими, радостными кликами приветствовали титаны освобождение Прометея.

С тех пор носит Прометей на руке железное кольцо, в которое вставлен камень от той скалы, где терпел он столько веков невыразимые муки.

Вместо же Прометея в подземное царство душ умерших согласился сойти мудрый кентавр Хирон. Этим избавился он от страданий, которые причиняла ему неисцелимая рана, нанесённая нечаянно Гераклом.

Вопросы и задания

1. За что был наказан Прометей? Как вы считаете, справедливо ли это наказание? Согласен ли с ним Гефест и почему он не может ослушаться Зевса?
2. Какие испытания выпали на долю Прометея?
3. Кто освободил Прометея? О чём разговаривают Прометей и Геракл?

4*. Почему Прометея в Древней Греции считали мифологическим героем?

5. Как вы понимаете выражение, ставшее крылатым: «огонь Прометея»?

6. В тексте мифа много раз встречаются восклицательные предложения. Как вы это объясните?

7. Какие чувства и ассоциации вызывает у вас скульптурный портрет Н.С. Адамса «Прометей, терзаемый орлом»?

Один из известных героев древних греческих мифов — Геракл, совершивший множество удивительных подвигов. Двенадцатый подвиг Геракла воспроизведен в мифе «Яблоки Гесперид».

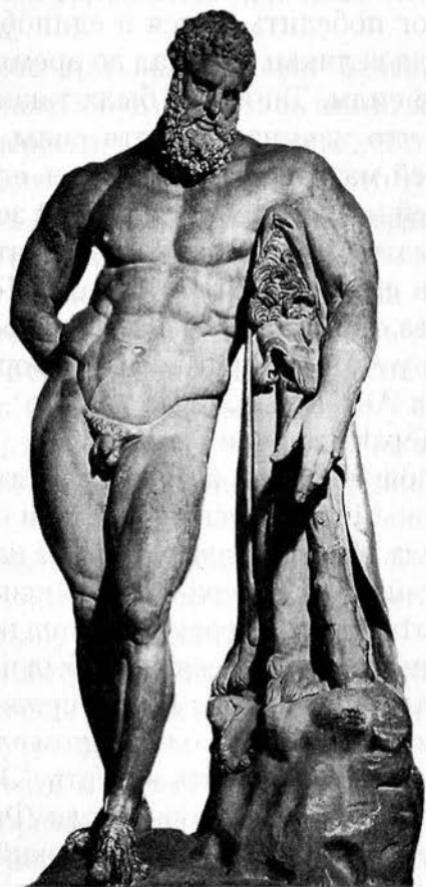

Самым трудным подвигом Геракла на службе у Эврисфея был его последний, двенадцатый, подвиг. Он должен был отправиться к великому титану Атласу, который держит на плечах небесный свод, и достать из его садов, за которыми смотрели дочери Атласа Геспериды, три золотых яблока. Яблоки эти росли на золотом дереве, выращенном богиней земли Геей в подарок Гере в день её свадьбы с Зевсом. Чтобы совершить этот подвиг, нужно было прежде всего узнать путь в сады Гесперид, охраняемые драконом, никогда не смыкавшим глаз сном.

Никто не знал пути к Гесперидам и Атласу. Долго блуждал Геракл по Азии и Европе, прошёл он все страны, которые проходил раньше по пути за коровами Гериона; всюду Геракл расспрашивал о пути в сады Гесперид. В своих поисках зашёл он на самый крайний север, к вечно катящей свои бурные, беспредельные воды реке Эридану¹. На

¹ Мифическая река.

берегах Эридана с почётом встретили великого сына Зевса прекрасные нимфы и дали ему совет, как узнать путь в сады Гесперид. Геракл должен был напасть врасплох на морского вещего старца Нерея, когда он выйдет на берег из морской пучины, и узнать у него путь к Гесперидам; кроме Нерея, никто не знал этого пути. Геракл долго искал Нерея. Наконец, удалось ему найти Нерея на берегу моря. Геракл напал на морского бога. Трудна была борьба с морским богом. Чтобы освободиться от железных объятий Геракла, Нерей принимал всевозможные виды, но

Статуя Геракла.
Скульптор Лисипп. IV в. до н.э.

всё-таки не выпускал его герой. Наконец, он связал утомлённого Нерея, и морскому богу пришлось, чтобы получить свободу, открыть Гераклу тайну пути в сады Гесперид. Узнав эту тайну, сын Зевса отпустил морского старца и отправился в далёкий путь.

Опять пришлось ему идти через Ливию. Здесь встретил он великана Антея, сына Посейдона, бога морей, и богини земли Геи, которая его родила, вскормила и воспитала. Антей заставлял всех путников бороться с ним и всех, кого побеждал в борьбе, немилосердно убивал. Великан потребовал, чтобы и Геракл боролся с ним. Никто не мог победить Антея в единоборстве, не зная тайны, откуда великан получал во время борьбы все новые и новые силы. Тайна же была такова: когда Антей чувствовал, что начинает терять силы, он прикасался к земле, своей матери, и обновлялись его силы; он черпал их у своей матери, великой богини земли. Но стоило только оторвать Антея от земли и поднять его на воздух, как исчезали его силы. Долго боролся Геракл с Антеем, несколько раз он валил его на землю, но только прибавлялось силы у Антея. Вдруг во время борьбы поднял могучий Геракл Антея высоко на воздух, — иссякли силы сына Геи, и Геракл задушил его.

Дальше пошёл Геракл и пришёл в Египет. Там, утомлённый длинным путём, уснул он в тени небольшой рощи на берегу Нила. Увидел спящего Геракла царь Египта Бусирис, сын Посейдона и дочери Эпафа Лисианассы Бусирис, и велел связать спящего героя. Он хотел принести Геракла в жертву отцу его, Зевсу. Девять лет был неурожай в Египте; предсказал пришедший с Кипра прорицатель Фрасий, что прекратится неурожай только в том случае, если будет Бусирис ежегодно приносить в жертву Зевсу чужеземца. Бусирис велел схватить прорицателя Фрасия и первым принёс его в жертву. С тех пор жестокий царь приносил в жертву громовержцу всех чужеземцев, которые приходили в Египет. Привели к жертвенному и Геракла, но разорвал великий герой верёвки, которыми был связан, и

убил у жертвенника самого Бусириса и сына его Амфиадманта. Так был наказан жестокий царь Египта.

Много ещё пришлось встретить Гераклу на пути своим опасностям, пока достиг он края земли, где стоял великий титан Атлас. С изумлением смотрел герой на могучего титана, державшего на своих широких плечах весь небесный свод.

— О великий титан Атлас! — обратился к нему Геракл. — Я сын Зевса, Геракл. Меня прислал к тебе Эврисфей, царь богатых золотом Микен. Эврисфей повелел мне достать у тебя три золотых яблока с золотого дерева в садах Гесперид.

— Я дам тебе три яблока, сын Зевса, — ответил Атлас, — ты же, пока я буду ходить за ними, должен встать на моё место и держать на плечах своих небесный свод.

Геракл согласился. Он встал на место Атласа. Невероятная тяжесть опустилась на плечи сына Зевса. Он напряг все свои силы и удержал небесный свод. Страшно давила тяжесть на могучие плечи Геракла. Он согнулся под тяжестью неба, его мускулы вздулись как горы, пот покрыл всё его тело от напряжения, но нечеловеческие силы и помощь богини Афины дали ему возможность держать небесный свод до тех пор, пока не вернулся Атлас с тремя золотыми яблоками. Вернувшись, Атлас сказал герою:

— Вот три яблока, Геракл; если хочешь, я сам отнесу их в Микены, а ты подержи до моего возвращения небесный свод; потом я встану опять на твоё место.

Геракл понял хитрость Атласа, понял, что хочет титан совсем освободиться от своего тяжёлого труда, и против хитрости применил хитрость.

— Хорошо, Атлас, я согласен! — ответил Геракл. — Только позоволь мне прежде сделать себе подушку, я положу её на плечи, чтобы не давил их так ужасно небесный свод.

Атлас встал опять на своё место и взвалил на плечи тяжесть неба. Геракл же поднял лук и колчан со стрелами, взял палицу и золотые яблоки и сказал:

— Прощай, Атлас! Я держал свод неба, пока ты ходил за яблоками Гесперид, вечно же нести на плечах своих всю тяжесть неба я не хочу.

С этими словами Геракл ушёл от титана, и снова пришлось Атласу держать, как прежде, на могучих плечах небесный свод. Геракл же вернулся к Эврисфею и отдал ему золотые яблоки. Эврисфей подарил их Гераклу, а он подарил яблоки своей покровительнице, дочери Зевса, Афине Палладе. Афина вернула яблоки Гесперидам, чтобы вечно оставались они в их садах.

После своего двенадцатого подвига Геракл освободился от службы у Эврисфея. Теперь он мог вернуться в семивратные Фивы. Но недолго оставался там сын Зевса. Ждали его новые подвиги. Он отдал жену свою Мегару в жёны своему другу Иолаю, а сам ушёл опять в Тиринф.

Но не одни победы ждали его, были у Геракла и тяжкие беды, так как по-прежнему преследовала его богиня Гера.

Вопросы и задания

1. Почему двенадцатый подвиг Геракла назван самым трудным?
2. Кто помог Гераклу выполнить поручение?
3. «Не одни победы ждали его, были у Геракла и тяжкие беды, так как по-прежнему преследовала его богиня Гера». Какие беды ждали Геракла? За что преследовала его богиня Гера?
4. Какие препятствия преодолел на пути к цели герой?
5. Почему Гераклу необходимо было выполнить все условия Эврисфея?
6. Какие качества человека прославляют мифы о двенадцати подвигах Геракла?
7. Как вы думаете, какие черты Геракла подчеркнул древний скульптор Лисипп в своём творении? Таким ли вы представляли себе этого мифологического героя?

8. Геракл недолго занимает место Атласа (Атланта). Что он переживает в это время? Выпишите из текста слова, передающие его состояние.

9. Геракл считается основателем Олимпийских игр. Из какого мифа вы узнали об этом?

10. В мифе о двенадцатом подвиге Геракла встречаются имена многих мифологических персонажей. Вспомните, кто они.

Амфидимант, Атлас (Атлант), Антей, Афина, Гера, Геспериды, Гея, Зевс, Нерей, Посейдон, Бусирис, Фрасий, Эпаф.

11. Назовите известные вам произведения живописи и скульптуры по мотивам античной мифологии.

12. Названия каких планет Солнечной системы, звёзд и созвездий, известных вам, взяты из античной мифологии?

Для вас, любознательные

Аттика — в древности область на юго-востоке Средней Греции с главным городом Афинами.

Еврипид (около 480 — 406 гг. до н. э.) — древнегреческий драматург. Из приписываемых ему 92 драматических произведений сохранилось 17 трагедий и одна сатирическая драма «Киклон» на сюжет 9-й песни «Одиссеи». Автор пьес «Ифигения в Авлиде», «Медея», «Ипполит», «Троянки», «Просительница» и др.

Павсаний (годы рождения и смерти неизвестны) — древнегреческий писатель, II век. Автор «Описания Эллады» в 10 книгах — своеобразного путеводителя по наиболее известным памятникам искусства Греции, содержащего сведения по греческой мифологии, религии, истории.

Софокл (около 497 — 406 гг. до н. э.) — великий древнегреческий поэт и драматург. Создал и развил классическую древнеаттическую трагедию. Автор трагедий «Антигона», «Царь Эдип», «Филоктет» и др.

Из устного народного творчества

<http://kurokam.ru>

Древняя мифология славян известна нам только по отрывочным упоминаниям в «Слове о полку Игореве», рассказам в отдельных летописях. Тем не менее она вошла в новый христианский быт некоторыми обычаями, например, сожжением соломенного чучела Костромы, плясками возле костра и прыжками через него. Эти обряды нашли отражение в ряде художественных произведений. Мифологические эпизоды присутствуют в «Руслане и Людмиле» А.С.Пушкина, «Снегурочки» А.Н. Островского и т.д.

Славянская мифология перешла в народный эпос, возникший позже и вобравший в себя исторический опыт народа. Формы этого эпоса хорошо известны. Это былины, предания и легенды. Их содержание переживается народом до сих пор и передаётся замечательными исполнителями, сказителями, встречающимися и по сей день.

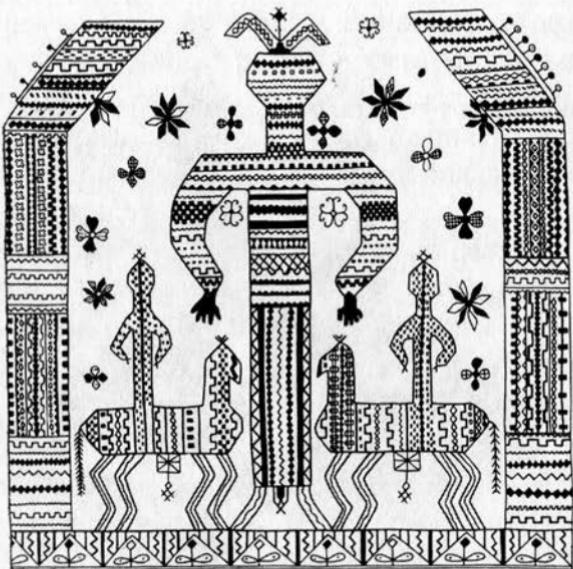
ПРЕДАНИЯ И ЛЕГЕНДЫ

Важные исторические события, какие-то знаменательные факты из жизни люди сохраняли в памяти и передавали из поколения в поколение. Иногда события эти касались известных людей, нередко — людей простых, но совершивших нечто невероятное. Из этого и

складывается история народа. И если бы не предания, не семейная и коллективная память, многое было бы утеряно безвозвратно, прервалась бы «времён связующая нить».

У каждой деревни, посёлка, небольшого городка, края есть своя история, свои знаменитые жители, свои удивительные события. Рассказы о них, передаваясь из уст в уста, от поколения к поколению, обрастают различными домыслами и вымыслами, но не теряют правды по сути. Эта правда — историческая память — самое важное, что характерно для предания и что отличает его от легенды.

Предания сообщают нам об освоении того или иного края или о подвиге какого-либо героя; о знаменитом роде или знаменитом человеке. В них, как правило, отсутствует историческая основа, нет хроники событий, а есть нравственная оценка происходящего.

Северная русская вышивка по мотивам славянской мифологии

Предание — произведение устного народно-поэтического творчества прозаической формы. Различают предания исторические (например, о Жанне Д'арк, Иване Грозном) и топонимические (например, о происхождении городов).

Легенда — прозаический жанр, в основе которого лежит рассказ о каком-либо замечательном событии или выдающихся поступках отдельных людей. В отличие от предания, в легенде всегда присутствует чудо.

Одним из первых в России начал изучение славянской мифологии Александр Николаевич Афанасьев (1826—1871); он был страстным собирателем произведений устного народного творчества, легенд и преданий русского народа. В 1866—1869 годах он выпустил сборник «Народные русские сказки», в который вошли около 600 текстов, а в 1859 году — сборник «Народные русские легенды». В эту книгу в числе прочих вошла легенда «Солдат и смерть».

А.Н. Афанасьев. Гравюра. XIX в.

СОЛДАТ И СМЕРТЬ

Прошло срочное время, отслужил солдат службу королю и стал проситься на родину с родными повидаться. Сначала было король не пускал его, но потом согласился, наделил его златом-серебром и отпустил его на все четыре стороны. Вот получил солдат отставку и пошёл с товарищами прощаться, а товарищи и говорят ему:

— Неужели на простирах не поднесёшь, а прежде ведь мы хорошо жили? Вот солдат и начал подносить своим товарищам; подносила-подносила — глядь, а денег-то осталось у него только пять пятаков.

Вот идёт наш солдат. Близко ли, далеко ли, видит: стоит в сторонке кабачок; зашёл солдат в кабачок, на копейку выпил, на грош закусил и пошёл далее. Прошёл немного, встретилась ему старуха и стала милостыню просить; солдат и подал ей пятак. Прошёл опять немного, смотрит, а та же старуха опять идёт навстречу и просит милостыню; солдат подал другой пятак, а сам дивуется: как это старуха опять очутилась впереди? Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню; солдат и третий пятак подал. Прошёл опять с версту. Смотрит, а старуха опять впереди и просит милостыню. Разозлился солдат, не стерпело ретивое, выдернул тесак да и хотел было раскроить ей голову, и только лишь замахнулся, старуха бросила к его ногам котомку и скрылась. Взял солдат котомку, посмотрел-посмотрел да и говорит:

— Куда мне с этой дрянью? У меня и своей довольно!

И хотел было уж бросить — вдруг, откуда ни возьмись, явились перед ним, как из земли, два молодца и говорят ему:

— Что вам угодно?

Солдат удивился и ничего не мог им сказать, а потом закричал:

— Что вам от меня надо?

Русский солдат. Лубок¹. Середина XVIII в.

Один из них подошёл поближе к служивому и говорит:

— Мы служители твои покорные, но слушаемся не тебя, а вот этой волшебной сумочки, и если тебе что нужно, приказывай.

Солдат думал, что всё это ему грезится, протёр глаза, решился попробовать да и говорит:

— Если ты говоришь правду, то я приказываю тебе, чтобы сейчас же была койка, стол, закуска и трубка с табаком!

Не успел солдат ещё и кончить, а уж всё и явилось, как будто с неба упало. Выпил солдат, закусил, повалился на койку и закурил трубку.

Полежал он так довольно времени, потом махнул котомочкой и, когда явился молодец (служитель котомочки), солдат и говорит ему:

¹ *Лубок* — картинки, печатаемые с липовых досок, на которых выгравировано изображение.

— А долго ли я буду здесь лежать на этой койке и курить табак?

— Сколько угодно, — сказал молодец.

— Ну так убери всё, — сказал солдат и пошёл дальше.

Вот шёл он после этого, близко ли, далёко ли, и пришёл к вечеру в одну усадьбу, и тут славный барский дом. А барин в этом доме не жил, а жил в другом — в хорошем-то доме черти водились. Вот и стал солдат у мужиков спрашивать:

— Где барин живёт?

А мужики и говорят:

— Да что тебе в нашем барине?

— Да ночевать бы надо попроситься!

— Ну, — говорят мужики, — только поди, так он уж отправит тебя чертям на обед!

— Ничего, — говорит солдат, — и с чертами разделаться можно. А скажите, где барин-то живёт?

Мужики показали ему барский дом, и солдат пошёл к нему и стал у него ночевать проситься. Барин и говорит:

— Пустить-то я, пожалуй, и пущу, да только у меня там не тихо!

— Ничего, — говорит солдат.

Вот барин и повёл солдата в хороший дом, а как привёл, солдат махнул своей волшебной сумочкой и, когда явился молодец, велел приготовить стол на двух человек. Не успел барин повернуться, а уж и явилось всё. Барин хоть и богат был, а такой закуски никогда ещё у него не бывало! Стали они закусывать, а барин и украл золотую ложку. Кончили закуску, солдат махнул опять котомочкой и велел убрать всё, а молодец говорит:

— Я не могу убрать — не всё на столе.

Солдат посмотрел да и говорит:

— Ты, барин, для чего ложку взял?

— Я не брал, — говорит барин.

Солдат обыскал барина, отдал ложку лакею, а сам и начал благодарить барина за ночлег, да так его изрядно помял, что барин со злости запер на замок все двери. Солдат запер все окна и двери из других покоев, закрестил их и стал чертей дожидаться.

Около полуночи слышит, что кто-то у дверей пищит. Подождал ещё солдат немногого, и вдруг набралось столько нечистой силы и подняли такой крик, что хоть уши затыкай! Один кричит:

— Напирай, напирай!

А другой кричит:

— Да куда напирать, коли крестов наставлено!..

Солдат слушал, слушал, а у самого волосы дыбом встают, даром что не трусливого десятка был. Наконец и закричал:

— Да что вам тут от меня надо, босоногие?

— Пусти! — кричат ему из-за двери черти.

— Да на что я вас пущу сюда?

— Да так, пусти!

Солдат посмотрел кругом и увидел в углу мешок с гирями, взял мешок, вытряхнул гири да и говорит:

— А что, много ли вас, босоногих, войдёт ко мне в мешок?

— Все войдём, — говорят ему из-за двери черти. Солдат наделал на мешке крестов углём, притворил немногого двери да и говорит:

— Ну-ка, я посмотрю: правду ли вы говорили, что все войдёте?

Черти все до одного залезли в мешок, солдат завязал его, перекрестил, взял двадцатифунтовую гирю да и дай по мешку бить. Бьёт, бьёт да и пощупает: мягко ли? Вот видит солдат, что наконец мягко стало, отворил окно, развязал мешок да и вытряхнул чертей вон. Смотрит, а черти все изуродованы, и никто с места не двигается.

Бот солдат как крикнет:

— А вы что тут, босоногие, разлеглись? Другой бани, что ли, дожидаетесь, а?

Черти все кое-как разбежались, а солдат и кричит им вдогонку:

— Ещё придёте сюда, так я вам не то ещё задам!

Наутро пришли мужики и отворили двери, а солдат пришёл к барину и говорит:

— Ну, барин, переходи теперь в тот дом и не бойся уж ничего, а мне за труды надо на дорогу дать!

Барин дал ему сколько-то денег, и солдат пошёл себе дальше.

Вот шёл и шёл он так долгонько, и до дому уже недалеко осталось, всего три дня ходьбы! Вдруг повстречалась с ним старуха, такая худая да страшная, несёт полную котомочку ножей, да пил, да разных топориков, а косой подпирается. Загородила она ему дорогу, а солдат не стерпел этого, выдернул тесак да и закричал:

— Что тебе надобно от меня, старая? Хочешь, тебе голову раскрою?

Смерть (это была она) и говорит:

— Я послана Господом взять у тебя душу!

Вздрогнуло солдатское сердце, упал он на колени да и говорит:

— Смируйся, матушка смерть, дай мне сроку только три года; прослужил я королю свою долгую солдатскую службу и теперь иду с родными повидаться.

— Нет, — говорит смерть, — не видаться тебе с родными и не дам я тебе сроку три года.

— Дай хоть на три месяца.

— Не дам и на три недели.

— Дай хоть на три дня.

— Не дам тебе и на три минуты, — сказала смерть, махнула косой и уморила солдата.

Вот очутился солдат на том свете да и пошёл было в рай, да его туда не пустили: недостоин, значит, был. Пошёл солдат из раю да и попал в ад, а тут прибежали к нему черти да и хотели было в огонь тащить, а солдат и говорит:

— Вам что надо от меня? Ах вы, босоногие, или позабыли уж барскую баню, а?

Черти все побежали от него, а сатана и кричит:

— Вы куда, детки, побежали-то?

— Ой, батька, — говорят ему чертеныта, — ведь солдат-то тот здесь!

Как услыхал это сатана, да и сам побежал в огонь. Вот солдат походил, походил по аду — скучно ему стало; пошёл в рай да и говорит Господу:

— Господи, куда ты меня пошлёшь теперь? Раю я не заслужил, а в аду все черти от меня убежали; ходил я, ходил по аду, скучно стало, да и пошёл к тебе, дай мне службу какую-либо!

Господь и говорит:

— Поди, служба, выпроси у Михаила-архангела ружьё и стой на часах у райских дверей!

Пошёл солдат к Михаилу-архангелу, выпросил у него ружьё да и стал на часы к райским дверям. Вот стоял он так, долго ли, коротко ли, и видит, что идёт смерть, и прямо в рай. Солдат загородил ей дорогу да и говорит:

— А тебе что надобно, старая? Пошла прочь! Господь без моего доклада никого не примет!

Смерть и говорит:

— Я пришла к Господу спросить, каких на этот год велит людей морить.

Солдат и говорит:

— Давно бы так, а то лезешь не спросясь, а разве не знаешь, что и я что-либо да значу здесь; на-ка ружьё-то подержи, а я схожу спрошу.

Пришёл служивый в рай, а Господь и говорит:

— Зачем ты, служба, пришёл?

— Пришла смерть, Господи, и спрашивает: каких ты на следующий год велишь людей морить?

Господь и говорит:

— Пусть морит самых старых!

Пошёл солдат назад да и думает: «Самых старых велит Господь людей морить; а что, если у меня отец ещё жив, ведь она его уморит, как и меня. Так ведь, пожалуй, я и не повидаюсь больше. Нет, старая, ты не дала мне вольготушки на три года, так поди-ка погрызи дубы!»

Пришёл да и говорит смерти:

— Смерть, Господь велел тебе на этот раз не людей морить, а дубы грызть, такие дубы, которых старее нет!

Пошла смерть старые дубы грызть, а солдат взял у неё ружьё и стал опять у райских дверей ходить. Прошёл на белом свете год, смерть опять пришла спросить, каких на этот год велит ей Господь людей морить.

Солдат отдал ей ружьё, а сам и пошёл к Господу спросить, каких на этот год велит смерти людей морить. Господь велел морить самых матёрых, а солдат опять и думает:

«А ведь у меня там есть ещё братья да сёстры и знакомых много, а смерть как уморит, так мне с ними и не повидаться больше! Нет, пусть же и другой год погрызёт дубов, а там, быть может, нашего брата-солдата и миловать станет!»

Пришёл да и послал смерть грызть самые ядрёные, матёрые дубы.

Прошёл и другой год, пришла смерть на третий раз. Господь велел ей морить самых молодых, а солдат послал её молодые дубы грызть.

Вот так пришла смерть на четвёртый раз, солдат и говорит:

— Ну тебя, старую, поди, коли нужно, сама, а я не пойду: надоела!

Пошла смерть к Господу, а Господь и говорит ей:

— Что ты, смерть, худая такая стала?

— Да как худой-то не быть, целых три года дубы грызла, все зубы повыломала! А не знаю, за что ты, Господи, на меня так прогневался?

— Что ты, что ты, смерть, — говорит ей Господь. — С чего ты взяла это, что я посыпал тебе дубы грызть?

— Да так мне солдат сказал, — говорит смерть.

— Солдат? Да как он смел это сделать?! Ангелы, подите-ка приведите ко мне солдата!

Пошли ангелы и привели солдата, а Господь и говорит:

— С чего ты взял, солдат, что я велел смерти дубы грызть?

— Да мало ей, старой, этого! Я просил у ней вольготушки только на три года, а она не дала мне и три часа. Вот за это-то я и велел ей три года дубы грызть.

— Ну, так поди-ка теперь, — говорит Господь, — да откармливай-ка её три года! Ангелы! Выведите его на белый свет!

Вывели ангелы солдата на белый свет, и очутился солдат на том самом месте, где уморила его смерть. Видит солдат какой-то мешок, взял он мешок да и говорит:

— Смерть! Садись в мешок!

Села смерть в мешок, а солдат взял ещё палок да каменья положил туда, да как пошагал по-солдатски, а у смерти только косточки хрустят!

Смерть и говорит:

— Да что ты, служивый, потише!

— Вот ещё, потише, ещё чего скажешь, а по-моему так: сиди, коли посажена!

Вот шёл он так два дня, а на третий пришёл к свату-целовальнику да и говорит:

— Что, брат, дай выпить; все деньги прожил, а я тебе на днях занесу, вот тебе мой мешок, пусть у тебя полежит.

Целовальник взял у него мешок да и бросил под стойку. Пришёл солдат домой; а отец ещё жив. Обрадовался, а ещё больше обрадовались родные. Вот жил так солдат и здорово и весело целый год.

Пришёл солдат в тот кабак и стал спрашивать свой мешок, а целовальник едва и отыскал его. Вот солдат развязал мешок да и говорит:

— Смерть, жива ли ты?

— Ой, — говорит смерть, — едва не задохлась!

— Ну ладно, — говорит солдат. Открыл табакерку с табаком, понюхал да и чихнул.

Смерть и говорит:

— Служивый, дай-ка мне!

Она всё просила, что увидит у солдата.

Солдат и говорит:

— Да что, смерть, ведь тебе мало одной щепотки, а поди сядь в табакерку да и нюхай сколько захочешь.

Только что смерть залезла в табакерку, солдат захлопнул да и носил её целый год. Потом он опять отворил табакерку да и говорит:

— Что, смерть, нанюхалась?

— Ой, — говорит смерть, — тяжело!

— Ну, — говорит солдат, — пойдём, я теперь покормлю тебя!

Пришёл он домой да и посадил её за стол, а смерть ела да ела за семерых. Рассердился солдат и говорит:

Аника-воин и смерть.
Лубок. XVII в.

— Ишь, прорва, за семерых съела! Эдак тебя не наполнишь, куда я денусь с тобой, проклятая?

Посадил её в мешок да и понёс на кладбище; вырыл в сторонке яму да и закопал её туда. Вот прошло три года. Господь вспомнил про смерть и послал ангелов её отыскивать. Ходили, ходили ангелы по миру, отыскали солдата да и говорят ему:

— Куда ты, служивый, смерть-то девал?

— Куда девал? А в могилу зарыл!

— Да ведь Господь её к себе требует, — говорят ангелы.

Пришёл солдат на кладбище, разрыл яму, а смерть там уж чуть-чуть дышит. Взяли ангелы смерть и принесли её к Господу, а он и говорит:

— Что ты, смерть, такая худая?

Смерть и рассказала Господу всё, а он и говорит:

— Видно, тебе, смерть, от солдата не хлебы, поди-ка кормись сама!

Пошла опять смерть по миру, да только того солдата больше не посмела морить.

Вопросы и задания

1. Назовите мифологических персонажей, действующих в легенде «Солдат и смерть».
2. Какие персонажи, образы и события легенды характерны не только для русского мифологического эпоса?
3. Что необычного вы заметили в изображении Господа? Каким Он представлен в легенде?

Живое слово

Устно создайте портрет солдата. На что вы будете обращать особое внимание в созданном вами портрете?

Минуты творчества

Попробуйте к избранному вами эпизоду или персонажу легенды сделать иллюстрацию в стиле русского лубочного рисунка.

Советуем прочитать

1. Самостоятельно познакомьтесь с преданием о граде Китеже (в летописном сказании или в литературной обработке) и подумайте над вопросами:
 - На чём основано предание о граде Китеже?
 - Каким вы представляете себе автора предания?

— Как связаны исторические факты и вымысел в повествовании?

2*. Сюжет предания о граде Китеже использовали в своём творчестве многие русские писатели: П.И. Мельников-Печерский (рассказ «Гриша», роман «В лесах»), А.Н. Майков (пьеса «Странник»), М.М. Пришвин (книга «У стен града невидимого»), М.А. Волошин (стихотворение «Китеж»), Н.А. Клюев (стихотворение «Русь-Китеж») и др. Найдите и прочтайте эти произведения, сопоставьте их между собой и с текстом первоисточника.

После уроков

• • •

1. Если у вас есть возможность, послушайте оперу Н.М. Римского-Корсакова «Сказание о невидимом граде Китеже».

Как вы думаете, почему это предание получило такую популярность в русской культуре?

2. Исследовательский проект.

Вам дан список (словник) персонажей славянской мифологии, составленный на основе мифологического словаря. Составьте о них словарные статьи. Эту работу можно выполнять индивидуально (тогда вы работаете с двумя словами из словаря), в парах (тогда с четырьмя) или в небольших группах (по два слова на каждого участника группы). Работа может быть сделана достаточно быстро: к следующему уроку литературы, но может выполняться и в течение многих лет. В этих случаях словарные статьи о персонажах славянской мифологии постоянно, из года в год, будут дополняться строками из произведений художественной литературы, где встречаются эти герои.

О б р а з е ц: Алёша Попович, мифологизированный образ богатыря в русском былинном эпосе. Алёша Попович как младший входит в богатырскую троицу вместе с Ильёй Муромцем и Добрыней Никитичем.

СЛОВНИК

Алёша Попович	Еруслан Лáзаревич	Никола (Микола)
Асýлки (осýлки, велéты)	Здúхач	Огненный змей
Баба Яга	Змей Горы́ныч	Одноглáзка
Бáнник (байник, баенник)	Иван Дурак	Олег Вещий
Бéсы	Иван Купала (Купало)	Перўн
Божич	Иван Царевич	Плакúн-трава
Боян	Илья Муромец	Приколýч
Буян	Кáрна и Жéля	Пятница
Вéлес	Кашéй Бессмерт- ный	Разрыв-трава
Волосы́ни	Кики́мора	Русалки
Волх (Волх	Колядá	Сáва (Сáвва)
Всеславьевич,	Коровья смерть	Садкó
Вольга)	Костромá	Сварóг (Сварó- жич)
Горы́ня, Дубы́ня и Усы́ня	Леший	Соловей-разбой- ник
Дáждьбог	Лихорадки	Сýденицы
Дворовóй	Лýбедь	Тугáрин
Денníца	Мáсленица	Упýрь
Див (дýва)	Микула Селянý- нович	Фараónки
Добрыня Ники- тич	Мóкошь	Фýнист Ясный Со- кол
Дóля	Мороз (Морозко)	Чернобог
Домовой	Нечистая сила (нéчисть)	Чéрт
Ёле		Ярýла

КАК БАДЫНОКО ПОБЕДИЛ ОДНОГЛАЗОГО ВЕЛИКАНА

Не было случая, чтобы нарт Бадыноко, охотясь, не попадал в цель, упускал добычу. Но случилось однажды так, а это было ещё до того, как он стал охотиться вместе с Сосруко, — что возвращался Бадыноко с охоты без добычи.

Вдруг выбежала на лесную тропинку дикая коза. Её серая шерсть блестела на солнце. Ничто не уходило от стрелы Бадыноко из того, что замечали его глаза. Бадыноко пустил стрелу. Коза упала. «Убил», — подумал Бадыноко. Он спешился, привязал поводья к луке седла и подошёл к козе. Но коза вскочила и побежала. Бадыноко снова пустил ей вдогонку стрелу. Коза снова упала, а когда Бадыноко подошёл к ней, она вскочила и побежала.

Бадыноко рассердился, пустил стрелу в третий раз, но и в третий раз коза от него убежала. Охотник сел на коня и погнался за козой. Дотемна преследовал он козу, но настичь её не смог. Давно уж был позади лес, началось нартское селение. Коза вбежала в чей-то двор и пропала. Вслед за ней въехал во двор Бадыноко.

На топот коня вышел из дома хозяин. Он был однорук. Кто из нартов не знал Бадыноко, оборонившего Страну нартов от нашествия чинтов? Неудивительно, что узнал его и этот однорукий нарт. Он сказал:

¹ Нартский эпос — древний эпос народов Кавказа.

— Добро пожаловать, Бадыноко, ты — желанный гость!

— Пусть умножится число твоих гостей, — ответил Бадыноко. — Хочу зайти к тебе.

— Заходи, славный витязь, в мой дом. Я — нарт, зовут меня Хагур.

Хозяин пригласил Бадыноко в кунацкую, а домочадцам приказал зарезать для гостя быка. Бадыноко не стал есть. Он сразу лёг, но долго ворочался, не мог заснуть.

Утром, когда он проснулся, ему принесли напитки и яства, но гость не стал ни пить, ни есть. Он открыл дверь, чтобы выйти, но на пороге стоял Хагур. В его единственной руке блестел обнажённый меч.

— Бадыноко, ты не уйдёшь без битвы, — сказал Хагур.

— Что я тебе сделал? — удивился Бадыноко.

— Почему ты погнулся моим угождением? Почему не спал всю ночь? Разве моё угождение, моя кунацкая недостойны тебя? — рассердился хозяин.

Бадыноко сказал:

— Положи свой меч, не будем ссориться. Я расскажу тебе, почему я не мог ни есть, ни пить, ни спать.

И Бадыноко рассказал Хагуру об удивительной козе, которая трижды была пронзена его стрелами и трижды оживала.

— Ничего не уходило от моей стрелы из того, что замечали мои глаза, — пожаловался Бадыноко. — А эта коза ушла от трёх стрел, вбежала в твой двор и пропала. Вот почему я опечален, не могу ни есть, ни пить, ни спать.

— Как можно горевать из-за того, что не удалось убить козочку? — воскликнул Хагур. — Разве это горе? Я вот испытал настоящее горе, однако же ем, и пью, и сплю.

— Какое горе ты испытал? — спросил гость.

— Нас было семеро братьев-нартов, — начал Хагур. — Прослышали мы: место, что зовётся Чёрным Оврагом, кишмя кишит дичью. Хотя это место слыло опасным, мы отправились туда на охоту. Чёрный Овраг был глубок, — нам казалось, будто мы блуждаем по седьмому дну земли.

Мы достигли подножья горы, но даже вершина её не достигала земли, тонула в овраге. У подножья горы лежал великан. Единственный его глаз мерцал посредине огромного лба. Одноглазый забавлялся тем, что бросал на вершину горы могучие скалы — абра-камни, а когда скалы летели вниз, он подкидывал их вверх своими пятками. Стадо овец паслось вокруг великана. Вдали виднелась пещера.

Увидев великана, мы, семеро братьев, испугались, но обратиться в бегство сочли для себя позором. Мы приблизились и произнесли вежливое приветствие. Одноглазый, не повернув головы в нашу сторону, сказал:

— Вы мне пригодитесь. Разведите в моей пещере огонь. Принесите котёл воды. Выберите из стада шесть курдючных овец, освежуйте их и сварите. Я вернусь, когда вдоволь наиграюсь. Тогда и поужинаю.

Что нам было делать? Пошли мы к пещере. Вход в неё был завален абра-камнем. Как мы ни старались, а сдвинуть его не могли. Оглянувшись, мы увидели котёл, висевший над очагом: очаг стоял у входа в пещеру. Но не хватило у нас сил снять котёл. Решили мы хоть огонь развести, нарубить дров. На земле лежал топор великана. Нас было семеро, но мы не могли его поднять. Я сказал:

— Ничего у нас не выходит. Попробуем хоть овец поймать.

Мы пошли к стаду, но овцы разбежались, ни единой не удалось нам поймать, не то что шестерых.

Когда великан вернулся и увидел, что мы не исполнили его приказа, в его единственном глазу вспыхнула злобная радость. Не говоря ни слова, он пригнал своих овец, кончиком мизинца отодвинул могучий абра-камень, загнал в пещеру всё стадо, потом загнал и нас в пещеру и звал за нами вход абра-камнем. Зная, что мы теперь не выберемся из пещеры, он, не торопясь, нарубил дров, развёл огонь, набрал воды в котёл, повесил его над очагом, а мы смотрели на него, и в глазах у нас был такой же страх, как в глазах овец.

Когда одноглазый отодвинул абра-камень и вошел в пещеру, чтобы зарезать овец, братья мои испугались и, все шестеро, выбежали из пещеры. Но великан побежал за ними, легко их поймал и убил, проклятый, всех шестерых убил на моих глазах.

Великан снова пошёл в пещеру, поймал трёх овец, вывел их, зарезал, освежевал, положил в котёл, сварил и съел их в один присест. Запив мясо жирным наваром, он уснул.

А я не мог уснуть. Долго я думал, как мне спастись. Утром я решил: «Будь что будет, а выколю единственный глаз чудовища. Пусть убьёт меня великан, но в такой смерти есть мужество».

Так я и сделал: обнажил меч, подкрался к спящему великому и выколол его единственный глаз. Великан взвыл от боли. Он ударил абра-камень ногой с такой яростью, что камень взлетел в небо, упал и провалился сквозь землю.

Ослепший великан стал шарить в пещере руками: он искал меня. Но я спрятался, он не нашёл меня. Стал он выпускать на пастбище своё стадо, ощупывая каждую овцу.

Между овцами находился один длиннобородый козёл. Я приметил его длинную шерсть. Я лег под козлиное брюхо, вцепился руками в шерсть. Великан ощупал спину козла. На ней никого не было. Козёл вынес меня из пещеры.

Когда великан понял, что я на свободе, он крикнул:

— Эй, нарт, победило твоё счастье! Недаром говорят, что вы, люди, умнее нас, великанов. Победил ты меня хитростью, получай за это в дар кольцо: в нем — моя сила. Ты достоин носить его.

Великан снял с руки золотое кольцо и кинул его. Я тихо подполз к кольцу. Оно было так велико, что я надел его на руку. Но едва надел, оно стало звенеть, не умолкая. Хитрый великан погнался за мной: звон кольца выдавал меня. Что мне было делать? Я уж чувствовал позади дыхание великана. Тогда я вынул меч и отрубил руку, на которую было надето кольцо. Так и спасся, так и живу с одной рукой...

Теперь ты понял, каково моё горе? Я потерял шесть братьев, а ты горюешь о козе!

Выслушав Хагура, Бадыноко сказал:

— Я отомщу за твоих братьев-нартов, я принесу тебе голову слепого чудовища. Клянусь солнцем!

Бадыноко пустился в путь и на другое утро прискакал в Чёрный Овраг. Он увидел пещеру. У входа горел очаг, перед очагом сидел великан с потухшим глазом. Вдали, на пастбище, топтало траву стадо овец.

— Да будет добрым твой огонь, хитрый великан! — воскликнул Бадыноко.

— Хорошо, что ты пришел, — ответил слепой иныж. — Пригодишься мне в повара.

— Исполню всё, что прикажёшь, — сказал Бадыноко.

— Вкусно поужинаю этим малышом, — пробормотал великан. И громко добавил: — Принеси мне из стада трёх самых жирных овец. Поедим и ляжем спать.

Овцы слепого великаны были быстры, как вихрь, но конь Бадыноко мчался, как молния. Нарт догнал трёх самых жирных овец, принёс их, освежевал, сварил.

«Плохо моё дело, — подумал великан. — Этому малышу удалось поймать моих овец. В нём, значит, есть сила».

Мясо сварилось.

— Поедим, — продолжал великан.

Бадыноко возразил:

— Хочешь поесть — свари. А что я сварил, хватит только мне одному.

Бадыноко подсел к мясу, а великан встал, взял в руки пастушеский посох с крючком на конце и, спотыкаясь, пошёл к стаду. Он нащупал самых тощих овец, — жалко ему было своими руками ловить самых жирных, он был скончан, — пригнал их, разделал и сварил. Бадыноко съел трёх жирных овец, а великан — трёх тощих.

Так и повелось: великан съедал каждый день трёх тощих, Бадыноко — трёх жирных, пока они не поели всё стадо. Тогда Бадыноко предложил чудовищу:

— Давай поиграем, поборемся, вгоним в землю друг друга.

Великан испугался, но сказал:

— Я не прочь. Первая хватка — твоя, малыш!

— Если рвану, то вот так! — крикнул Бадыноко и, подняв великана, вогнал его в землю по колени.

Великан вырвался и вогнал в землю Бадыноко, но только по щиколотку. Тогда Бадыноко вогнал его по пояс. Великан вогнал нарта по колена. Тут рассердился Бадыноко и вогнал великана по самую шею.

— Теперь вырвись, великан, — сказал Бадыноко.

Но крепко держала злобного великана справедливая земля: не мог он вырваться.

— Сравняю все бугры на земле, — сказал Бадыноко.

Он вынул меч и обезглавил великана. Тело чудовища осталось в земле, а голову Бадыноко привязал к седлу, сел на своего гнедого коня и помчался.

Прибыв к Хагуре, Бадыноко спросил:

— Узнаёшь его?

Хагур поглядел на голову великана, с пустой глазницей посередине лба, и узнал голову убийцы своих братьев. Хагур подошёл к Бадыноко и обнял его.

— Исполнил я свою клятву? — спросил Бадыноко.

— Исполнил, — ответил Хагур. — Я не сомневался в этом. Долго я искал нарта, который отомстил бы за моих братьев, ибо сам я не мог совершить мести: силы не хватало. Когда дошла до меня твоя слава, я подумал: «Бадыноко станет мстителем за моих братьев!» Я послал мою дочь, чтобы она привела тебя в наш дом. Коза, в которую ты трижды стрелял, и была моей дочерью. До сих пор остались на её теле следы твоих стрел.

Сказав так, Хагур вышел и вскоре привёл в кунацкую свою дочь. Она была красивей всех тонкобровых. Хагур обнажил её спину: три рубца увидел Бадыноко на белоснежной спине.

— Возьми её в жёны, — сказал Хагур.

Но Бадыноко обнял однорукого нарта и сказал:

— Друг служит другу не ради дара. Нет ничего на земле выше бескорыстной дружбы. Хорошему другу оставляют всё, — оставляю тебе свою смелую красавицу дочь. Она найдёт себе нарта по сердцу. Прощай! Да будут дела твои достойны песни!

— Не я, а ты достоин песни! — воскликнул Хагур.

И сказывают люди: Хагур и был тем нартом, кто сложил песню о Бадыноко.

Вопросы и задания

1. Какой миф из прочитанных вами в 5 классе напоминает предание «Как Бадыноко победил одноглазого великана»? Что в них общего и чем они отличны друг от друга?
2. Какие человеческие качества проявились в характере Бадыноко?
3. Как вы думаете, о чём пелось в песне о Бадыноко, сложенной Хагуром?
4. На какие языковые особенности произведения вы обратили внимание? Почему?

После уроков

1. Что вы знаете о мифологическом эпосе вашего края? Найдите в библиотеке книги с легендами и преданиями вашего народа. Прочтайте их. Подготовьте пересказ некоторых произведений.
2. Возьмите мифологический словарь. Если его нет в вашем доме или библиотеке, найдите его в Интернете. По образцу, предложенному на с. 57–58 в рубрике «После уроков», составьте словарь мифологии вашего народа. К некоторым словам напишите словарные статьи.

СКАЗКА О МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил да был царь, и было у него три сына: старшего звали Фёдором, второго Василием, а младшего Иваном.

Царь очень устарел и глазами обнищал, а слыхал он, что за тридевять земель, в тридесятом царстве есть сад с молодильными яблоками и колодец с живой водой. Если съесть старику это яблоко — помолодеет, а водой этой умыть глаза слепцу — будет видеть.

Царь собирает пир на весь мир, зовёт на пир князей и бояр и говорит им:

— Кто бы, ребятушки, выбрался из избраников, выбрался из охотников, съездил за тридевять земель, в тридесятое царство, привёз бы молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут больший стал хорониться за середнего, а середний за меньшого, а от меньшого ответу нет. Выходит царевич Фёдор и говорит:

— Неохота нам в люди царство отдавать. Я поеду в эту дорожку, привезу тебе, царю-батюшке, молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец.

Пошёл Фёдор-царевич на конюший двор, выбирает себе коня неезженого, уздает узду неузданную, берёт плётку нехлестанную, кладёт двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, а ради крепости... Отправился Фёдор-царевич в дорожку. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился...

Ехал он близко ли, далёко ли, низко ли, высоко ли, ехал день до вечеру — красна солнышка до закату. И дое-

жает до росстаней, до трёх дорог. Лежит на росстанях
плита-камень, на ней надпись написана:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. На-
лево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо пое-
дешь — женату быть».

Поразмыслил Фёдор-царевич: «Давай поеду, где женату
быть».

И повернулся на ту дорожку, где женатому быть. Ехал,
ехал и доехал до терема под золотой крышей. Тут выбегает
прекрасная девица и говорит ему:

— Царский сын, я тебя из седла выну, иди со мной хле-
ба-соли откусывать и спать-почивать.

— Нет, девица, хлеба-соли я не хочу, а сном мне дороги
не скротать. Мне надо вперёд двигаться.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать,
что тебе любо-дорого.

Тут прекрасная девица его из седла вынула и в терем
повела. Накормила его, напоила и спать на кровать полу-
жила.

Только лёг Фёдор-царевич к стенке, эта девица живо
кровать повернула, он и полетел в подполье, в яму глу-
бокую...

Долго ли, коротко ли — царь опять собирает пир, зовёт
князей и бояр и говорит им:

— Вот, ребятушки, кто бы выбрался из охотников —
привезти мне молодильных яблок и живой воды кувши-
нец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства
отписал.

Тут опять больший хоронится за середнего, а середний
за меньшего, а от меньшего ответу нет. Выходит второй
сын, Василий-царевич:

— Батюшка, неохота мне царство в чужие руки отдавать.
Я поеду в дорожку, привезу эти вещи, сдам тебе в руки.

Идёт Василий-царевич на конюший двор, выбирает
коня неезженого, уздает узду неузданную, берёт плёт-
ку нехлестанную, кладёт двенадцать подпруг с под-
пругою.

Иллюстрации к сказке —
гравюры М.В. Моторина и А.Н. Павлова
по рисункам К.В. Кузнецова. 1930-е гг.

Поехал Василий-царевич. Видели, как садился, а не видели, в кою сторону укатился... Вот он доезжает до ростаней, где лежит плита-камень, и видит:

«Направо поедешь — себя спасать, коня потерять. Налево поедешь — коня спасать, себя потерять. Прямо поедешь — женату быть».

Думал, думал Василий-царевич и поехал дорогой, где женатому быть. Доехал до терема с золотой крышей. Вы-

бегает к нему прекрасная девица и просит его откусить хлеба-соли и лечь почивать.

— Царский сын, не торопись ехать, а торопись делать, что тебе любо-дорого...

Тут она его из седла вынула, в терем повела, накормила, напоила и спать положила.

Только Василий-царевич лёг к стенке, она опять повернула кровать, и он полетел в подполье. А там спрашивают:

— Кто летит?

— Василий-царевич. А кто сидит?

— Фёдор-царевич.

— Вот, братан, попали!

Долго ли, коротко ли — в третий раз царь собирает пир, зовёт князей и бояр:

— Кто бы выбрался из охотников привезти молодильных яблок и живой воды кувшинец о двенадцати рылец? Я бы этому седоку полцарства отписал.

Тут опять больший хоронится за середнего, середний за меньшего, а от меньшего ответу нет.

Выходит Иван-царевич и говорит:

— Дай мне, батюшка, благословеньице, с буйной головы до резвых ног, ехать в тридесятное царство — поискать тебе молодильных яблок и живой воды да поискать ещё моих братьев.

Дал ему царь благословеньице. Пошёл Иван-царевич в конюший двор — выбрать себе коня по разуму. На которого коня ни взглянет, тот дрожит, на которого руку положит — тот с ног валится...

Не мог выбрать Иван-царевич коня по разуму, повесил буйну голову. Навстречу ему бабушка-задворенка:

— Здравствуй, дитятко Иван-царевич! Что ходишь кручинен-печalen?

— Как же мне, бабушка, не печалиться — не могу найти коня по разуму.

— Давно бы ты меня спросил. Добрый конь стоит скованый в погребу, на цепи железной. Сможешь его взять — будет тебе конь по разуму.

Приходит Иван-царевич к погребу, пнул плиту железную, свернулась плита с погреба. Вскочил ко добру коню, стал ему конь своими передними ногами на плечи. Стоит Иван-царевич — не шелохнется. Сорвал конь железную цепь, вскочил из погреба и Ивана-царевича вытащил. И тут Иван-царевич его обуздал уздою неузданной, оседлал седельцем неезженым, наложил двенадцать подпруг с подпругою — не ради красы, ради славушки молодецкой.

Отправился Иван-царевич в путь-дорогу. Видели, что садился, а не видели, в кою сторону укатился... Доехал он до росстаней и поразмыслил:

«Направо ехать — коня потерять. Куда мне без коня-то? Прямо ехать — женату быть. Не за тем я в путь-дорогу выехал. Налево ехать — коня спасти. Эта дорога самая лучшая для меня».

И поворотил он по той дороге, где коня спасти — себя потерять. Ехал он долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, по зелёным лугам, по каменным горам, ехал день до вечеру — красна солнышка до закату — и наезжает на избушку. Стоит избушка на курьей ножке об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к Ивану-царевичу передом. Зашёл он в неё, а там сидит Баба Яга, старых лет, шёлковый кудель мечет, а нитки через грядки бросает.

— Фу, фу, — говорит, — русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, Баба Яга — костяная нога, не поймавши птицу — теребишь, не узнавши молодца — хулишь. Ты бы сейчас вскочила да меня, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и для ночи постелью собрала. Я бы улёгся, ты бы села к изголовью, стала бы спрашивать, а я бы стал сказывать — чей да откуда.

Вот Баба Яга это дело всё справила — Ивана-царевича накормила, напоила и на постель уложила; села к изголовью и стала спрашивать:

— Чей ты, дорожный человек, добрый молодец, да откуда? Какой ты земли? Какого отца, матери сын?

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за тридевять земель, за тридевять озёр, в тридесятое царство за живой водой и молодильными яблоками.

— Ну, дитя моё милое, далеко же тебе ехать: живая вода и молодильные яблоки — у сильной богатырки, девицы Синеглазки, она мне родная племянница. Не знаю, получишь ли ты добро...

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным племянникам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцов проезживало, да не много вежливо говоривало. Возьми, дитятко, моего коня. Мой конь будет бойчее, довезёт он тебя до моей середней сестры, она тебя научит.

Иван-царевич поутру встаёт ранёхонько, умывается белёшенько. Благодарит Бабу Ягу за ночлег и поехал на её коне.

Вдруг он и говорит коню:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уже двести вёрст проскакал...

Едет Иван-царевич близко ли, далеко ли. День до ночи коротает. И завидел он впереди избушку на курьей ножке об одном окошке.

— Избушка, избушка, повернись к лесу задом, ко мне передом! Как мне в тебя зайти, так и выйти.

Избушка повернулась к лесу задом, к нему передом.

Вдруг слышно — конь заржал, и конь под Иваном-царевичем откликнулся. Кони-то были одностадные.

Услышала это Баба Яга — ещё старее той — и говорит:

— Приехала ко мне, видно, сестрица в гости.

И выходит на крыльцо:

— Фу-фу, русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче русский дух сам пришёл.

А Иван-царевич ей:

— Ах ты, Баба Яга — костяная нога, встречай гостя по платью, провожай по уму. Ты бы моего коня убрала, меня бы, добра молодца, дорожного человека, накормила, напоила и спать уложила...

Баба Яга это дело всё справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила, на постель уложила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, из такого-то царства, из такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Еду за живой водой

и молодильными яблоками к сильной богатырке, девице Синеглазке...

— Ну, дитя милое, не знаю, получишь ли ты добро. Мудро тебе, мудро добраться до девицы Синеглазки!

— А ты, бабушка, дай свою голову моим могутным плечам, направь меня на ум-разум.

— Много молодцов проезжавало, да не много вежливо говаривало. Возьми, дитятко, моего коня, поезжай к моей старшей сестре. Она лучше меня научит, что делать.

Вот Иван-царевич заночевал у этой старухи, поутру встаёт ранёхонько, умывается белёшенько. Благодарит Баба Ягу за ночлег и поехал на её коне. А этот конь ещё бойчей того. Вдруг Иван-царевич говорит:

— Стой! Перчатку обронил.

А конь отвечает:

— В кою пору ты говорил, я уж триста вёрст проскакал...

Не скоро дело делается, скоро сказка оказывается. Едет Иван-царевич день до вечера — красна солнышка до закату. Наезжает на избушку на курьей ножке об одном окошке.

— Избушка, избушка, обернись к лесу задом, ко мне передом! Мне не век вековать, а одну ночь ночевать.

Вдруг заржал конь, и под Иваном-царевичем конь отклинулся. Выходит на крыльце Баба Яга, старых лет, ёщё старее той. Поглядела — конь её сестры, а седок чужестранный, молодец прекрасный...

Тут Иван-царевич вежливо ей поклонился и ночевать попросился. Делать нечего! Ночлега с собой не взят — ночлег каждому: и пешему и конному, и бедному и богатому.

Баба Яга всё дело справила — коня убрала, а Ивана-царевича накормила, напоила и стала спрашивать, кто он да откуда и куда путь держит.

— Я, бабушка, такого-то царства, такого-то государства, царский сын Иван-царевич. Был у твоей младшей сестры, она послала к середней, а середняя сестра к тебе послала. Дай свою голову моим могутным плечам, на-

правь меня на ум-разум, как мне добыть у девицы Синеглазки живой воды и молодильных яблок.

— Так и быть, помогу я тебе, Иван-царевич. Девица Синеглазка, моя племянница, — сильная и могучая богатырка. Вокруг её царства — стена три сажени вышины, сажень толщины, у ворот стражи — тридцать богатырей. Тебя и в ворота не пропустят. Надо тебе ехать в середину ночи, ехать на моём добром коне. Доедешь до стены — бей коня по бокам плетью нехлестанной. Конь через стену перескочит. Ты коня привяжи иди в сад. Увидишь яблоню с молодильными яблоками, а под яблоней колодец. Три яблока сорви, а больше не бери. И зачерпни из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рулец. Девица Синеглазка будет спать, ты в терем к ней не ходи, а садись на коня и бей его по крутым бокам. Он тебя через стену перенесёт.

Иван-царевич не стал ночевать у этой старухи, а сел на её доброго коня и поехал в ночное время. Этот конь поскакивает, мхи-болота перескакивает, реки, озёра хвостом заметает.

Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли, доезжает Иван-царевич в середине ночи до высокой стены. У ворот стражи спит — тридцать могучих богатырей. Прижимает он своего доброго коня, бьёт его плетью нехлестанной. Конь осерчал и перемахнул через стену. Слез Иван-царевич с коня, входит в сад и видит — стоит яблоня с серебряными листьями, золотыми яблоками, и под яблоней колодец. Иван-царевич сорвал три яблока, а больше не стал брать да зачерпнул из колодца живой воды кувшинец о двенадцати рулец. И захотелось ему самою увидеть сильную, могучую богатырку, девицу Синеглазку.

Входит Иван-царевич в терем, а там спят: по одну сторону шесть полениц¹ — девиц-богатырок и по другую сторону шесть, а посередине разметалась девица Синеглазка, спит, как сильный речной порог шумит.

¹ Поленица — в русском народном эпосе — богатырь (мужчина или женщина).

Не стерпел Иван-царевич, приложился, поцеловал её и вышел... Сел на доброго коня, а конь говорит ему человеческим голосом:

— Не послушался ты, Иван-царевич, вошёл в терем к девице Синеглазке! Теперь мне стены не перескочить.

Иван-царевич бьёт коня плетью нехлестанной.

— Ах ты конь, волчья сыть, травяной мешок, нам здесь не ночь ночевать, а голову потерять!

Осерчал конь пуще прежнего и перемахнул через стену, да задел об неё одной подковой — на стене струны запели и колокола зазвонили.

Девица Синеглазка проснулась да увидала покражу:

— Вставайте, у нас покражा большая!

Велела она оседлать своего богатырского коня и кинулась с двенадцатью поленицами в погоню за Иваном-царевичем.

Гонит Иван-царевич во всю прыть лошадиную, а девица Синеглазка гонит за ним. Доезжает он до старшей Бабы Яги, а у неё уже конь выведененный, готовый. Он — со своего коня да на этого и опять вперёд погнал... Иван-царевич за дверь, а девица Синеглазка — в дверь и спрашивает у Бабы Яги:

— Бабушка, здесь зверь не прорыскивал ли?

— Нет, дитятко.

— Бабушка, здесь молодец не проезжал ли?

— Нет, дитятко. А ты с пути-дороги поешь молочка.

— Поела бы я, бабушка, да долго корову доить.

— Что ты, дитятко, живо справлюсь...

Пошла Баба Яга доить корову — доит, не торопится. Поела девица Синеглазка молочка и опять погналась за Иваном-царевичем.

Доеzжает Иван-царевич до середней Бабы Яги, коня сменил и опять погнал. Он — за дверь, а девица Синеглазка — в дверь:

— Бабушка, не прорыскивал ли зверь, не проезжал ли добрый молодец?

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги поела блинков.

— Да ты долго печь будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Напекла Баба Яга блинков — печёт, не торопится. Девица Синеглазка поела и опять погнала за Иваном-царевичем.

Он доезжает до младшей Бабы Яги, слез с коня, сел на своего коня богатырского и опять погнал. Он за дверь, де-

вица Синеглазка — в дверь и спрашивает у Бабы Яги, не проезжал ли добрый молодец.

— Нет, дитятко. А ты бы с пути-дороги в баньке попарилась.

— Да ты долго топить будешь.

— Что ты, дитятко, живо справлю...

Истопила Баба Яга баньку, всё изготовила. Девица Синеглазка попарилась, обкатилась и опять погнала в угон. Конь её с горки на горку поскакивает, реки, озёра хвостом заметает. Стала она Ивана-царевича настигать.

Он видит за собой погоню: двенадцать богатырок с тринадцатой — девицей Синеглазкой — ладят на него наехать, с плеч голову снять. Стал он коня приостанавливать, девица Синеглазка наскакивает, кричит ему:

— Что ж ты, вор, без спросу из моего колодца пил да колодец не прикрыл!

А он ей:

— Что же, давай разъедемся на три прыска лошадиных, давай силу пробовать.

Тут Иван-царевич и девица Синеглазка заскакали на три прыска лошадиных, брали палицы боевые, копья долгомерные, сабельки острые. И съезжались три раза, палицы поломали, копья-сабли исщербили — не могли друг друга с коня сбить. Незачем стало им на добрых конях разъезжаться, соскочили они с коней и схватились в охапочку.

Боролись с утра до вечера — красна солнышка до закату. У Ивана-царевича резва ножка подвернулась, упал он на сырь землю. Девица Синеглазка встала коленкой на его белу грудь и вытаскивает кинжалище булатный — пороть ему белу грудь.

Иван-царевич и говорит ей:

— Не губи ты меня, девица Синеглазка, лучше возьми за белые руки, подними со сырой земли, поцелуй в уста сахарные.

Тут девица Синеглазка подняла Ивана-царевича со сырой земли и поцеловала в уста сахарные. И раскинули они шатёр в чистом поле, на широком раздолье, на зелё-

ных лугах. Тут они гуляли три дня и три ночи. Здесь они и обручились и перстнями обменялись.

Девица Синеглазка ему говорит:

— Я поеду домой — и ты поезжай домой, да смотри никуда не сворачивай... Через три года жди меня в своём царстве.

Сели они на коней и разъехались... Долго ли, коротко ли, не скоро дело делается, скоро сказка сказывается, — доезжает Иван-царевич до росстаней¹, до трёх дорог, где плита-камень, и думает: «Вот хорошо! Домой еду, а братья мои пропадают без вести».

И не послушался он девицы Синеглазки, своротил на ту дорогу, где женатому быть... И наезжает на терем под золотой крышей. Тут под Иваном-царевичем конь заржал, и братьевы кони откликнулись. Кони-то были одностадные...

Иван-царевич взошёл на крыльцо, стукнул кольцом — маковки на тереме зашатались, оконницы покривились. Выбегает прекрасная девица:

— Ах, Иван-царевич, давно я тебя поджидаю! Иди со мной хлеба-соли откусывать и спать-почивать.

Повела его в терем и стала потчевать. Иван-царевич не столько ест, сколько под стол кидает, не столько пьёт, сколько под стол льёт. Повела его прекрасная девица в спальню:

— Ложись, Иван-царевич, спать-почивать.

А Иван-царевич толкнул её на кровать, живо кровать повернул, девица и полетела в подполье, в яму глубокую.

Иван-царевич наклонился над ямой и кричит:

— Кто там живой?

А из ямы отвечают:

— Фёдор-царевич да Василий-царевич.

Он их из ямы вынул — они лицом черны, землёй уж стали порастать. Иван-царевич умыл братьев живой водой — стали они опять прежними.

¹ РОССТАНИ — место, где сходятся или расходятся дороги, распутье.

Сели они на коней и поехали... Долго ли, коротко ли, доехали до росстаней. Иван-царевич и говорит братьям:

— Покараульте моего коня, а я лягу отдохну.

Лёг он на шёлковую траву и богатырским сном заснул.

А Фёдор-царевич и говорит Василию-царевичу:

— Вернёмся мы без живой воды, без молодильных яблок — будет нам мало чести, нас отец пошлёт гусей пасти...

Василий-царевич отвечает:

— Давай Ивана-царевича в пропасть спустим, а мы веши возьмём и отцу в руки отдадим.

Вот они у него из-за пазухи вынули молодильные яблоки и кувшин с живой водой, а его взяли и бросили в пропасть. Иван-царевич летел туда три дня и три ночи.

Упал Иван-царевич на самом взморье, опамятался и видит — только небо и вода, и под старым дубом у моря птенцы пищат — бьёт их погода.

Иван-царевич снял с себя каftан и птенцов покрыл, а сам укрылся под дуб.

Унялась погода, летит большая птица Нагай.

Прилетела, под дуб села и спрашивает птенцов:

— Детушки мои милые, не убила ли вас погодушка-невнастерь?

— Не кричи, мать, нас сберёг русский человек, своим каftаном укрыл.

Птица Нагай спрашивает Ивана-царевича:

— Для чего ты сюда попал, милый человек?

— Меня родные братья в пропасть бросили за молодильные яблоки да за живую воду.

— Ты моих детей сберёг, спрашивай у меня, чего хочешь: золата ли, серебра ли, камня ли драгоценного.

— Ничего, Нагай-птица, мне не надо: ни золата, ни серебра, ни камня драгоценного. А нельзя ли мне попасть в родную сторону?

Нагай-птица ему отвечает:

— Достань мне два чана — пудов по двенадцати — мяса.

Вот Иван-царевич настрелял на взморье гусей, лебедей, в два чана положил, поставил один чан Нагай-птице

на правое плечо, а другой чан — на левое, сам сел ей на хребет. Стал птицу Нагай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей подаёт да подаёт... Долго ли, коротко ли так летели, скормил Иван-царевич оба чана. А птица Нагай опять оборачивается. Он взял нож, отрезал у себя кусок с ноги и Нагай-птице подал. Она летит, летит и опять оборачивается. Он с другой ноги срезал мясо и подал. Вот уже недалеко лететь осталось. Нагай-птица опять оборачивается. Он с груди у себя мясо срезал и ей подал.

Тут Нагай-птица донесла Ивана-царевича до родной стороны.

— Хорошо ты кормил меня всю дорогу, но сладче последнего кусочка отродясь не едала.

Иван-царевич ей и показывает раны. Нагай-птица рыгнула, три куска вырыгнула:

— Приставь на место.

Иван-царевич приставил — мясо и приросло к костям.

— Теперь слезай с меня, Иван-царевич, я домой полечу. Поднялась Нагай-птица в вышину, а Иван-царевич пошёл путём-дорогой на родную сторону.

Пришёл он в столицу и узнаёт, что Фёдор-царевич и Василий-царевич привезли отцу живой воды и молодильных яблок и царь исцелился: по-прежнему стал здоровым крепок и глазами зорок.

Не пошёл Иван-царевич к отцу, к матери, а собрал он пьяниц, кабацкой гали и давай гулять по кабакам.

В ту пору за тридевять земель, в тридесятом царстве сильная богатырка Синеглазка родила двух сыновей. Они растут не по дням, а по часам. Скоро сказка оказывается, не скоро дело делается — прошло три года. Синеглазка взяла сыновей, собрала войско и пошла искать Ивана-царевича.

Пришла она в его царство и в чистом поле, в широком раздолье, на зелёных лугах раскинула шатёр белополотняный. От шатра дорогу устелила сукнами цветными. И посыпает в столицу царю сказать:

— Царь, отдай царевича. Не отдашь — все царство потопчу, пожгу, тебя в полон возьму.

Царь испугался и посыпает старшего — Фёдора-царевича.

Идёт Фёдор-царевич по цветным сукнам, подходит к шатру белополотняному. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

— Нет, детушки, это ваш дяденька.

— А что прикажешь с ним делать?

— А вы, детушки, угостите его хорошенько.

Тут эти двое пареньков взяли трости и давай хлестать Фёдора-царевича пониже спины. Били, били, он едва ноги унёс.

А Синеглазка опять посылает к царю:

— Отдай царевича...

Пуще испугался царь и посыпает середнего — Василия-царевича. Он приходит к шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, это не наш ли батюшка идёт?

— Нет, детушки, это ваш дяденька. Угостите его хорошенько.

Двое пареньков опять давай дядю тростями чесать. Били, били, Василий-царевич едва ноги унёс.

Синеглазка в третий раз посыпает к царю:

— Ступайте, ищите третьего сынка, Ивана-царевича. Не найдёте — все царство потопчу, пожгу.

Царь ещё пуще испугался, посыпает за Фёдором-царевичем и Василием-царевичем, велит им найти брата, Ивана-царевича. Тут братья упали отцу в ноги и во всём повинились: как у сонного Ивана-царевича взяли живую воду и молодильные яблоки, а самого бросили в пропасть.

Услышал это царь и залился слезами. А в ту пору Иван-царевич сам идёт к Синеглазке...

Подходит он к белополотняному шатру. Выбегают два мальчика:

— Матушка, матушка, к нам кто-то идёт...

А Синеглазка им:

— Возьмите его за белые руки, ведите в шатёр. Это ваш родной батюшка. Он безвинно три года страдал.

Тут Ивана-царевича взяли за белые руки, ввели в шатёр. Синеглазка его умыла и причесала, одежду на нём сменила и спать уложила...

На другой день Синеглазка и Иван-царевич приехали во дворец. Тут начался пир на весь мир — честным пирком

да и за свадебку. Фёдору-царевичу и Василию-царевичу мало было чести, прогнали их со двора — ночевать где ночь, где две, а третью и ночевать негде...

Иван-царевич не остался здесь, а уехал с Синеглазкой в её девичье царство.

Тут и сказке конец.

Вопросы и задания

1. Вы прочитали много сказок, познакомились со многими сказочными героями. Чем герои русской народной «Сказки о молодильных яблоках и живой воде» похожи на героев других народных сказок? Есть ли между ними различия? Если есть, какие именно?
2. О каких героях рассказывается в сказке? Какими чертами характера они наделены?
3. Кто и почему помогает в пути Ивану-царевичу?
4. На какие жертвы идёт Иван-царевич, чтобы добраться до родной стороны?
5. Чему учит сказка?
6. Какие подписи из текста сказки вы сделали бы под гравюрами М. Моториной и А. Павловой, выполненными по рисункам К.В. Кузнецова?

Перескажите текст, сохраняя напевность и другие особенности народных сказок.

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ РУССКОЙ НАРОДНОЙ СКАЗКИ

1. Большинство русских народных волшебных сказок строится по одному принципу: зачин, свершение какого-то события, отправка героя, уход, встреча с препятствиями, их преодоление, счастливый финал (концовка). Соответствует ли «Сказка о молодильных яблоках...» этой схеме? Сколько раз повторяются в ней отдельные элементы? Какие?
2. В «Сказке о молодильных яблоках...» есть эпизод, где герой должен выбрать дорогу. Обратите на него внимание. С подобным вы будете встречаться в былинах о богатырях, которые вам предстоит изучать в седьмом классе.
А сейчас подумайте: какой путь выбрал каждый из трёх сыновей?
3. Почему «Сказка о молодильных яблоках...» — волшебная сказка? Назовите признаки, по которым можно сделать такой вывод.
4. Что говорил конь Ивану-царевичу на просьбу остановиться? О чём свидетельствовала эта фраза?
5. Как звали племянницу Бабы Яги? Как часто встречается это имя в народных сказках?
6. Выпишите из текста сказки афористические выражения, устойчивые обороты.
7. «Магические» числа — обязательная примета волшебной сказки. Постарайтесь найти и зачитать все эпизоды с «магическими» числами.
- 8*. На ранней стадии развития человечества главой рода была женщина. Этот период назывался «матриархат» — вы об этом должны знать из уроков истории. Счастливый фи-

нал «Сказки о молодильных яблоках...» полностью зависит от геройни, да и не только финал: вспомните эпизод схватки с Иваном-царевичем. Более того, Ивану-царевичу помогают три Бабы Яги, птица Нагай, наконец, геройня сказки. О чём это свидетельствует?

9. Подберите синонимы к словам, употребляемым в сказке: *(царь) устарел; (царь) глазами обнинжал; конь нееъзжений; росстань.*

После уроков

• • •

Давайте проведём фестиваль, посвящённый сказкам. Что может быть в его программе?

1. Конкурс на лучшую сказку собственного сочинения. Сказки победителей могут быть опубликованы в школьном альманахе.
2. Конкурс чтецов. Можно выбрать отрывки из сказок, а можно — художественные произведения, посвящённые сказкам.
3. Составление сборника «О сказках», в который войдут найденные вами пословицы, поговорки, крылатые выражения о сказках.
4. Конкурс-викторина «Это было в киносказке и в мультфильме». Вопросы и задания для этого конкурса помогут подобрать взрослые, но ведь вы и сами можете это сделать.
5. Итоговое представление, на которое вы можете пригласить своих родителей, друзей. На нём вы покажете всё лучшее, что было в течение первых четырёх дней. А сюрпризом будет инсценировка сказки, которую вы заранее подготовите к фестивалю, и выступление гостей: фольклорных ансамблей вашего края. Возможно, вам удастся найти и сказителя.

Предложенный план фестиваля может быть изменён и усовершенствован вами.

Из древнерусской литературы

ОСОБЕННОСТИ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Древнерусская литература — это произведения X—XVII вв. — летописи, поучения, жития, послания, воинские и бытовые повести, описания путешествий (они назывались хожениями), сочинения ораторского жанра, тексты делового характера. Эти произведения, как правило, анонимны, то есть мы не знаем их авторов, что можно объяснить и особенным отношением древнерусского писателя к своему труду (не самовыражение, а исполнение Божественной воли), и тем, что литература Древней Руси была рукописной: сочинения переписывались от руки, зачастую перерабатывались и дополнялись переписчиками. Поэтому некоторые произведения той поры известны нам по нескольким спискам — рукописным вариантам.

Исследователь древнерусской литературы Дмитрий Сергеевич Лихачёв пишет: «Древнерусскую литературу можно рассматривать как литературу одной темы и одно-

го сюжета. Этот сюжет — мировая история, и эта тема — смысл человеческой жизни.

Древнерусская литература ближе к фольклору, чем к индивидуализированному творчеству писателей Нового времени... Литература Древней Руси не была литературой отдельных писателей: она, как и народное творчество, была искусством национальным. Это было искусство, создававшееся путем накопления опыта и производящее огромное впечатление мудростью традиций и единством всей — в основном безымянной — письменности.

Перед нами литература, которая возвышается над своими семью веками как единое грандиозное целое...»

Сказание — фольклорное произведение исторического или легендарного характера в «книжной», литературной переработке или повествовательное произведение, обращённое в прошлое.

Летопись — жанр древнерусской литературы, историческое повествование о событиях в хронологической последовательности. Могла включать в свой состав произведения других жанров.

Для вас, любознательные

Внимательно читал древнерусские тексты А.С. Пушкин. Он писал по поводу образа Пимена в трагедии «Борис Годунов»: «Характер Пимена не есть моё изобретение. В нём собрал я черты, пленившие меня в наших старых летописях: простодушие, умилительная кротость, нечто младенческое и вместе с тем мудрое».

Прочтите фрагмент из трагедии А.С. Пушкина:

Пимен
(пишет перед лампадой)

Ещё одно, последнее сказанье —
И летопись окончена моя,
Исполнен долг, завещанный от Бога
Мне, грешному. Недаром многих лет
Свидетелем Господь меня поставил
И книжному искусству вразумил;
Когда-нибудь монах трудолюбивый
Найдёт мой труд усердный, безымянный,
Засветит он, как я, свою лампаду —
И, пыль веков от хартий отряхнув,
Правдивые сказанья перепишет,
Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за тёмные деяния
Спасителя смиренно умоляют.
На старости я сызнова живу,
Минувшее проходит предо мною —
Давно ль оно неслось, событий полно,
Волнуясь, как море-окиян?
Теперь оно безмолвно и спокойно,
Не много лиц мне память сохранила,
Не много слов доходит до меня,
А прочее погибло невозвратно...
Но близок день, лампада догорает —
Ещё одно, последнее сказанье.

Отец Пимен и Григорий.
Иллюстрация к трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».
Художник В.А. Фаворский. 1954–1955 гг.

Ф.И. Шаляпин в роли Бориса Годунова.
Фотография. 1911 г.

Знаете ли вы, что...

В опере М.П. Мусоргского «Борис Годунов» в образе Годунова прославились Ф.И. Шаляпин и М.Д. Михайлов?

Подготовьте сообщение об этих певцах. Материал вы сможете найти в «Музыкальной энциклопедии».

СКАЗАНИЕ О БЕЛГОРОДСКИХ КОЛОДЦАХ¹

В лето 6505 (997) Владимир пошёл к Новгороду за воинами против печенегов, так как в это время была беспрерывная война. Узнали печенеги, что нет в Киеве кня-

¹ Фрагмент из летописи «Повесть временных лет».

зя, пришли и стали под Белгородом¹. И не давали выйти из города, и был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, печенегов же было многое множество. Затянулась осада, и был сильный голод. И собрали вече в городе и сказали:

— Вот уже скоро погибем от голода, а от князя помощи нету. Не лучше ли нам сдаться печенегам: кого-то они убьют, а кого-то оставят в живых, а так все помираем от голода.

На том и порешили.

Один старец не был на том вече, и спросил он:

— О чём было вече?

Люди поведали ему, что завтра хотят сдаться печенегам. Услышав об этом, послал он за городскими старейшинами и сказал им:

— Слышал, что хотите сдаться печенегам.

Они же ответили:

— Не стерпят люди голода.

И сказал им старец:

— Послушайте меня, не сдавайтесь три дня и сделайте, что я вам велю.

Они с радостью обещали послушаться.

И сказал им:

— Соберите хоть по горсти овса, или пшеницы, или отрубей.

Они пошли и сыскали. И велел старец женщинам сделать болтушку, на чём кисель варят, и велел выкопать колодец, вставить в него кадь и налить её болтушкой. И велел выкопать другой колодец и поставить в него кадь и поискать мёду. Они пошли и взяли лукошко мёду, было оно спрятано в княжеской медуше. И велел сделать из него пресладкую сыту² и вылить её в кадь в другом колодце.

Наутро старец повелел послать за печенегами. И сказали горожане, придя к печенегам:

¹ Белгород — ныне село Белгородка под Киевом.

² Сытá — сладкий напиток на меду.

— Возьмите от нас заложников, а сами пошлите человек с десять в город посмотреть, что делается в городе нашем.

Печенеги же обрадовались, подумав, что хотят им сдаться. Они взяли заложников, а сами выбрали лучших мужей и послали их в город, чтобы проведали, что делается в городе. Когда пришли они в город, сказали им люди:

— Почему вы губите себя? Разве вы можете перестоять нас? Если будете стоять и десять лет, то что сможете сделать нам? Нас ведь кормит сама земля. Если не верите, то посмотрите своими глазами.

И привели печенегов к колодцу, где была болтушка, почерпнули её ведром, вылили в латки¹ и сварили кисель. Затем пришли к другому колодцу, и почерпнули из него сыты, и стали есть сперва сами, а потом и печенегам дали. И удивились те и сказали:

— Не поверят нам князья наши, если не отведают сами.

Люди налили им корчагу² болтушки и сыты из колодца и дали печенегам. Они же, вернувшись, поведали своим всё, что было. И, сварив, ели князья печенежские и дивились. И, взяв своих заложников, а тех отпустив, поднялись от города и пошли восвояси.

Вопросы и задания

1. Как белгородцы перехитрили печенегов?
2. Хитрость или мудрость старца помогла горожанам выдержать осаду? Докажите текстом свою точку зрения.
3. Как вы оцениваете поступок белгородцев?

¹ Латки — глиняные сковороды с высокими краями.

² Корчага — большой глиняный сосуд с одной или двумя ручками, использовавшийся для хранения вина.

4. Какими словами завершается сказание? Есть ли в концовке сходство с народными сказками?
5. Составьте словарь устаревших слов, встретившихся вам в тексте «Сказания...». Объясните их значение.
6. Объясните значение выражения «пошли восьмой». Составьте своё предложение с этим выражением.

Живое слово

Подготовьте выборочный пересказ на тему «Как белгородцы перехитрили печенегов».

Историческая повесть – один из жанров древнерусской литературы, произведение, посвящённое выдающимся событиям, связанным с борьбой против внешних врагов Руси и княжескими усобицами. Её центральным героем является князь-воин, защитник рубежей своей страны, строитель храмов, справедливый судия своих подданных. Ему часто противостоит князь-крамольник, ведущий кровопролитные междоусобные войны, стремящийся добить себе власть силой. Повествование о добрых и злых деяниях князей опирается на свидетельства очевидцев, участников событий, устные предания.

Плач – 1) вставной эпизод в произведениях древнерусской литературы, в котором передаётся состояние персонажа, его отношение к происходящим событиям; 2) обрядовое поэтическое произведение в русской народной поэзии, связанное с оплакиванием покойника и проводами в солдаты.

ПОВЕСТЬ О РАЗОРЕНИИ РЯЗАНИ БАТЫЕМ

<...> В лето 6745 (1237) пришёл на Русскую землю безбожный царь Батый со множеством воинов татарских и стал на реке на Воронеже близ земли Рязанской. И прислал послов непутёвых на Рязань к великому князю Юрию Ингваревичу Рязанскому, требуя у него десятой доли во всём: во князьях, во всяких людях и в остальном.

И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский о нашествии безбожного царя Батыя и тотчас послал в город Владимир к великому князю Георгию Всеволодовичу Владимировскому, прося у него помощи против безбожного царя Батыя или чтобы сам на него пошёл. Князь великий Георгий Всеволодович и сам не пошёл, и помохи не послал, задумав один сразиться с Батыем.

И услышал великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, что нет ему помохи от великого князя Георгия Всеволодовича Владимира, и тотчас послал за братьями своими: за князем Давыдом Ингваревичем Муромским, и за князем Глебом Ингваревичем Коломенским, и за князем Олегом Красным, и за Всеволодом Пронским, и за другими князьями. И стали совет держать, как утолить нечестивца дарами. И послал сына своего князя Фёдора Юрьевича Рязанского к безбожному царю Батыю с дарами и мольбами великими, чтобы не ходил войной на Рязанскую землю.

И пришёл князь Фёдор Юрьевич на реку на Воронеж к царю Батыю, и принёс ему дары, и молил царя, чтобы не воевал Рязанской земли. Безбожный же, лживый и немилосердный царь Батый дары принял и во лжи своей притворно обещался не ходить войной на Рязанскую землю.

И стал у князей рязанских дочерей и сестёр к себе на ложе просить. И некто из вельмож рязанских по зависти

донёс безбожному царю Батыю, что княгиня князя Фёдора Юрьевича Рязанского из царского рода и что всех прекраснее она телом своим. Царь Батый лукав был и немилостив и сказал князю Фёдору Юрьевичу:

— Дай мне, княже, изведать красоту жены твоей.

Благоверный же князь Фёдор Юрьевич посмеялся и ответил царю:

— Не годится нам, христианам, водить к тебе, нечестивому царю, жён своих. Когда нас одолеешь, тогда и жёнаами нашими владеть будешь.

Безбожный царь Батый оскорбился и разъярился и тотчас повелел убить благоверного князя Фёдора Юрьевича, а тело его велел бросить на растерзание зверям и птицам, и других князей и воинов лучших поубивал.

И один из пестунов князя Фёдора Юрьевича, по имени Апоница, укрылся и горько плакал, смотря на славное тело честного своего господина. И, увидев, что никто его не охраняет, взял возлюбленного своего государя и тайно скончонил его. И поспешил к благоверной княгине Евпраксии и рассказал ей, как нечестивый царь Батый убил благоверного князя Фёдора Юрьевича.

Благоверная же княгиня Евпраксия стояла в то время в превысоком тереме своём и держала любимое чадо своё — князя Ивана Фёдоровича, и как услышала она смертоносные слова, исполненные горести, бросилась она из превысокого терема своего с сыном своим князем Иваном прямо на землю и разбилась до смерти.

И услышал великий князь Юрий Ингваревич об убийстве безбожным царём возлюбленного сына своего, князя Фёдора, и многих князей, и лучших людей, и стал плакать о них с великой княгиней, и с другими княгинями, и с братией своей. И плакал город весь много времени.

И, едва отдохнув от великого того плача и рыдания, князь стал собирать воинство своё и расставлять полки. И увидел князь великий Юрий Ингваревич братию свою, и бояр своих, и воевод, храбро и беспрепетно скачущих, и сказал братии своей:

— О государи мои и братья! Из рук Господних мы принимали благое, теперь надлежит нам потерпеть и злое. Лучше нам смертию славу вечную добыть, нежели во власти поганых быть. Пусть я, брат ваш, раньше вас выпью чашу смертную за святые Божии церкви, и за веру христианскую, и за отчину отца нашего великого князя Ингваря Святославича.

И дал последнее целование великой княгине Агриппине Ростиславне, и принял благословение от епископа и всех священнослужителей. И пошёл против нечестивого царя Батыя, и встретили его около границ рязанских, и напали на него, и стали биться с ним крепко и мужественно, и была сеча зла и ужасна. Много сильных полков Батыевых пало. И увидел царь Батый, что сила рязанская бьётся крепко и мужественно, и испугался.

Но против гнева Божия кто постоит! Батыевы силы велики были и непреоборимы: один рязанец бился с тысячей, а два — с тъмою¹. Пересели с коня на конь и бились упорно; через многие сильные полки Батыевы проезжая насквозь, храбро и мужественно бились, так что все полки татарские дивились крепости и мужеству рязанского воинства. И едва одолели их сильные полки татарские.

Убит был благоверный великий князь Юрий Ингваревич, брат его князь Давыд Ингваревич Муромский, брат его князь Глеб Ингваревич Коломенский, брат их Всеvolod Пронский, и многие другие князья местные, и воеводы крепкие, и воинство — уdalьцы и резвецы рязанские. Все равно умерли и единую чашу смертную исполни. Ни один из них не повернулся назад, но все вместе полегли мёртвые.

А князя Олега Ингваревича захватили еле живого. И увидел царь Батый Олега Ингваревича, столь красивого и храброго, изнемогающего от тяжких ран, и хотел уврачевать его от тех ран и к своей вере склонить. Но князь Олег Ингваревич укорил царя Батыя и назвал его безбожным и врагом христианства. Окаянный же Батый дохнул

¹ Тъма — десять тысяч.

огнём от мерзкого сердца своего и тотчас повелел Олега ножами рассечь на части.

И стал воевать царь Батый окаянную Рязанскую землю, веля убивать, рубить и жечь без милости. И пошёл ко граду Рязани. И осадил город, и бились пять дней неотступно. Батыево войско переменялось, а горожане бессменно бились. И многих горожан убили, а иных ранили, а иные от великих трудов и ран изнемогли.

А в шестой день спозаранку пошли поганые на город — одни с огнём, другие со стенобитными орудиями, а третья с бесчисленными лестницами — и взяли град Рязань месяца декабря в 21-й день.

И пришли в церковь соборную Пресвятой Богородицы, и великую княгиню Агриппину, мать великого князя, со снохами и прочими княгинями поsekли мечами, а епископа и священников огню предали — во святой церкви пожгли, а иные многие от оружия пали.

И во граде многих людей, и ён и детей, мечами поsekли, а других в реке потопили, а священноиноков и иконов всех до единого поsekли, и весь град пожгли, и всю красоту прославленную, и богатство рязанско захватили.

И не осталось во граде ни одного живого: все равно умерли и единственную чашу смертную испили. Не было тут ни стонущего, ни плачущего — ни отца и матери о детях, ни детей об отце и матери, ни брата о брате, ни сродников о сродниках, но все вместе лежали мёртвые.

И увидел безбожный царь Батый страшное пролитие крови христианской, и ещё больше разъярился и ожесточился, и пошёл на Сузdal и на Владимир, собираясь Русскую землю пленить, и веру христианскую искоренить, и церкви Божии до основания разорить.

И некий из вельмож рязанских, по имени Евпатий Коловрат, был в то время в Чернигове с князем Ингварем Ингваревичем, и услышал о нашествии зловерного царя Батыя, и выступил из Чернигова с малой дружиною, и помчался быстро. И приехал в землю Рязанскую, и увидел её опустошённую, города разорены, церкви пожжены, люди

Хан Батый. Китайский рисунок. XIII в.

убиты. И вскричал Евпатий в горести души своей, распаляясь в сердце своём. И собрал небольшую дружины — тысячу семьсот человек, которых Бог соблюл вне города. И погнали восьмь след безбожного царя, и едва нагнали его в земле Сузdalской, и внезапно напали на станы Батыевы. И начали сечь без милости, и смешались все полки татарские. И стали татары точно пьяные или безумные. И был их Евпатий так нещадно, что и мечи притуплялись, и брал он мечи татарские и сёк ими. Почудилось татарам, что мёртвые восстали. Евпатий же, насквозь проезжая сильные полки татарские, был их нещадно. И ездил среди полков татарских так храбро и мужественно, что и сам царь устрашился.

И едва поймали татары из полка Евпатьева пять человек воинских, изнемогших от великих ран. И привели их к царю Батыю, а царь Батый стал их спрашивать:

— Какой вы веры, и какой земли, и зачем мне много зла творите?

Они же отвечали:

— Веры мы христианской, храбры¹ великого князя Юрия Ингваревича Рязанского, а от полка мы Евпатия Коловрата. Посланы мы от князя Ингваря Ингваревича Рязанского тебя, сильного царя, почтствовать, и с честью проводить, и честь тебе воздать. Да не дивись, царь, что не успеваем наливать чаш на великую силу-рать татарскую.

Царь же подивился ответу их мудрому. И послал шурича своего Хостоврула на Евпатия, а с ним сильные полки татарские. Хостоврул же похвалился перед царём, обещал привести к царю Евпатия живого.

И обступили Евпатия сильные полки татарские, стремясь его взять живым. И съехался Хостоврул с Евпатием. Евпатий же был исполин силою и рассёк Хостоврула наполы² до седла. И стал сечь силу татарскую, и многих тут знаменитых богатырей Батыевых побил, одних пополам рассекал, а других до седла разрубал.

И возбоялись татары, какой Евпатий крепкий исполин. И навели на него множество орудий для метания камней, и стали бить по нему из бесчисленных камнемётов и едва убили его. И принесли тело его к царю Батыю. Царь же Батый послал за мурзами, и князьями, и санчакбяями — и стали все дивиться храбости, и крепости, и мужеству воинства рязанского.

И сказали царю приближённые:

— Мы со многими царями, во многих землях, на многих битвах бывали, а таких удальцов и резвецов не видали, и отцы наши не рассказывали нам. Это люди крылатые, не знают они смерти: так крепко и мужественно на конях боятся — один с тысячью, а два — с тьмой.

И сказал Батый, глядя на тело Евпатьево:

— О Коловрат Евпатий! Хорошо ты меня попотчевал с малой своею дружиною, и многих богатырей сильной орды моей побил, и много полков разбил. Если бы такой вот служил у меня — держал бы его у самого сердца своего.

¹ Храбры — воины, витязи.

² Наполы — пополам.

Кольчуга и шлем. XIII в.

И отдал тело Евпатия оставшимся людям из его дружины, которых похватали на побоище. И велел царь Батый отпустить их и ничем не вредить им.

Князь Ингварь Ингваревич был в то время в Чернигове у брата своего князя Михаила Всеолодовича Черниговского, сохранён Богом от злого того отступника и врага христианского. И пришёл из Чернигова в землю Рязанскую, в свою отчину, и увидел её пусту, и услышал, что братья его все убиты нечестивым, законопреступным царем Батыем, и пришёл во град Рязань и увидел великую последнюю погибель, и жалостно воскричал, как труба, созывающая рать, как орган звучащий.

Кто не восплачется о такой погибели? Кто не взорыдает о стольких людях народа православного? Кто не пожалеет стольких убитых государей? Кто не застонет от такого пленения?

Был город Рязань, и земля была Рязанская, и исчезло богатство её, и отошла слава её, и нельзя было увидеть в ней

никаких благ — только дым, земля и пепел. И не только этот град пленён был, но и иные многие. Не стало во граде ни пения, ни звона; вместо радости — плач непрестанный.

И пошёл князь Ингварь Ингваревич туда, где побиты были от нечестивого царя Батыя братья его: великий князь Юрий Ингваревич Рязанский, брат его князь Давыд Ингваревич, брат его Всеволод Ингваревич, и многие князья местные, и бояре, и воеводы, и всё воинство, и уdalьцы, и резвецы, узорочье¹ рязанское. Лежали они все на земле пусте, на траве-ковыле, снегом и льдом помёрзнувшие, никем не блодомые. Звери тела их поели, и множество птиц их потерзало. Все лежали, все вместе умерли, единую чашу испили смертную. И заговорил жалостно князь Ингварь Ингваревич:

— О милая моя братия и воинство! Как уснули вы, жизни мои драгоценные, и меня одного оставили в такой погибели? Почему не умер я раньше вас? Куда ушли вы, сокровища жизни моей? Почему ничего не промолвите мне, брату вашему, цветы прекрасные, сады мои несозревлые? Скоро погибли вы, звёзды восточные. Лежите вы на земле пустой, никем не охраняемые, чести-славы ни от кого не получаете! Помрачилась слава ваша. Где власть ваша? Над многими землями государями были вы, а ныне лежите на земле пустой, лица ваши потемнели от тления. О милая моя братия и дружина ласковая, уже не повеселился с вами! Слышите ли вы горестные слова мои, жалостно звучащие? О земля, о земля! О дубравы! Поплачьте со мною! Как назову день тот и как опишу его, в который погибло столько государей и многое узорочье рязанское — уdalьцы храбрые? Ни один из них не вернулся, но все равно умерли, единую чашу смертную испили. От горести души моей язык мой не слушается, уста закрываются, взор темнеет, сила изнемогает.

И стал разбирать князь Ингварь Ингваревич тела мёртвых, и взял тела братьев своих, и многих бояр, и воевод, и ближних, знаемых ему, и принёс их во град Рязань, и по-

¹ Узорочье — драгоценности; здесь: краса, гордость, слава.

хоронил их с честью, а тела других тут же на пустой земле собрал и надгробное отпевание совершил.

Те государи были христолюбивы, братолюбивы, лицом прекрасны, очами светлы, взором грозны, сверх меры храбры, сердцем легки, к боярам ласковы, к приезжим приветливы, к церквам прилежны, на пирование скоры, до государских потех охочи, ратному делу искусны и перед братией своей и перед послами величавы. Мужественный ум имели, в правде-истине пребывали. Врагам в сражениях страшны ми являлись, многих супостатов, поднимавшихся на них, побеждали и во всех странах имена свои прославили.

Благоверный князь Ингварь Ингваревич сел на столе отца своего великого князя Ингваря Святославича. И обновил землю Рязанскую, и церкви поставил, и монастыри построил, и пришельцев утешил, и людей собрал. И была радость христианам, которых избавил Бог рукою своею крепкою от безбожного и зловерного царя Батыя.

Вопросы и задания

1. Какие черты жанра исторической повести присущи «Повести о разорении Рязани Батыем»?
2. Приведите доказательства того, что она могла быть включена в состав летописи.
3. Внимательно прочитайте эпизод «Плач Ингваря Ингваревича». Что оплакивает герой? Что более всего печалит его душу?
4. В чём печаль повести? Что даёт надежду на восстановление жизни и деятельности в городе?
5. Чем заканчивается повесть и каков смысл этой концовки?
6. Чем произведения древнерусской литературы похожи на фольклорные тексты?
7. Какие стороны человеческой жизни и черты характеров людей раскрылись перед вами в процессе чтения текстов древнерусской литературы?

8. Что объединяет все прочитанные вами произведения древнерусской литературы?
9. Что прославляют авторы древнерусских текстов, прочитанных вами?

В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Разбейте повесть на части. Озаглавьте их словами из текста.
2. Как передана битва рязанцев с войском Батыя? Выпишите ключевые слова.
3. Как выражает автор любовь к родной земле?
4. В каких словах выражено отношение автора к героям?
5. Расскажите подробно, с использованием цитат из текста, о Евпатии Коловрате и его подвиге. Какими словами переданы чувства Евпатия Коловрата? Выпишите гиперболы, с помощью которых воссоздаётся богатырский образ Евпатия.

Поучение – жанр древнерусской литературы назидательного характера, наставление.

«ПОУЧЕНИЕ» ВЛАДИМИРА МОНОМАХА (фрагмент)

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, наречённый в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью свою из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на санях, помыслил я в душе сво-

ей и воздал хвалу Богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет люба, пусть примет её в сердце своё и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, Бога ради и души своей, страх имейте Божий в сердце своём и милостыню подавайте нескудную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не люба грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на санях сидя, безлепицу молвил. <...>

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь Богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придётся крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце своё, на чём можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устранийтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от Бога. Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; всё это, что Ты нам дал, не наше, но Твоё, поручил нам это на несколько дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своём не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тиуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряжivайте и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте ра-

Князь Владимир Все́володович Мономах.
Миниатюра из «Титулярника». XVII в.

но; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни сёлам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдёте и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришёл, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьём: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Большого навестили, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не про-

пустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх Божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Леность ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к Церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши Богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить Бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе Боже, давший мне свет твой прекрасный!» И ещё: «Господи, прибавь мне год и годы, чтобы впредь, в остальных грехах моих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю Бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спаньё в полдень назначено Богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

Вопросы и задания

1. В каком значении употреблено в «Поучении» слово «худой»? Как вы думаете, почему Владимир Мономах, могущественный князь, так говорит о себе?
2. Чему учит Владимир Мономах своих подданных, к чему призывает?
- 3*. На каком учении основаны наставления князя? Как называется книга, где они сформулированы?
4. Какие мысли из «Поучения» не потеряли своей значимости и в наши дни?

Владимир II Всеволодович (Мономах), русский князь, родился в 1052 году и получил от отца в управление Чернигов, был удельным князем в Смоленске. Ещё до воцарения в Киеве снискал себе славу победителя половцев и миротворца. Пользовался любовью и уважением среди других князей.

Владимир Мономах дополнил свод российских законов — знаменитую Русскую Правду.

По словам летописи, «слава его прошла по всем странам, особенно же он был страшен поганым; был он братолюбец и нищелюбец и добрый страдалец (труженик) за Русскую землю».

Золотой амулет — змеевик Владимира Мономаха, найденный в XIX в. на реке Белоусе, где князь часто охотился

В 1101 году Владимир Мономах заложил в Смоленске большой каменный собор в честь Успения Божией Матери, принял участие в его освящении и поместил в нём образ Божией Матери Одигитрии (путеводительницы). Собор был частично разрушен в 1609 году во время войны с польским королём Сигизмундом. Попытка возродить Мономахов собор не увенчалась успехом, и в 1674—1675 гг. храм был окончательно разобран.

Умер Владимир Мономах в 1125 году.

Известный российский историк Сергей Соловьёв писал о нём: «Мономах не возвышался над понятиями своего века, не шёл наперекор им, не хотел изменить существующий порядок вещей, но личными доблестями, строгим исполнением обязанностей прикрывал недостатки существующего порядка, делал его не только сносным для народа, но даже способным удовлетворить его общественную потребность».

Живое слово

1. Опираясь на вступительную статью к разделу «Древнерусская литература», подготовьте небольшой рассказ об особенностях литературы этого периода.

2. Составьте стилизованную под летопись устную хронику вашей школьной жизни, используя слова и выражения: «в лето», «и сказал», «и стали одолевать», «труды великие», «и внимали», «не любо», «срам», «благо», «мужи достойные» и другие по вашему выбору.

Это может быть:

- описание одного события, свидетелем которого вы были;
- хроника ряда лет, в которой описаны как события хорошо известные вам, так и те, о которых вы слышали от старших товарищей или учителей.

3. Опираясь на текст, представьте и устно опишите: а) картину осады и взятия Рязани; б) картину, которую увидел Евпатий после разорения Рязани.
4. Напишите изложение «Подвиг Евпатия Коловрата». Закончите изложение рассуждением о том, почему Батый не надругался над телом Евпатия.

Минуты творчества

1. Вы прочитали несколько произведений древнерусской литературы. Составьте кроссворд, используя устаревшие слова, которые вы узнали.
2. Попробуйте сделать иллюстрации к тексту повести.

После уроков

Подготовьте материал для проведения в классе игры «Что? Где? Когда?». Включите вопросы по истории Руси (о периоде княжения Святослава, о завоеваниях князя Владимира и основании города Переяславля, нашествии на Русь войск хана Батыя и др.), вопросы по истории древнерусской литературы (по жанрам древнерусской литературы, летописям, поучениям и пр.).

Из русской литературы XVIII века

Первая половина XVIII века была ознаменована долгожданным расцветом России, что связано прежде всего с деятельностью Петра I. Страна выходила в мир и утверждала себя в нём: укреплялось государство, менялось отношение к нему в Европе. На юге, севере, Балтике одержаны были славные военные победы, закрепившие за Россией статус великой, в том числе и морской, державы. Пётр «прорубил окно в Европу» не только своими военными успехами, среди которых победа над «первым Наполеоном», шведским королём Карлом XII, гениально изображённая в пушкинской «Полтаве», но и удачами на дипломатическом поприще, установлением новых отношений со многими странами Европы. В героической поэме «Пётр Великий» М.В. Ломоносов, создавая поэтический портрет царя, писал:

Пою премудрого российского Героя,
Что грады новые, полки и флоты строя,
От самых нежных лет со злобой вёл войну,
Сквозь страхи проходя, вознёс свою страну,
Смирил злодеев внутрь и вне попрал
противных,
Рукой и разумом сверг дерзостных и льстивых,
Среди военных бурь науки нам открыл

Император Пётр I.
Мозаика¹, набранная М.В. Ломоносовым.
1754 г.

На планируемое открытие памятника Петру I в Петербурге, создаваемого по указанию императрицы Елизаветы Петровны, М.В. Ломоносов выполнил стихотворную надпись. Поэт отметил не только выдающиеся заслуги Петра, но и память о нём среди россиян за его деяния во славу России.

Се образ изваян премудрого героя,
Что, ради подданных лишив себя покоя,
Последний принял чин и, царствуя, служил,
Свои законы сам примером утвердил,

¹ Мозаика — картина или узор, выполненные из плотно прилегающих друг к другу кусочков стекла, камешков, дерева и т.п., скреплённых между собой.

Рождены к скипетру¹, простёр в работу руки,
Монаршу власть скрывал, чтоб нам открыть науки.
Когда он строил град, сносил труды в войнах,
В землях далёких был и странствовал в морях,
Художников сбирал и обучал солдатов,
Домашних побеждал и внешних супостатов;
И словом, се есть Пётр, отечества Отец;
Земное божество Россия почтает,
И столько олтарей² пред зраком сим пылает,
Коль много есть ему обязаных сердец.

Первая половина XVIII века знаменовалась взлётом российской науки: была создана Российская академия наук, открыт Московский университет, который уже много десятилетий носит имя М.В. Ломоносова.

Был построен удивительный и прекрасный город Санкт-Петербург, град Петра. Город был им задуман, заложен, создан. Петербург стал не только северной столицей, но центром и символом обновлённого государства — Российской империи.

Литература этого времени приобретает новые качества: она становится всё более и более светской, не связанный с летописанием — утверждается её самостоятельность. Обогащается тематический и жанровый состав; литература не ограничивается уже только воспеванием героев, появляются произведения, в которых отражаются переживания рядового человека; говорится о таланте народа, его духовной силе, ставится вопрос о необходимости его просвещения. Прежде всего это относится к творчеству М.В. Ломоносова — гениального учёного, создателя учебников по математике, риторике, российской грамматике, теоретика литературы, поэта. Он был наиболее ярким и самобытно талантливым среди своих современников — А.П. Сумарокова, В.К. Тредиаковского, И.И. Хемницера, М.М. Хераскова...

¹ Скіпетр — жезл: один из атрибутов, почётных знаков государя.

² Олтарь (алтарь) — возвышение с приступками в глубине церкви, место, внушающее благоговение.

МИХАИЛ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ЛОМОНОСОВ
1711—1765

Жизнь Ломоносова раскрывается перед нами как самоотверженный подвиг, как вечный пример неутомимого дерзания и порыва.

Величественный и таинственный Север. Остров с удивительным и странным названием – Куростров, образованный Северной Двиной. По острову было разбросано несколько деревень. Та, где родился М.В. Ломоносов, называлась Мишанинской. Рядом с нею была Денисовка. Впоследствии они слились вместе с другими в большое село, носящее теперь имя Ломоносова.

День рождения Михаилы Ломоносова точно не установлен. Принято считать, что это 8 (19) ноября 1711 года.

Василий Дорофеевич Ломоносов, отец поэта, был помором-промысленником. В 28 лет он женился на сироте, дочери дьякона Елене Ивановне Сиваковой. Только после женитьбы Василий Дорофеевич обзавёлся своим домом и судном, а к 1725 году, когда подрос сын, построил «новоманерный» двухмачтовый гукор, названный им «Святой Архангел Михаил». Но в памяти односельчан сохранилось бытовое название этого судна – «Чайка».

К морскому делу отца Михайло начал приучаться лет с девяти. Он разделял с отцом все труды и опасности морских переходов. Плавания с отцом закаляли юношу физически, развивали мужество и неустрашимость, отвагу и находчивость, уверенность в себе и наблюдательность. Он

накопил значительный запас практических сведений, знал множество примет, умел пользоваться компасом и морскими картами.

Русский Север – это место удивительной самобытной культуры. Здесь необычайно высоко развиты храмовое и избяное зодчество, широко распространены художественные ремёсла: шитьё шёлком и серым речным жемчугом, финифтяное (роспись по эмали) дело, черненье по серебру, резьба по кости и дереву. Здесь бережно хранили, собирали и переписывали книги, тянулись к печатному слову. Хотя школ в то время на Севере не было, поморы охотно обучали друг друга. Всё это не могло не влиять на юного Ломоносова. Виденное западало в душу, отлагалось в цепкой памяти.

Учиться Михайло начал рано – у соседей и местного дьячка. Мальчику удалось раздобыть две лучшие по тем временам книги – «Арифметику» Л. Магницкого, изданную в Москве в 1703 году, и «Грамматику» церковнославянского языка М. Смотрицкого. Впоследствии Ломоносов называл их «вратами своей учёности» и уверял, что вытвердил их почти наизусть. Он хорошо знал Псалтырь¹ – по ней учился грамоте, а потом и сам читал на клиросе². В эти же годы он узнал о книжной поэзии, познакомился с рифмой и, вероятно, с удивлением обнаружил, что слова могут укладываться в стихи и становиться мерной речью.

На Соловецких островах он видел исторические памятники, связанные с деятельностью Петра, слушал от сказителей былины, знакомился с летописями. Он рано ощутил потребность в учении.

Дома же об этом мечтать становилось всё труднее. Рано умерла мать. Отец женился вторично, но брак был недолгим – и вторая жена скончалась. Третья супруга отца стала для Михайлы «лихой мачехой». Она попрекала его книгами и настраивала против него отца. «Для того многократно я принуждён был читать и учиться, чему возможно было, в

¹ Псалтырь – часть Библии – Книга псалмов.

² Клирос – место для певчих в церкви на возвышении перед алтарём.

Церковь во имя апостола Андрея Первозванного на Заяцком острове Соловецкого архипелага, поставленная, по преданию, во время посещения Петром I Соловецкого монастыря

уединённых и пустых местах и терпеть стужу и голод», — вспоминал он впоследствии.

Ломоносов решил уйти из дома навсегда. В конце 1730 года, запасшись паспортом, который он получил в Холмогорах с помощью земляков, Михайло, по-видимому, против воли отца, уходит в морозную ночь пешком с рыбным обозом, направляющимся в Москву.

Молодой Ломоносов, несмотря ни на какие обстоятельства, препятствия, испытания, не оставил мысли о том, ради чего пришёл в Москву. Он должен учиться, и он будет учиться. Своего он добился — получил образование в Славяно-греко-латинской академии, а затем в Германии.

Его талант был неисчерпаемо огромен. За что бы ни брался этот человек — за науки (физику, химию, математику), за практическое дело (составление мозаик) или занимался творчеством (сочинительством, разработкой теории прекрасного), — всё получалось, всё было ново и самобытно.

Собор в честь Спаса Нерукотворного образа
Заиконоспасского монастыря
в Москве, в котором находилась
Славяно-греко-латинская академия

Поэзия Ломоносова «пронизана естественно-научными мотивами, мыслями и догадками и в некоторых случаях даёт замечательные научно-дидактические образцы», — писал о нём выдающийся учёный-физик XX столетия, академик Сергей Иванович Вавилов. В стихотворении «Утреннее размышление о Божием величестве» М.В. Ломоносов создаёт замечательные картины природы, величественной и неповторимой:

Когда бы смертным толь высоко
Возможно было взлететь,
Чтоб к солнцу бренно наше око
Могло, приблизившись, взреть,
Тогда б со всех открылся стран
Горящий вечно Океан.

Там огненны валы стремятся
И не находят берегов;
Там вихри пламенны крутятся,
Борющись множество веков;
Там камни, как вода, кипят,
Горячи там дожди шумят.

Сия ужасная громада
Как искра пред тобой одна,
О коль пресветлая лампада
Тобою, Боже, возжжена
Для наших повседневных дел,
Что ты творить нам повелел!

Поэт не только восхищается величием и силой природы, но говорит о необходимости познавать её «для наших повседневных дел».

Гениальность Ломоносова отмечалась и его современниками, и его потомками. Он был великим русским энциклопедистом, натурой цельной и монолитной.

Но совершенно неверно думать, что это был баловень судьбы, которому всё давалось легко и просто. Далеко нет! Учёный, поэт, инициатор создания Московского университета должен был просить чиновников выплатить ему жалованье за предыдущий год, «ибо претерпевает немалую нужду», а деньги нужны на пропитание и книги. Их в академической лавке он часто вынужден был брать в счёт будущего жалованья.

Но более всего душевых и физических сил стоила борьба за сохранение российской науки. Эту борьбу он вёл последовательно и одержал в ней победу.

Творческое наследие М.В. Ломоносова содержит «похвальные» оды и оды духовные, надписи в честь Петра Великого, Елизаветы Петровны, поэтические отклики на знаменательные для России события, например, на спуск корабля, «именуемого святого Александра Невского, 1749 года», и на спуск корабля, названного именем Иоанна

Златоустого, на новое строительство Царского Села и другие. Наибольшее значение имеют его оды, прославляющие победы русского воинства, царей, радеющих за славу и доблесть Отечества: Петра I, Анны Иоанновны, Елизаветы Петровны. Одним из таких произведений стала ода «На взятие Хотина», полное название «Ода блаженной памяти государыне императрице Анне Иоанновне на победу над турками и татарами и на взятие Хотина 1739 года». М.В. Ломоносов говорит здесь о замечательной победе русских войск, о силе их воинского духа:

Шумит с ручьями бор и дол;
Победа, русская победа!
Но враг, что от меча ушёл,
Боится собственного следа.
Тогда увидев бег своих,
Луна стыдилась сраму их
И в мрак лице, зардевшись, скрыла.
Летает слава в тьме ночной,
Звучит во всех землях трубой,
Коль росская ужасна сила.

Поэт писал идилии и лирические стихотворения, в которых затрагивал вопросы обыденной жизни человека. Перу М.В. Ломоносова принадлежит героическая поэма «Пётр Великий», трагедии «Тамира и Селим», «Демофонт». Большое место занимали в его поэтических трудах переводы, прежде всего из античных авторов. Он переводил «Илиаду» Гомера, произведения Виргилия, Горация, Овидия, Лукреция и ряда других авторов.

Среди этих переводов показательным является перевод из Анакреона. С одной стороны, перед читателями замечательная зарисовка природы, почти идиллическая картина покоя, беззаботности, блаженства. Однако поэт дополняет античный текст двумя заключительными стихами, придающими стихотворению совершенно новый

М.В. Ломоносов.
Художник Л.С. Миропольский. 1787 г.

смысл и иносказательное звучание. Не только и не столько о беззаботном кузнечике думает он, сколько о предстоящих тяжёлых борениях за главное дело жизни — российскую науку, судьба которой зависит от воли императрицы. Таким образом, стихотворение заключает в себе тайный, скрытый смысл.

Иносказание — это образное выражение, одно из средств художественной речи, способствующее выявлению скрытого, неочевидного смысла характеров и положений.

**СТИХИ, СОЧИНЁННЫЕ НА ДОРОГЕ В ПЕТЕРГОФ,
когда я в 1761 году ехал просить о подписании
привилегии для Академии,
быв много раз прежде за тем же**

Кузнечик дорогой, коль много ты блажен,
Коль больше пред людьми ты счастьем одарен!
Препровождаешь жизнь меж мягкою травою
И наслаждаешься медвяною росою.
Хотя у многих ты в глазах презренна тварь,
Но в самой истине ты перед нами царь;
Ты ангел во плоти, иль лучше — ты бесплотен!
Ты скачешь и поёшь, свободен, беззаботен,
Что видишь, всё твоё; везде в своём дому,
Не просишь ни о чём, не должен никому.

1761

Вопросы и задания

1. Объясните значение слова «*привилегия*», подберите к нему синонимы.

Как вы полагаете, если не первый раз направляется поэт к владыкам государства, возможно к самой императрице, просить помочь для развития науки, если он далеко не всегда встречает понимание и поддержку, какие чувства его обуревают?

- 2*. Подумайте, почему в поэтическом сознании М. Ломоносова рождается образ беззаботного кузнецика?

3. В стихотворении содержится противопоставление «*презренна тварь*» — «*царь*». В чём его смысл?

4. Продолжите формулировку вывода: «Думая о своём предприятии, о необходимости униженно просить средства на благо науки, М.В. Ломоносов на какое-то мгновение завидует даже кузнецiku: у него «всё своё», он «вез-

де в своём дому», он никого и ни о чём не станет просить, он «не должен никому», но...

5. Прочитайте стихотворение «Кузнецик дорогой...» и найдите риторическое обращение. Какую роль оно играет в передаче смысла стихотворения, в его построении?

Как вы уже знаете, художественная речь отличается от обычной тем, что в ней используются особые обороты слов — **фигуры**, которые украшают речь, делают её выразительнее, красивее (краше).

М.В. Ломоносов сравнивал риторические фигуры с движением, взглядами и речами прекрасной дамы. Как прекрасная дама, несмотря на дорогое платье и богатые украшения, без «пристойных движений, взглядов и речей «бездушна», то есть суха, неестественна, так и художественная речь без риторических фигур бедна, невыразительна.

6. Выпишите из стихотворения риторическую фигуру, которая передаёт восторг и восхищение автора свободной и беззаботной жизнью кузнецика.

7. Выпишите из стихотворения рифмующиеся слова. Каждая рифма не соответствует современным нормам произношения?

8*. Обозначьте приставки в словах «*бесплотен* — *беззаботен*» и определите значение этих слов. Подумайте, случайно ли М.В. Ломоносов ввёл эти слова в рифму.

9. Что воспевает поэт в этом стихотворении? В чём он видит счастье, блаженство?

10. Чем заканчивается стихотворение? Как вы понимаете последние строки? Весёлое или грустное это стихотворение?

Рифма — это звучание окончаний слов, начиная с последнего ударного слога, завершающее стихотворные строки или части строк.

М.В. Ломоносов постоянно размышлял о силе русского языка, его безграничных возможностях, о его значении и роли среди языков мира.

В своей «Российской грамматике» он писал:

«...Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольствием велик перед всеми в Европе. Невероятно сие покажется иностранным и некоторым природным россиянам, которые больше к чужим языкам, нежели к своему трудов прилагали. Но кто, не упреждённый великими о других мнениями, прострет в него разум и с прилежанием вникнет, со мною согласится. Карл Пятый, римский император, говоривал, что испанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприяльтьми, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оними говорить пристойно, ибо нашёл бы в нём великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка. Обстоятельное всего сего доказательство требует другого места и случая. Меня долговременное в российском слове упражнение о том совершенно уверяет. Сильное красноречие Цицероново¹, великолепная Вергилиева² важность, Овидиево³ приятное витийство не теряют своего достоинства на российском языке. Тон-

¹ Цицерон Марк Туллий (106 — 43 до н.э.) — римский писатель, оратор, политический деятель.

² Вергилий Марон Публий (70 — 19 до н.э.) — римский поэт.

³ Овидий (Публий Овидий Назон) (43 до н.э. — ок. 18 н.э.) — римский поэт.

чайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сём видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выраждающие речи. И ежели чего точно изобразить не можем, не языку нашему, но недовольному своему в нём искусству приписывать долженствуем. Кто отчасу далее в нём углубляется, употребляя предводителем общее философское понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море»!

Выпишите непонятные слова и по словарю определите их значение. На какие качества русского языка М.В. Ломоносов обращает особое внимание?

Поэт и учёный употребляет в этом фрагменте имена Виргилия, Цицерона, Овидия. Подготовьте о них небольшие сообщения.

Вопросы и задания

1. Расскажите о М.В. Ломоносове, опираясь на статью учебника и репродукцию с портрета, созданного художником Л.С. Миропольским.
2. Каким в изображении М.В. Ломоносова предстаёт Пётр I? Что особенно привлекает в императоре поэта, какие его заслуги перед Россией выделены и подчёркнуты им особо?
3. Обратите внимание на средства художественной выразительности в стихах М.В. Ломоносова и назовите их.
4. Подготовьте для выразительного чтения фрагмент из оды «На взятие Хотина».

Из русской литературы XIX века

Главной отличительной особенностью литературы XIX века стало обращение писателей к непосредственной жизни, действительности. Уже не отдельный герой или царь становится основным объектом изображения в творчестве русских писателей, а человек во всех слоях общества — с его проблемами, переживаниями, обретениями и потерями. Воспевая человека, ставя его в центр творчества, русская литература ему не льстила, показывая как светлые, так и тёмные стороны человеческой души и характера.

Одновременно с этим в творчестве многих писателей с особой силой звучала тема униженных и угнетённых. Утверждался высокий нравственный идеал общества и личности, основными качествами которого должны стать свобода человека, честь, идея служения Отечеству, отвага и благородство, преданность, умение сострадать, справедливость, верность, любовь, искренность, презрение к жестокости, несправедливости, злу и борьба с ними.

В XIX веке совершенно по-новому развивались связи литературы и фольклора. Совершенствовался жанр литературной (авторской) сказки. Появились «Конёк-Горбунок»

нок» П.П. Ершова, «Городок в табакерке» В.Ф. Одоевского, сказки А.С. Пушкина. Мощно звучали сказочные мотивы в его поэме «Руслан и Людмила». А.С. Пушкин не только изучал устное народное творчество, по-новому использовал его поэтические средства, но и сам, находясь в ссылке в селе Михайловском Псковской губернии, записывал произведения фольклора.

Глубоко соединена с традициями фольклора поэма М.Ю. Лермонтова «Песня про... купца Калашникова», мотивы восточного фольклора лежат в основе его сказки «Ашик-Кериб».

Органичны и своеобразны связи с устной народной поэзией в творчестве А.В. Кольцова, И.С. Никитина, отдельных стихотворениях А.А. Дельвига.

Кроме того, русские писатели неоднократно обращаются к мифологическим мотивам и сюжетам. Они нашли отражение в поэзии В.А. Жуковского, А.С. Пушкина, Е.А. Баратынского. Подлинный смысл многих произведений останется скрытым, если не знать мифологии — прежде всего античной.

В творчестве писателей XIX века с особой силой проявился интерес к истории России. В их произведениях переплелись историческая правда и художественный вымысел, которого избегали авторы древнерусской литературы и который был неочевиден в произведениях литературы XVIII века.

Литература первой половины XIX века, прежде всего благодаря творчеству А.С. Пушкина, дала России новый литературный язык.

XIX век открыл целое созвездие имён поэтов, прозаиков, драматургов: В.А. Жуковского, А.С. Грибоедова, А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева, А.Н. Островского, Н.А. Некрасова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова... Их творения способствовали нравственному совершенствованию, самопознанию, формировали у читателя представления об идеале. По их произведениям мир узнавал Россию.

ВАСИЛИЙ
АНДРЕЕВИЧ
ЖУКОВСКИЙ
1783—1852

В.А. Жуковский был незаконнорожденным сыном русского помещика Афанасия Ивановича Бунина и пленной турчанки Сальхи, усыновлённым бедным дворянином Андреем Григорьевичем Жуковским. Учился в Московском университете в благородном пансионе. Позднее поэтическое творчество он успешно сочетал с редакторской (редактировал журнал «Вестник Европы») и педагогической деятельностью (являлся воспитателем детей при русском императорском дворе; его воспитанником был будущий русский император Александр II).

А.И. Бунин —
отец В.А. Жуковского

Елизавета Дементьевна
Турчанинова (Сальха) —
мать В.А. Жуковского.
Рисунок В.А. Жуковского

Добрые творческие отношения связывали В.А. Жуковского с гениальным немецким поэтом И.В. Гёте. Это ему Гёте писал: «Вы, вероятно, почувствовали при отъезде из Иены, как мне было больно, что Вы не продлили Вашего пребывания. Когда неожиданно явившийся, быстро овладевший Вашей дружбой человек столь же быстро удаляется, Вы начинаете раздумывать, что Вы могли ему сказать, о чём спросить, что ему сообщить. Не стану говорить, что всё это я ощутил вдвое, втрой, когда Вы... покинули меня в моей келье... Я желал бы, чтобы Вы сохранили память обо мне...» В.А. Жуковский посвятит Гёте строки, которые будут переведены на немецкий язык:

Творец великих вдохновений!
Я сохраню в душе моей
Очарование мгновений
Столь счастливых в близи твоей!

И. В. Гёте.
Гравюра с портрета Ф. Фагеманна.
1806 г. Фрагмент.

Портрет В.А. Жуковского
 с дарственной надписью А.С. Пушкину.
 Литография О. Эстеррейха. 1820 г.

Особая страница жизни и судьбы В.А. Жуковского — А.С. Пушкин. Известный поэт, редактор одного из лучших русских журналов подарит молодому другу свой портрет с трогательной надписью: «Победителю ученику от побеждённого учителя в тот высокоторжественный день, в который он окончил свою поэму «Руслан и Людмила». Возвыситься до такого признания мог далеко не каждый. А юный Пушкин в стихотворении «К портрету Жуковского» скажет о нём очень точные слова:

Его стихов пленительная сладость
Пройдёт веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнёт о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Поэзия В.А. Жуковского богата лирическими произведениями разных жанров: элегиями, песнями, романсами, посланиями. В то же время в ней широко представлены жанры лироэпические и эпические: баллады, поэмы, повести в стихах.

Лирика В.А. Жуковского передаёт тончайшие оттенки переживаний человека, его гармонического единения с миром природы. Вот, например, положенный на музыку фрагмент из элегии «Вечер»:

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;
Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Всё тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простёршись на траве под ивой наклонённой,
Внимаю, как журчит, сливааясь с рекой,
Поток, кустами осенённой.

Как слит с прохладою растений фимиам!
Как сладко в тишине у брега струй плесканье!
Как тихо веянье эфира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Чуть слышно над рекой колышится тростник;
Глас петела вдали уснувши будит селы;
В траве коростеля я слышу дикий крик,
В лесу стенанье Филомелы...¹

Но что?.. Какой вдали мелькнул волшебный луч?
Восточных облаков хребты воспламенились;
Осыпан искрами во тьме журчащий ключ;
В реке дубравы отразились.

¹ Филомела — в греческой мифологии — дочь царя Афин Пандиона, превращённая в ласточку.

Луны ущербный лик встаёт из-за холмов...
О тихое небес задумчивых светило,
Как зыблется твой блеск на сумраке лесов!
Как бледно брег ты озлатило!

Поэзия В.А. Жуковского — это поэзия подлинно русская. Она пропитана любовью к бескрайним долинам и шумящим лесам Центральной России, она окруженатайной. Поэта привлекает «невыразимое», «ночная сторона души» в природе и человеке.

* * *

В.А. Жуковский участвовал в Отечественной войне 1812 года, однако к этому факту своей биографии относился очень скромно. Тем не менее события войны, его впечатления от похода отразились в стихотворении «Певец во стане русских воинов»:

В рядах отечественной рати
Певец, по слуху знавший бой,
Стоял я с лирой боевой
И мщенье пел для ратных братий.

Это стихотворение пользовалось огромной популярностью у офицеров и скоро распространилось по всей России. В нём было прославлено Отечество, его солдаты, полководцы, народ. После «Певца...» Жуковский был признан первым поэтом России.

Одно из последних стихотворений В.А. Жуковского «Царскосельский лебедь» — своеобразная автэпитафия, обычный жанр для многих поэтов XIX века:

Лебедь белогрудый, лебедь белокрылый,
Как же нелюдимо ты, отшельник хилый,
Здесь сидишь, на лоне вод уединённых!
Спутников давнишних, прежней современных
Жизни, переживши, сетую глубоко,
Их ты поминаешь думой одинокой!

Критик В.Г. Белинский сказал о В.А. Жуковском очень точные и ёмкие слова: «Несоизмерим подвиг Жуковского и велико его значение в русской литературе!.. Подвиг, которому награда не просто упоминание в истории отечественной литературы, но вечное славное имя из рода в род».

НА РОДИНЕ В.А. ЖУКОВСКОГО

Всякий раз, когда приближаешься к Белёву и от шоссе, издали, в широко разметнувшемся пространстве, в голубоватой, как бы клубящейся дымке видишь панораму старинного города на высоком берегу Оки, сердце мгновенно замирает в радостном ожидании: снова предстоит встреча с родиной Жуковского. Снова душа соприкоснётся с пейзажами, в глубине которых когда-то возник первоначальный дух его поэзии. И навсегда поселился здесь, как бы растворившись в этом прозрачном, на редкость чистом воздухе, среди этих холмов и рощ, в плавных поворотах Оки... Светом Оки неуловимо или почти неуловимо освещены многие строки ранних стихов Василия Жуковского... В белёвских краях, на Оке, вдыхаешь чистейший полевой и речной воздух, радуешься его полноте и непривычной глубокой свежести. Все эти вздохи листвы и сквозения начинают вскорости пока-

Белёв. Вид из-за Оки. Рисунок В.А. Жуковского

чивать тебя, и овладевает тобой необыкновенное чувство полёта, единения с этим воздушным пространством, в котором, тоже как бы покачиваясь, плывёт живописная панорама города с полуразрушенным, полуудетым в реставрационные леса Спасо-Преображенским монастырём. Старинный камень просвечивает сквозь свежеобреганные доски...

Прежде всего воспринимаешь «plenительную сладость» здешних мест, которую не мог не заметить и А.С. Пушкин, проезжая когда-то Белёв по дороге на Кавказ, и описал в «Путешествии в Арзум во время похода 1839 года». Отыскиваешь памятные места, связанные с жизнью Жуковского. Вот место, где стоял двухэтажный белёвский дом поэта, построенный им для своей матери. Дом не сохранился. Но осталась та площадка, где в зарослях Василий Андреевич любил подолгу стоять, глядя на Оку, на приокские дали. По правую руку, в глубине оврага, журчала скрытая ивняком малая речка Белёвка, стремящаяся к Оке. Чуть дальше, на холме, под купами деревьев, — белеющие стены монастыря, светящиеся купола, ширь, небо...

Каким откровением и почти непередаваемой, щемящей интонацией вечерней песни прозвучала когда-то впервые, звучит и сейчас эта строка:

Последний луч зари на башнях умирает...

...Василий Андреевич безгранично любил свои родные места, всегда их помнил, всегда стремился вернуться в Белёв и Мишенское, где некогда испытал сильнейшее чувство любви к своей племяннице Маше Протасовой и где в 1802 году написал стихотворение «Сельское кладбище», явившееся вольным переводом элегии английского поэта Томаса Грея.

...Усадьба в Мишенском не сохранилась, на месте флигеля, где родился поэт, стоит обелиск. Исчезли часовенка над родником Гремячим, беседка на «Греевом холме», которую называли «Греева элегия». Не сохранился и дом

Белёв. Дом Е.А. Протасовой

Жуковского в Белёве, сгорел во время Великой Отечественной войны. А вот скромный деревянный дом Екатерины Афанасьевны Протасовой чудом сохранился до сих пор, затаился на одной из белёвских улиц. Это сюда погожим летним днём и под вечер не раз приходил из Мишенского Василий Андреевич Жуковский, совсем ещё молодой человек, высокий, худощавый. Добровольный наставник девочек Протасовых — Александры и Марии. Шёл он из Мишенского пешком — долиной быстротекучей речки Выры, через Фатьяновские луга, полевыми тропами добирался до Белёва: так быстрее. Как здесь хорошо, как приятно и вольно сердцу! Если бы не обстоятельства, он бы навсегда остался в этих краях и провёл бы здесь большую часть жизни. И Мишенское ему стало бы тем, чем впоследствии стала Ясная Поляна Льву Толстому.

По В.Я. Лазареву

Элегия — один из жанров лирики. В элегических стилях преобладают мотивы личных переживаний, одиночества, тоски, отвергнутой любви, разочарования, боли, страдания. В русской литературе элегии писали Н.М. Карамзин, К.Н. Батюшков, В.А. Жуковский, А.С. Пушкин, М.Ю. Лермонтов и другие поэты.

СВЕТЛАНА

Раз в крещенский вечерок¹

Девушки гадали:

За ворота башмачок,

Сняв с ноги, бросали;

Снег пололи; под окном

Слушали; кормили

Счётным курицу зерном²;

Ярый воск³ топили;

В чашу с чистою водой

Клали перстень золотой,

Серьги изумрудны;

Расстилали белый плат

И над чашей пели в лад

Песенки подблюдны⁴.

Тускло светится луна

В сумраке тумана —

Молчалива и грустна

Милая Светлана.

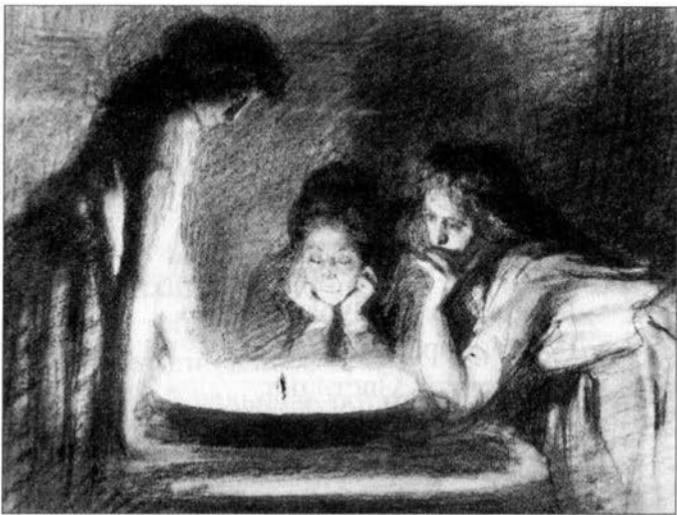
«Что, подруженька, с тобой?

¹ Крещенский вечерок — имеется в виду христианский праздник Крещения.

² Счётное зерно — отборное, сложенное чётом, попарно.

³ Ярый воск — белый и чистый воск.

⁴ Песенки подблюдны — святочные песни, сопровождавшие гадание.

Святочное гадание. Художник И.Н. Крамской. 1870-е гг.

Вымолви словечко;
Слушай песни круговой;
Вынь себе колечко.
Пой, красавица: «Кузнец,
Скуй мне злат и нов венец,
Скуй кольцо златое;
Мне венчаться тем венцом,
Обручаться тем кольцом
При святом налое».

«Как могу, подружки, петь?
Милый друг далёко;
Мне судьбина умереть
В грусти одинокой.
Год промчался — вести нет;
Он ко мне не пишет;
Ах! а им лишь красен свет,
Им лишь сердце дышит...
Иль не вспомнишь обо мне?
Где, в какой ты стороне?

Где твоя обитель?
Я молюсь и слёзы лью!
Утоли печаль мою,
Ангел-утешитель».

Вот в светлице стол накрыт
Белой пеленою;
И на том столе стоит
Зеркало с свечою;
Два прибора на столе.
«Загадай, Светлана;
В чистом зеркала стекле
В полночь, без обмана
Ты узнаешь жребий свой:
Стукнет в двери милый твой
Легкою рукою;
Упадёт с дверей запор;
Сядет он за свой прибор
Ужинать с тобою».

Вот красавица одна;
К зеркалу садится;
С тайной робостью она
В зеркало глядится;
Темно в зеркале; кругом
Мёртвое молчанье;
Свечка трепетным огнём
Чуть лиет сиянье...
Робость в ней волнует грудь,
Страшно ей назад взглянуть,
Страх туманит очи...
С треском пыхнул огонёк,
Крикнул жалобно сверчок,
Вестник полуночи.

Подпершия локотком,
Чуть Светлана дышит...
Вот... легохонько замком

Кто-то стукнул, слышит;
Робко в зеркало глядит:
 За её плечами
Кто-то, чудилось, блестит
 Яркими глазами...
Занялся от страха дух...
Вдруг в её влетает слух
 Тихий, легкий шёпот:
«Я с тобой, моя краса;
Укротились небеса;
 Твой услышен ропот!»

Оглянулась... милый к ней
 Простирает руки.
«Радость, свет моих очей,
 Нет для нас разлуки.
Едем! Поп уж в церкви ждёт
 С дьяконом, дьячками;
Хор венчальную песнь поёт;
 Храм блестит свечами».
Был в ответ умильный взор;
Идут на широкий двор,
 В ворота тесовы;
У ворот их санки ждут;
С нетерпенья кони рвут
 Повода шелковы.

Сели... кони с места враз;
 Пышут дым ноздрями;
От копыт их поднялась
 Вьюга над санями.
Скачут... пусто всё вокруг;
 Степь в очах Светланы;
На луне туманный круг;
 Чуть блестят поляны.
Сердце вещее дрожит;
Робко дева говорит:

«Что ты смолкнул, милый?»
Ни пол слова ей в ответ.
Он глядит на лунный свет,
Бледен и унылый.

Кони мчатся по буграм;
Топчут снег глубокий...
Вот в сторонке Божий храм
Виден одинокий;
Двери вихорь отворил;
Тьма людей во храме;
Яркий свет паникадил¹
Тускнет в фимиаме²;
На средине чёрный гроб;
И гласит протяжно поп:
«Буди взят могилой!»
Пуще девица дрожит;
Кони мимо; друг молчит,
Бледен и унылый.

Вдруг метелица кругом;
Снег валит клоками;
Чёрный вран, свистя крылом,
Въётся над санями;
Ворон каркает: *печаль!*
Кони торопливы
Чутко смотрят в тёмну даль,
Подымая гривы;
Брезжит в поле огонёк;
Виден мирный уголок,
Хижинка под снегом.
Кони борзые быстрей,
Снег взрывая, прямо к ней
Мчатся дружным бегом.

¹ Паникадило — висячая люстра в церкви.

² Фимиам — благовонное вещество для курения.

Вот примчалися... и вмиг
Из очей пропали:
Кони, сани и жених
Будто не бывали.
Одинокая, впотьмах,
Брошена от друга,
В страшных девица местах;
Вокруг метель и выюга.
Возвратиться — следу нет...
Виден ей в избушке свет;
Вот перекрестилась;
В дверь с молитвою стучит...
Дверь шатнулася... скрыпит...
Тихо растворилась.

Что ж?.. В избушке гроб; накрыт
Белою запоной¹;
Спасов лик² в ногах стоит;
Свечка пред иконой...
Ах! Светлана, что с тобой?
В чью зашла обитель?
Страшен хижины пустой
Безответный житель.
Входит с трепетом, в слезах;
Пред иконой пала в прах,
Спасу помолилась;
И, с крестом своим в руке,
Под святыми в уголке
Робко притаилась.

Всё утихло... выюги нет...
Слабо свечка тлится,
То прольёт дрожащий свет,
То опять затмится...

¹ Запона — покрывало, полотнище материи.

² Спасов лик — так называлась икона, на которой изображён Спаситель.

Всё в глубоком, мёртвом сне,
Страшное молчанье...
Чу, Светлана!.. в тишине —
Лёгкое журчанье...
Вот глядит: к ней в уголок
Белоснежный голубок
С светлыми глазами,
Тихо вея, прилетел,
К ней на перси тихо сел,
Обнял их крылами.

Смолкло всё опять кругом...
Вот Светлане мнится,
Что под белым полотном
Мёртвый шевелится...
Сорвался покров; мертвец
(Лик мрачнее ночи)
Виден весь — на лбу венец,
Затворёны очи.
Вдруг... в устах сомкнутых стон;
Силится раздвинуть он
Руки охладелы...
Что же девица?.. Дрожит...
Гибель близко... но не спит
Голубочек белый.

Встрепенулся, развернул
Лёгкие он крилы;
К мертвецу на грудь вспорхнул...
Всей лишённый силы,
Простонав, заскрежетал
Страшно он зубами
И на деву засверкал
Грозными очами...
Снова бледность на устах;
В закатившихся глазах
Смерть изобразилась...

Глядь, Светлана... о Творец!
Милый друг её — мертвец!
Ах!.. и пробудилась.

Где ж?.. У зеркала одна
Посреди светлицы;
В тонкий занавес окна
Светит луч денницы;
Шумный бьёт крылом петух,
День встречая пеньем;
Всё блестит... Светланин дух
Смутен сновиденьем.
«Ах! ужасный, грозный сон!
Не добро вещает он —
Горькую судьбину;
Тайный мрак грядущих дней,
Что сулишь душе моей,
Радость иль кручину?»

Села (тяжко ноет грудь)
Под окном Светлана;
Из окна широкий путь
Виден сквозь тумана;
Снег на солнышке блестит,
Пар алеет тонкий...
Чу!.. в дали пустой гремит
Колокольчик звонкий;
На дороге снежный прах;
Мчат, как будто на крылах,
Санки кони ряяны;
Ближе; вот уж у ворот;
Статный гость к крыльцу идёт.
Кто?.. Жених Светланы.

Что же твой, Светлана, сон,
Прорицатель муки?
Друг с тобой; всё тот же он

В опыте разлуки;
Та ж любовь в его очах,
 Те ж приятны взоры;
Те ж на сладостных устах
 Милы разговоры.
Отворяйся ж, Божий храм;
Вы летите к небесам,
 Верные обеты;
Соберитесь, стар и млад;
Сдвинув звонки чаши, в лад
 Пойте: многи леты!

Улыбнись, моя краса,
 На мою балладу;
В ней большие чудеса,
 Очень мало складу.
Взором счастливый твоим,
 Не хочу и славы;
Слава — нас учили — дым;
 Свет — судья лукавый.
Вот баллады толк моей:
«Лучший друг нам в жизни сей
 Вера в провиденье.
Благ Зиждителя¹ закон:
Здесь несчастье — лживый сон;
 Счастье — пробужденье».

О! не знай сих страшных снов
 Ты, моя Светлана...
Будь, Создатель, ей покров!
 Ни печали рана,
Ни минутной грусти тень
 К ней да не коснётся;
В ней душа — как ясный день;
 Ах! да пронесётся

¹ Зиждитель — Бог.

Мимо — бедствия рука;
Как приятный ручейка
Блеск на лоне луга,
Будь вся жизнь её светла,
Будь весёлость, как была,
Дней её подруга.

1802—1812

Произведение, которое вы прочли, относится к жанру баллады. Вы обратили внимание на то, что «Светлана» В.А. Жуковского — это достаточно большое стихотворное произведение. В нём есть фантастические элементы (вспомните сон Светланы), есть и мотивы, связанные с устным народным творчеством. Кроме того, есть завязка (то место в сюжете, когда завязывается действие, конфликт), есть развитие действия и кульминация (момент наивысшего напряжения в сюжете) и развязка (разрешение конфликта, завершение событий). С лирикой балладу роднит наличие образа-переживания, лирического «Я», раскрывающего свои мысли и чувства.

Баллада — это относительно большое лиро-эпическое произведение с фантастическим, сказочным или историческим сюжетом, имеющее завязку, кульминацию и развязку.

Вопросы и задания

1. О чём говорится в самом начале баллады? Что вы знаете о гаданиях?
2. Как совмещается реальное и фантастическое в тексте? Какими приёмами это достигается?
3. Чем заканчивается баллада и в чём смысл такого финала?
4. Найдите в тексте «Светланы» завязку, кульминацию и развязку.

1. Перескажите подробно содержание сна Светланы.
2. Подготовьте выразительное чтение всего произведения, подчеркнув интонацией реальные и фантастические моменты событий.
- 3*. Подготовьте сообщение о рождественских гаданиях, прокомментируйте строки в начале баллады, где речь идёт о действиях гадающих.

Для вас, любознательные

Баллада «Светлана» представляет собой обработку сюжета баллады немецкого поэта Готфрида Августа Бюрнера (1747–1794) «Ленора». Ранее Жуковский уже обращался к этому сюжету, создав в 1808 году балладу «Людмила». «Светлана», в отличие от первоисточника, имеет счастливый, радостный финал.

Она предназначалась в качестве свадебного подарка племяннице Жуковского Александре Андреевне Протасовой (1795–1829). «Светлана» не раз упоминается в стихотворениях А.С. Пушкина. Свою любимую героиню Татьяну из романа «Евгений Онегин» Пушкин сравнивает со Светланой:

«Скажи, которая Татьяна?»
— Да та, которая грустна
И молчалива, как Светлана,
Вошла и села у окна.

Отрывок из «Светланы» «Раз в крещенский вечерок...» положен на музыку русским композитором А.Е. Варламовым.

АЛЕКСАНДР
СЕРГЕЕВИЧ
ПУШКИН
1799—1837

Великий русский поэт А.С. Пушкин родился 6 июня (26 мая по ст. стилю) 1799 года в доме Скворцова на Немецкой улице, в семье отставного майора, чиновника Московского комиссариата Сергея Львовича Пушкина и жены его Надежды Осиповны (урождённой Ганнибал). Кроме него, в семье были старшая сестра Ольга и три младших брата. Семья принадлежала к образованной части московского общества. Дядя Пушкина, Василий Львович Пушкин, был известным поэтом, в доме бывали московские литераторы. Ещё ребёнком Пушкин увидел Н.М. Карамзина, слушал разговоры на литературные темы.

Воспитание детей, которому родители не придавали большого значения, было беспорядочным. Из домашнего обучения Пушкин вынес лишь прекрасное знание французского языка и любовь к чтению. Гораздо более важным этапом в формировании Пушкина как поэта стал период его обучения в Лицее¹.

Лицей помещался в Царском Селе — летней императорской резиденции, во флигеле Екатерининского дворца. Уже само местоположение делало его как бы придворным

¹ Лицей — привилегированное мужское среднее или высшее учебное заведение, не разделённое на факультеты.

Пушкин-лицеист.
Гравюра В.А. Фаворского. 1935 г.

учебным заведением, предназначение которого — готовить юношей к государственной службе.

Лекции лицейских преподавателей, среди которых были прогрессивные и хорошо подготовленные профессора (А.П. Куницын, А.И. Галич), не прошли для Пушкина бесследно.

В Лицее процветал культ дружбы, ощущалась сильная тяга к литературным занятиям, которая поощрялась всем стилем преподавания.

По словам мемуаристов и лицейстов, огромное впечатление на них оказали события войны 1812 года. «Эти события сильно отразились на нашем детстве. Началось с того, что мы провожали все гвардейские полки, потому что они проходили мимо самого Лицея», — писал Пущин. Впечатления этих лет, конечно, «определили гражданский пафос и раннее свободолюбие многих лицейстов,

Царское Село. Лицей.
Художник А.А. Тон. 1822 г.

включая и Пушкина». Лицей заменил Пушкину детство. Лицей был закончен — детство прошло. Началась жизнь.

Пушкин в Лицее был дважды рукоположен в поэты. Первое посвящение произошло на переводном экзамене 8 января 1815 года. Эпизод встречи Державина и Пушкина, уходящего и начинающего поэтов, на этом экзамене, чтение Пушкиным стихотворения «Воспоминания в Царском Селе» знаменательны.

Вторым посвящением было принятие Пушкина в «Арзамас» — неофициальное литературное общество, объединяющее молодых литераторов. Члены «Арзамаса» были поклонниками Карамзина.

Зачисление в боевую дружибу молодых литераторов — романтиков, насмешников, гонителей «века минувшего» — подвело черту под периодом детства и годами учения. Он почувствовал себя допущенным в круг поэтов общепризнанных.

По Ю.М. Лотману

Прочитайте воспоминание А.С. Пушкина о Г.Р. Державине.

ДЕРЖАВИН

Державина видел я только однажды в жизни, но никогда того не позабуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Как узнали мы, что Державин будет к нам, все мы волновались. Дельвиг вышел на лестницу, чтоб дождаться его и поцеловать ему руку, руку, написавшую «Водопад». Державин приехал. Он вошёл в сени, и Дельвиг услышал, как он спросил у швейцара: где, братец, здесь нужник? Этот прозаический вопрос разочаровал Дельвига, который отменил своё намерение и возвратился в залу. Дельвиг это рассказывал мне с удивительным простодушием и весёлостью. Державин был очень стар. Он был в мундире и в плисовых сапогах. Экзамен наш его очень утомил. Он сидел, подперши голову рукой. Лицо его было бессмысленно, глаза мутны, губы отвисли, портрет его (где представлен он в колпачке и в халате) очень похож. Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен по русской словесности. Тут он оживился, глаза заблистали; он преобразился весь. Разумеется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Он слушал с живостью необыкновенной. Наконец вызвали меня. Я прочёл мои «Воспоминания в Царском Селе», стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояния души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отреческий зазвенел, а сердце забилось с упорительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...

Вопросы и задания

- Подготовьте цитатный план к рассказу о детстве и лицейских годах А.С. Пушкина.
- Определите значение следующих слов: *культ, прогрессивный, мемуарист*.
- Какие важные события произошли в жизни Пушкина-лицеиста?
- Что вам показалось особенно интересным из воспоминаний А.С. Пушкина о Г.Р. Державине? Охарактеризуйте чувства юного Пушкина, читающего в присутствии Державина свои стихи.
- Чем, на ваш взгляд, необычен гравюрный портрет В.А. Фаворского «Пушкин-лицеист»?
- Что представляет собой Лицей в наши дни?

ДЕРЕВНЯ

Приветствуя тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льётся дней моих невидимый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.

Я твой: люблю сей тёмный сад
С его прохладой и цветами,
Сей луг, уставленный душистыми скирдами,
Где светлые ручьи в кустарниках шумят.
Везде передо мной подвижные картины:
Здесь вижу двух озёр лазурные равнины,

Где парус рыбаря белеет иногда,
За ними ряд холмов и нивы полосаты,
 Вдали рассыпанные хаты,
На влажных берегах бродящие стада,
Овины дымные и мельницы крылаты;
 Везде следы довольства и труда...

Я здесь от суетных оков освобождённый,
Учуся в истине блаженство находить,
Свободною душой закон боготворить,
Роптанью не внимать толпы непросвещённой,
Участьем отвечать застенчивой мольбе
 И не завидовать судьбе
Злодея иль глупца — в величии неправом.

Оракулы веков, здесь вопрошаю вас!
 В уединеньи величавом
Слышннее мой отрадный глас.
Он гонит лени сон угрюмый,
К трудам рождает жар во мне,
И ваши творческие думы
В душевной зреют глубине.

Но мысль ужасная здесь душу омрачает:
 Среди цветущих нив и гор
Друг человечества печально замечает
Везде невежества убийственный позор.

Не видя слёз, не внемля стона,
На пагубу людей избранное судьбой,
Здесь *барство* дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склоняясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влечится по браздам
 Неумолимого владельца.
Здесь тягостный ярём до гроба все влекут,
Надежд и склонностей в душе питать не смея,
 Здесь девы юные цветут

Для прихоти бесчувственной злодея.
Опора милая стареющих отцов,
Младые сыновья, товарищи трудов,
Из хижины родной идут собой умножить
Дворовые толпы измученных рабов.
О, если б голос мой умел сердца тревожить!
Почто в груди моей горит бесплодный жар
И не дан мне судьбой витийства грозный дар?
Увижу ль, о друзья! народ неугнетённый
И рабство, падшее по манию царя,
И над отечеством свободы просвещённой
Взойдёт ли наконец прекрасная заря?

1819

В МИРЕ ПУШКИНСКОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Стихотворение «Деревня» написано в 1819 году. В это время поэт уже завершил образование в Царскосельском Лицее и жил в Петербурге. «Деревня» относится к свободолюбивой лирике Пушкина и входит в тот ряд стихов, которые вызвали гнев властей. На поэта был написан донос; власти решили произвести на его квартире обыск, который не состоялся лишь оттого, что Пушкина не было дома, и дядька (слуга) не позволил проводить данное предприятие в отсутствие своего господина.

Царь, прочитав тетрадку с вольнолюбивыми стихами Пушкина, был возмущён и начертал на ней слова о том, что Пушкин «наводнил Россию возмутительными стихами». Над поэтом сгустились тучи, и он был на грани ссылки в Сибирь. Однако стараниями и заступничеством друзей ссылка была заменена служебным переводом на юг — в Кишинёв и Одессу.

Основным художественным приёмом в стихотворении является приём контраста.

1. Что и чему противопоставлено в «Деревне»?
2. Противопоставление это подчёркнуто композицией. Из каких смысловых частей состоит текст, где завершается первая часть и начинается вторая?
3. Какие впечатления навевает на лирического персонажа «пустынный уголок»? Каким он представляется? Назовите образы стихотворения, которые могут подтвердить ваши суждения.
4. Образ лирического персонажа почти совпадает с образом автора. Аргументируйте этот тезис.
5. Сформулируйте вывод по первой части стихотворения: Деревня в первой части — это почти идиллическое место, где... (продолжите).
6. Какое сочетание слов уже в первом стихе второй части решительно противопоставлено предыдущему строю стихотворения?
7. Что «омрачает душу» автора?
8. Что такое в изображении А.С. Пушкина «барство дикое» и «рабство тощее»? Кто они — эти рабы «бесчувственного злодея»? Каково отношение к ним поэта?
9. О чём мечтает А.С. Пушкин, о каком времени и о каком отечестве? Вывод сформулируйте письменно.

* * *

Редеет облаков летучая гряда;
Звезда печальная, вечерняя звезда,
Твой луч осеребрил увядшие равнины,
И дремлющий залив, и чёрных скал вершины;
Люблю твой слабый свет в небесной вышине:
Он думы разбудил, уснувшие во мне.
Я помню твой восход, знакомое светило,
Над мирною страной, где всё для сердца мило,
Где стройны тополы в долинах вознеслись,

Где дремлет нежный мирт и тёмный кипарис,
И сладостно шумят полуденные волны.
Там некогда в горах, сердечной думы полный,
Над морем я влачил задумчивую лень,
Когда на хижины сходила ночи тень —
И дева юная во мгле тебя искала
И именем своим подругам называла.

1820

Вопросы и задания

?

1. Вспомните определение жанра элегии.
2. Определите признаки элегии в тематике и образном строем стихотворения «Редеет облаков летучая гряда...».

Для вас, любознательные

!

Элегия «Редеет облаков летучая гряда...» была написана в Каменке, Киевском имении братьев Давыдовых, у которых с ноября 1820 по февраль 1821 года гостил А.С. Пушкин. В элегии нашли отражение гурзуфские впечатления поэта. Уже почти два столетия среди учёных-пушкинистов идёт дискуссия о том, кому из двух дочерей Раевских, с семьёй которого А.С. Пушкин путешествовал на юге, она посвящена. В письме к А.А. Бестужеву А.С. Пушкин отмечал: «Признаюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я более, чем мнением всех журналов на свете и всей нашей публики». Пушкин направил это стихотворение в альманах А.А. Бестужева и К.Ф. Рылеева «Полярная звезда», запретив публикацию трёх заключительных стихов, однако элегия была напечатана полностью, что вызвало гнев поэта. Он упрекал Бестужева: «Бог тебя простит!

Е.Н. Раевская.
Неизвестный художник.
1820-е гг.

но ты осрамил меня в нынешней Звезде — напечатав
3 последние стиха моей Элегии... Вообрази моё отчая-
ние, когда я увидел их напечатанными — журнал мо-
жет попасть в её руки...»

Имя женщины А.С. Пушкин тщательно скрывал, и ис-
следователи творчества поэта сделали вывод, что элегия —
это невольное признание Пушкина в потаённой любви.

Один из видных учёных-пушкинистов Ю.М. Лотман пишет, что «слова о том, что одной мыслью этой женщины Пушкин дорожил больше, чем мнением всей читающей публики, звучат с подкупающей искренностью. Имя её, естественно, интересовало биографов, поскольку эта, называющая своим именем вечернюю звезду «дева юная» — наиболее вероятная кандидатура на роль «утаённой любви» Пушкина. Здесь — поскольку в гур-зупской элегии речь могла идти об одной из барышень

Раевских или их спутнице — особенно упорно выдвигалась фигура Марии Николаевны Раевской (в замужестве Волконской, известной «декабристки», поехавшей за мужем в Сибирь). Однако после того как Б.В. Томашевский документально доказал, что «дева юная» — это старшая дочь генерала, Екатерина Раевская (вскоре вышедшая замуж за М. Орлова), оценка слов Пушкина в письме к Бестужеву должна перемениться: Пушкин ценил красоту и характер Екатерины Николаевны, но ни о какой серьёзной влюблённости в неё с его стороны и речи не шло... Пушкин мистификовал Бестужёва, а через него наиболее важный для него круг читателей для того, чтобы окружить свою элегическую поэзию романтической легендой, представляя стихи как лирический дневник своего сердца».

Композитором Н.А. Римским-Корсаковым на стихи пушкинской элегии был написан романс, одним из блистательных исполнителей которого в XX веке являлся известный тенор С.Я. Лемешев.

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры,
Зездою севера явись!

Вечор, ты помнишь, выюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
Озарена. Весёлым треском
Трещит затопленная печь.
Приятно думать у лежанки.
Но знаешь: не велеть ли в санки
Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
Друг милый, предадимся бегу
Нетерпеливого коня
И навестим поля пустые,
Леса, недавно столь густые,
И берег, милый для меня.

1829

Живое слово

Постарайтесь охарактеризовать пушкинское стихотворение самостоятельно по данному примерному плану:

1. Время написания стихотворения. Краткие тезисы об основных событиях, происходивших в это время в жизни поэта.
2. Определение темы и основных мотивов стихотворения. (Необходимо вспомнить содержание понятий «тема» и «мотив»).
3. Образный мир и его краткая характеристика.

Иллюстрация к стихотворению «Зимнее утро».

Художник Г.Е. Никольский. 1960-е гг.

4. Средства художественной выразительности и их роль.
5. Мир переживаний, представлений и чувствований (пафос стихотворения).
6. Определение основной авторской мысли (художественная идея) и слов (строк), в которых она заключена.

1. Прочтайте стихотворения, посвящённые А.С. Пушкину, или воспоминания о поэте. Материалы вы можете найти в книгах: Венок Пушкину. М., 1987; Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1974. Т. 2.; Слонимский А. Юность Пушкина. М., 1966; Дугин Л. Лицей: Роман. М., 1977; Жизнь Пушкина, рассказанная им самим и его современниками. М., 1987. Т. 1.; Эйдельман Н. Прекрасен наш союз... М., 2006; Руденская М., Руденская С. Они учились с Пушкиным. Л., 1976; Вся жизнь — один чудесный миг / Сост. М. Сергеев. М., 1969.

Напишите сценарий вечера, посвящённого Пушкину.

2. Близким другом Александра Пушкина в Лицее был Иван Пущин. Он оставил о поэте замечательные воспоминания, многократно издававшиеся в нашей стране. Возьмите в библиотеке книгу И.И. Пущина «Записки о Пушкине. Письма» (М., 2003) и познакомьтесь с удивительным рассказом, передающим далёкую от вас атмосферу лицейских дней и лицейского братства.

После уроков

• • •

Проведите литературный вечер на тему «**Поэзия А.С. Пушкина в музыке**».

В содержание вечера может войти чтение наизусть наиболее полюбившихся пушкинских стихотворений, исполнение и прослушивание романсов на стихи А.С. Пушкина.

Полезная информация

Более тысячи композиторов, включая современников поэта, обращались к его творчеству. Оперы, балеты, хоры, оратории, инструментальные произведения, свыше двух тысяч романсов, музыка к кинофильмам, телевизионным и радиопередачам, составленным по произведениям поэта, — таков диапазон темы «А.С. Пушкин в музыке».

Композиторы, писавшие музыку на тексты стихотворений А.С. Пушкина: А.П. Бородин («Для берегов отчизны дальней...»), А.К. Власов («Фонтану Бахчисарайского дворца»), А.С. Даргомыжский («Ты и Вы», «Ночной зефир», «Юноша и дева», «Я вас любил: любовь ещё, быть может...»), «Мельник», «Вертоград моей сестры...»), М.И. Глинка («Я помню чудное мгновенье...», «В крови горит огонь желанья...», «Я здесь, Инезилья!..», «Признание», «Не пой, красавица, при мне...», «Адель»), Ц.А. Кюи («Царскосельская статуя»), Н.К. Метнер («Зимний вечер», «Цветок»), М.П. Мусоргский («Ночь»), С.В. Рахманинов («Не пой, красавица, при мне...», «Муз»), Н.А. Римский-Корсаков («На холмах Грузии...», «Редеет облаков летучая грязь...», «Ненастный день потух...», «Гречанке», «Для берегов отчизны дальней...»), «Медлительно влекутся дни мои...», «Эхо», «Мой голос для тебя и ласковый и томный...», «Заклинание», «Сомнение»), А.Г. Рубинштейн («Ночь»), Г.В. Свиридов («Зимняя дорога», «Подъезжая под Ижоры...», «Зорю бьют...»), Д. Степанович («Мороз и солнце...», «Сват Иван», «У Лукоморья...», «Восстань, боязливый...», «Ещё дуют холодные ветры...», «Вокализ», «Заключение»), П.И. Чайковский («Соловей», «Песнь Земфиры»), Ю.А. Шапорин («Заклинание»).

СТИХОТВОРНЫЕ РАЗМЕРЫ (МЕТРЫ)

Стихотворная речь отличается от прозаической. Особое звучание стихотворной речи придают *ритм* (вы получили о нём лишь начальные знания, и они в процессе учения будут углубляться), *рифма* (хотя вы знаете, что есть и безрифменные стихотворения и даже стихотворения в прозе). Многие стихотворения делятся на *строфы*, и существуют различные типы строф.

Силлабо-тоническое стихосложение – система стихосложения, в основе которой лежит выравненность числа слогов, количества и места распределения ударений в стихотворных строках.

Чем же, помимо рифмы, ритма, отличается одно стихотворение от другого? Это отличие проявляется в *метре* (поэтическом размере). Этих размеров в силлабо-тонической системе стихосложения пять: *хорей* и *ямб* относятся к двусложным (состоящим из двух слогов в стопе); *амфибрахий*, *анапест* и *дактиль* — к трёхсложным размерам.

Для того чтобы научиться определять поэтический размер, вам необходимо прежде всего усвоить несколько простых терминов.

Стих — это одна стихотворная строчка.

Стопа — группа слогов, состоящая из одного ударного и одного или нескольких безударных, повторение которых определяет размер стиха.

Стопы бывают двусложные (если состоят из двух слогов) и трёхсложные (если состоят из трёх слогов).

Давайте вместе определим, какие перед вами группы стоп. Чёрточкой (—) мы изобразим безударное место в стопе, а значком (/) — ударное.

— /; / —; — — /; — / —; / — —.

Первые две стопы относятся к двусложным — в стопе один безударный слог, другой — ударный; третья, четвёртая и пятая стопы — трёхсложные: в них один слог ударный и два — безударных.

Двусложные размеры стиха

Теперь запишем два стиха из стихотворения А.С. Пушкина и попробуем определить тип стопы и размер стихотворения:

Буря мглою небо кроет,
Вихри снежные крутя...

Составим таблицу, в которой сверху укажем количество слогов, а слева — текст стиха. Расставим ударения, горизонтальными чёрточками отметим безударные слоги.

стихотворная строка (стих)	номера слогов							
	1	2	3	4	5	6	7	8
Буря мглою небо кроет	/	—	/	—	/	—	/	—
Вихри снежные крутя...	/	—	/	—	—	—	/	

Что мы увидели? Стопа состоит из двух слогов: (1–2), (3–4), (5–6), (7–8). Перед нами двусложный размер с ударением на первом (нечётном) слоге в стопе. Исключение составляет пара 5–6 во второй строке — оба слога в ней безударные, но такой отход от схемы допустим, когда в строке есть слова, состоящие из трёх и более слогов.

Двусложный размер с ударением на первом слоге в стопе называется **хореем**.

Рассмотрим другой пример из романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин».

стихотворная строка (стих)	номера слогов								
	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Зима. Крестьянин, торжествуя,	—	/	—	/	—	—	—	/	—
На дровнях обновляет путь.	—	/	—	—	—	/	—	/	

Что же мы видим в данном случае? Стопа также состоит из двух слогов; правда, появился девятый слог (неполная стопа) — о ней чуть позже. Но ударение в двусложной стопе падает на второй (чётный) слог.

Двусложный размер с ударением на втором слоге в стопе называется **ямбом**.

1. Составьте схему ямбической стопы. Как выглядит схема хорея?
2. Определите размер следующих стихотворных строк:
 - а) «Мой дядя самых честных правил...»
 - б) «Мой первый друг, мой друг бесценный...»
 - в) «Мороз и солнце; день чудесный...»
 - г) «Простите, верные дубровы...»
3. Дайте определение ямба и хорея.

О РОМАНЕ «ДУБРОВСКИЙ»

Внимание Пушкина к истории было постоянным: оно проявилось и в прозе, и в поэзии. Он интересовался событиями «давно минувших дней», изучал материалы, связанные с историей Петра и восстанием Пугачёва. Однако в своих произведениях он стремился не столько к точной передаче произошедших событий, сколько к отображению «духа» эпохи, к выражению мыслей по поводу важнейших вопросов, касающихся жизни Отечества. Роман «Дубровский» — одно из самых значительных прозаических произведений Александра Сергеевича Пушкина. В нём отразились многие явления русской жизни, волновавшие Пушкина и его современников. И прежде всего — вопрос, который с особой остротой встал в России после Отечественной войны 1812 года — вопрос о крепостном праве.

Две исторические темы пересекаются в романе: тема крепостничества в его уродливых формах жестокости, произвола по отношению к крестьянам и тема благородного разбойничества, когда разбойник — защитник справедливости и прав бедных и угнетённых.

Тема разбойничества была особенно широко представлена в устном народном творчестве. В народных преданиях, легендах, песнях разбойник, как правило, —

сильный и добрый человек, народный заступник. Но разбойничество было известно Пушкину и из других источников — по России прокатилась волна крестьянских бунтов, вызванных жестоким отношением помещиков к своим крепостным.

Тема разбойничества была поднята Пушкиным в поэме «Братья разбойники», в «Песнях о Степане Разине», но особенно подробно и художественно выразительно она представлена в романе «Дубровский».

Роман Пушкин не завершил. Однако остались планы, черновики, из которых можно понять, как предполагалось развивать события — князь Верейский умирает, оставив Марью Кириловну вдовой; Дубровский возвращается в Россию под видом англичанина, и влюблённые соединяются.

Роман получил высокое признание среди критиков и читателей.

«Дубровский» — одно из величайших созданий гения Пушкина...

Старинный быт русского дворянства в лице Троекурова изображён с ужасающей верностью».

В.Г. Белинский

«Трудно найти в русской литературе более точную и живую картину, как описание быта и привычек богатого барина старых времён в начале его повести «Дубровский».

Н.Г. Чернышевский

«...не случайна судьба героя повести: она продиктована логикой фактов, логикой самой действительности. Единственный порядочный человек среди дворянских персонажей произведения, чуждый холопства и пресмыкальства, сохраняющий чувство собственного человеческого достоинства, в своей, дворянской, среде оказывается отщепенцем, выброшенным за борт за своё превосходство над этой средой...»

П.В. Анненков

Вы впервые читаете произведение, относящееся к новому жанру эпической прозы — роману. Жанр романа был известен со времён Средневековья, но в русской литературе XIX века он получил наибольшее развитие, пережил период расцвета.

В романе более подробно, чем в рассказе или повести, изображается человек, особенности его характера. Гораздо сложнее, чем в других эпических жанрах, сюжет — он разветвлён, усложнён, охватывает разнообразные события и судьбы многих людей. В романе подробному художественному исследованию подвергаются сложные и важные социальные и нравственные проблемы.

Роман — это крупное эпическое произведение с разветвлённым, развёрнутым сюжетом, в котором события происходят на протяжении значительного времени и в широком художественном пространстве.

Для вас, любознательные

В основу сюжета «Дубровского» положен сообщенный Пушкину его другом П.В. Нащокиным эпизод из жизни одного белорусского небогатого дворянина по фамилии Островский (как и назывался сначала роман), который имел процесс с соседом за землю, был вытеснен из имения и, оставшись с одними крестьянами, стал грабить, сначала подъячих, а потом и других. Нащокин видел этого Островского в остроге.

Время действия романа относится, по-видимому, к 10-м годам XIX века. «Дубровский» замечателен прежде всего широкой картиной помещичьего быта и нравов. «Старинный быт русского дворянства в лице Троекурова изображён с ужасающей верностью», — указывает Белинский. Противопоставляя знатному и богатому Троекурову бедного, но гордого старика Дубровского, Пушкин

раскрывает в романе судьбу той группы родовитого, но обедневшего дворянства, к которой принадлежал сам.

Сатирическими красками в романе изображено «чернильное племя» продажных чиновников-крючкотворцев, ненавистных крепостным крестьянам не меньше, чем Троекуров. Без этих исправников и заседателей, без образа трусливого, равнодушного к нуждам народа кистенёвского попа картина помещичьей провинции начала XIX века была бы неполной.

С бунтарски настроенными крестьянами Пушкин сближает дворянина-бунтаря, разорённого и одинокого Дубровского... Герой романа — исключение в помещичьей среде.

Вопросы и задания

1. Расскажите о творческой истории романа «Дубровский».
2. Прочтите определение жанра романа. Можно ли утверждать, что роман отличается от других эпических жанров только своим объёмом?

ДУБРОВСКИЙ (в сокращении)

Том первый ГЛАВА I

Несколько лет тому назад в одном из своих поместий жил стариный русский барин, Кирила Петрович Троекуров. Его богатство, знатный род и связи давали ему большой вес в губерниях, где находилось его имение. Соседи рады были угодить малейшим его прихотям; губернские чинов-

ники трепетали при его имени; Кирила Петрович принимал знаки подобострастия как надлежащую дань; дом его всегда был полон гостями, готовыми тешить его барскую праздность, разделяя шумные, а иногда и буйные его увеселения. Никто не дерзал отказываться от его приглашения или в известные дни не являться с должным почтением в село Покровское. В домашнем быту Кирила Петрович выказывал все пороки человека необразованного. Избалованный всем, что только окружало его, он привык давать полную волю всем порывам пылкого своего нрава и всем затеям довольно ограниченного ума. Несмотря на необыкновенную силу физических способностей, он раза два в неделю страдал от обжорства и каждый вечер бывал навеселе... С крестьянами и дворовыми обходился он строго и своюенравно, но они тщеславились богатством и славою своего господина и, в свою очередь, позволяли себе многое в отношении к их соседям, надеясь на его сильное покровительство.

Всегдашие занятия Троекурова состояли в разъездах около пристранных его владений, в продолжительных пирах и в проказах, ежедневно притом изобретаемых и жертвою коих бывал обыкновенно какой-нибудь новый знакомец; хотя и старинные приятели не всегда их избегали, за исключением одного Андрея Гавrilовича Дубровского. Сей Дубровский, отставной поручик гвардии, был ему ближайшим соседом и владел семьюдесятью душами. Троекуров, надменный в сношениях с людьми самого высшего звания, уважал Дубровского, несмотря на его смиренное состояние. Некогда были они товарищами по службе, и Троекуров знал по опыту нетерпеливость и решительность его характера. Обстоятельства разлучили их надолго. Дубровский с расстроенным состоянием принуждён был выйти в отставку и поселиться в остальной своей деревне. Кирила Петрович, узнав о том, предлагал ему своё покровительство, но Дубровский благодарил его и остался беден и независим. Спустя несколько лет Троекуров, отставной генерал-аншеф, приехал в своё поместье; они свиделись и обрадовались друг другу. С тех пор они каждый

день бывали вместе, и Кирила Петрович, отроду не удостоивавший никого своим посещением, заезжал запросто в домишко своего старого товарища. Будучи ровесниками, рожденные в одном сословии, воспитанные одинаково, они сходствовали отчасти и в характерах, и в наклонностях. В некоторых отношениях и судьба их была одинакова: оба женились по любви, оба скоро овдовели, у обоих осталось по ребёнку. Сын Дубровского воспитывался в Петербурге, дочь Кирила Петровича росла в глазах родителя, и Троекуров часто говорил Дубровскому: «Слушай, брат, Андрей Гаврилович! коли в твоём Володьке будет путь, так отдашь за него Машу; даром что он гол как сокол». Андрей Гаврилович качал головою и отвечал обыкновенно: «Нет, Кирила Петрович: мой Володька не жених Марии Кириловне. Бедному дворянину, каков он, лучше жениться на бедной дворяночке, да быть главою в доме, чем сделаться приказчиком избалованной бабёнки».

Все завидовали согласию, царствующему между надменным Троекуровым и бедным его соседом, и удивлялись смелости сего последнего, когда он за столом у Кирила Петровича прямо высказывал своё мнение, не заботясь о том, противоречило ли оно мнениям хозяина. Некоторые пытались было ему подражать и выйти из пределов должного повиновения, но Кирила Петрович так их пугнул, что навсегда отбил у них охоту к таковым покушениям, и Дубровский один остался вне общего закона. Нечаянный случай всё расстроил и переменил.

Раз в начале осени Кирила Петрович собирался в отъезд поле. Накануне был отдан приказ псарям и стремянным быть готовыми к пяти часам утра. Палатка и кухня отправлены были вперёд на место, где Кирила Петрович должен был обедать. Хозяин и гости пошли на псарный двор, где более пятисот гончих и борзых жили в довольстве и тепле, прославляя щедрость Кирилы Петровича на своём собачьем языке. Тут же находился и лазaret для больных собак, под присмотром штаб-лекаря Тимошки, и отделение, где благородные суки оценивались и кормили своих щенят. Кирила

1910

Иллюстрации к роману —
художник Б.М. Кустодиев. 1910 г.

Петрович гордился сим прекрасным заведением и никогда не упускал случая похвастаться оным перед своими гостями, из коих каждый осматривал его по крайней мере уже в двадцатый раз. Он расхаживал по псаарне, окружённый своими гостями и сопровождаемый Тимошкой и главными псалями; останавливался пред некоторыми конурами, то расспрашивая о здоровье больных, то делая замечания более или менее строгие и справедливые, то подзывая к себе знакомых собак и ласково с ними разговаривая. Гости почитали обязанностью восхищаться псаарнею Кирила Петровича. Один Дубровский молчал и хмурился. Он был горячий охотник. Его состояние позволяло ему держать только двух гончих и одну свору борзых; он не мог удержаться от некоторой зависти при виде сего великолепного заведения. «Что же ты хмуришься, брат, — спросил его Кирила Петрович, — или псаарня моя тебе не нравится?» — «Нет, — отвечал он сурово, — псаарня чудная, — вряд ли людям вашим житьё такое ж, как вашим собакам». Один из псаарей обиделся. «Мы на своё житьё, — сказал он, — благодаря Бога и барина не жалуемся, а что правда, то правда, иному и дворянину не худо бы променять усадьбу на любую здешнюю конурку. Ему было б и сытнее и теплее». Кирила Петрович

громко засмеялся при дерзком замечании своего холопа, а гости вслед за ним захохотали, хотя и чувствовали, что шутка пса могла отнестися и к ним. Дубровский побледнел и не сказал ни слова. В сие время поднесли в лукошке Кирилу Петровичу новорожденных щенят; он занялся ими, выбрал себе двух, прочих велел утопить. Между тем Андрей Гаврилович скрылся, и никто того не заметил.

Возвратясь с гостями со псарного двора, Кирила Петрович сел ужинать и тогда только, не видя Дубровского,хватился о нём. Люди отвечали, что Андрей Гаврилович уехал домой. Троекуров велел тотчас его догнать и воротить неизменно. Отроду не выезжал он на охоту без Дубровского, опытного и тонкого ценителя псовых достоинств и безошибочного решителя всевозможных охотничьих споров. Слуга, поскакавший за ним, воротился, как ещё сидели за столом, и доложил своему господину, что, дескать, Андрей Гаврилович не послушался и не хотел воротиться. Кирила Петрович, по обыкновению своему разгорячённый наливками, осердился и вторично послал того же слугу сказать Андрею Гавриловичу, что если он тотчас же не приедет ночевать в Покровское, то он, Троекуров, с ним навеки рассорится. Слуга снова поскакал. Кирила Петрович, встав из-за стола, отпустил гостей и отправился спать.

На другой день первый вопрос его был: здесь ли Андрей Гаврилович? Вместо ответа ему подали письмо, сложенное треугольником; Кирила Петрович приказал своему писарю читать его вслух и услышал следующее:

«Государь мой премилостивый,

Я до тех пор не намерен ехать в Покровское, пока не вышлете Вы мне пса Парамошку с повинною; а будет моя воля наказать его или помиловать, а я терпеть шутки от Ваших холопьев не намерен, да и от Вас их нестерплю, потому что я не шут, а старинный дворянин. За сим остаюсь покорным ко услугам

Андрей Дубровский».

По нынешним понятиям об этикете письмо сие было весьма неприличным, но оно рассердило Кирила Петровича не странным слогом и расположением, но только своею сущностью: «Как, — загремел Троекуров, вскочив с постели босой, — высылать к нему моих людей с повинной, он волен их миловать, наказывать! Да что он в самом деле задумал; да знает ли он, с кем связывается? Вот я ж его... Наплачется он у меня, узнает, каково идти на Троекурова!»

Кирила Петрович оделся и выехал на охоту с обыкновенной своею пышностью, но охота не удалась. Во весь день видели одного только зайца и того пропали. Обед в поле под палаткою также не удался, или по крайней мере был не по вкусу Кирилы Петровича, который прибил повара, разбранил гостей и на возвратном пути со всею своей охотою нарочно поехал полями Дубровского.

Прошло несколько дней, и вражда между двумя соседями не унималась. Андрей Гаврилович не возвращался в Покровское, Кирила Петрович без него скучал, и досада его громко изливалась в самых оскорбительных выражениях, которые, благодаря усердию тамошних дворян, доходили до Дубровского исправленные и дополненные. Новое обстоятельство уничтожило и последнюю надежду на примирение.

Дубровский объезжал однажды малое свое владение; приближаясь к берёзовой роще, услышал он удары топора и через минуту треск повалившегося дерева. Он спешил в рощу и наехал на покровских мужиков, спокойно ворующих у него лес. Увидя его, они бросились было бежать. Дубровский со своим кучером поймал из них двоих и привёл их связанных к себе на двор. Три неприятельские лошади достались тут же в добычу победителю. Дубровский был отменно сердит: прежде сего никогда люди Троекурова, известные разбойники, не осмеливались шалить в пределах его владений, зная приятельскую связь его с их господином. Дубровский видел, что теперь пользовались они происшедшим разрывом, и решил, вопреки всем понятиям о праве войны, прокутить своих пленников прутьями, коими запаслись они

в его же роще, а лошадей отдать в работу, приписав к барскому скоту.

Слух о сём происшествии в тот же день дошёл до Кирила Петровича. Он вышел из себя и в первую минуту гнева хотел было со всеми своими дворовыми учинить нападение на Кистенёвку (так называлась деревня его соседа), разорить её дотла и осадить самого помещика в его усадьбе. Таковые подвиги были ему не в диковину. Но мысли его вскоре приняли другое направление.

Расхаживая тяжёлыми шагами взад и вперёд по зале, он взглянул нечаянно в окно и увидел у ворот остановившуюся тройку; маленький человек в кожаном картузне и фризовой шинели вышел из телеги и пошёл во флигель к приказчику; Троекуров узнал заседателя Шабашкина и велел его позвать. Через минуту Шабашкин уже стоял перед Кириллом Петровичем, отвешивая поклон за поклоном и с благоговением ожидая его приказаний.

— Здорово, как бишь тебя зовут, — сказал ему Троекуров, — зачем пожаловал?

— Я ехал в город, ваше превосходительство, — отвечал Шабашкин, — и зашёл к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства.

— Очень кстати заехал, как бишь тебя зовут; мне до тебя нужда. Выпей водки да выслушай.

Таковой ласковый приём приятно изумил заседателя. Он отказался от водки и стал слушать Кирила Петровича со всевозможным вниманием.

— У меня сосед есть, — сказал Троекуров, — мелкопоместный грубиян; я хочу взять у него имение. Как ты про то думаешь?

— Ваше превосходительство, коли есть какие-либо документы или...

— Брёшь, братец, какие тебе документы. На то указы. В том-то и сила, чтобы безо всякого права отнять имение. Постой, однако ж. Это имение принадлежало некогда нам, было куплено у какого-то Спицына и продано потом отцу Дубровского. Нельзя ли к этому придаться?

— Мудрено, ваше высокопревосходительство; вероятно, сия продажа совершена законным порядком.

— Подумай, братец, поищи хорошенъко.

— Если бы, например, ваше превосходительство могли каким ни есть образом достать от вашего соседа запись или купчую, в силу которой владеет он своим имением, то конечно...

— Понимаю, да вот беда — у него все бумаги сгорели во время пожара.

— Как, ваше превосходительство, бумаги его сгорели! чего ж вам лучше? — в таком случае извольте действовать по законам, и без всякого сомнения получите ваше совершенное удовольствие.

— Ты думаешь? Ну, смотри же. Я полагаюсь на твоё усердие, а в благодарности моей можешь быть уверен.

Шабашкин поклонился почти до земли, вышел вон, с того же дня стал хлопотать по замышленному делу, и, благодаря его проворству, ровно через две недели Дубровский получил из города приглашение доставить немедленно надлежащие объяснения насчёт его владения сельцом Кистенёвкою.

Андрей Гаврилович, изумлённый неожиданным запросом, в тот же день написал в ответ довольно грубое отношение, в коем объявлял он, что сельцо Кистенёвка досталось ему по смерти покойного его родителя, что он владеет им по праву наследства, что Троекурову до него дела никакого нет и что всякое постороннее притязание на сию его собственность есть ябда и мошенничество.

Письмо сие произвело весьма приятное впечатление в душе заседателя Шабашкина. Он увидел, во-первых, что Дубровский мало знает толку в дела, во-вторых, что человека столь горячего и неосмотрительного нетрудно будет поставить в самое невыгодное положение. Андрей Гаврилович, рассмотрев хладнокровно запросы заседателя, увидел необходимость отвечать обстоятельнее. Он написал довольно дельную бумагу, но впоследствии времени оказавшуюся недостаточной.

Дело стало тянуться. Уверенный в своей правоте, Андрей Гаврилович мало о нём беспокоился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги, и хоть он, бывало, всегда первый трунил над продажной совестью чернильного племени, но мысль сделаться жертвою ябеды не приходила ему в голову. С своей стороны, Троекуров столь же мало заботился о выигрыше им затянутого дела. Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени, страшая и подкупая судей и толкуя вкрай впрямь всевозможные указы.

Как бы то ни было, 18... года, февраля 9 дня, Дубровский получил через гордовую полицию приглашение явиться к земскому судье для выслушания решения оного по делу спорного имения между им, поручиком Дубровским, и генерал-аншефом Троекуровым, и для подписки своего удовольствия или неудовольствия. В тот же день Дубровский отправился в город; на дороге обогнал его Троекуров. Они гордо взглянули друг на друга, и Дубровский заметил злобную улыбку на лице своего противника.

ГЛАВА II

Приехав в город, Андрей Гаврилович остановился у знакомого купца, ночевал у него и на другой день утром явился в присутствие уездного суда. Никто не обратил на него внимания. Вслед за ним приехал и Кирил Петрович. Писаря встали и заложили перья за ухо. Члены встретили его с изъявлениями глубокого подобострастия, придвинули ему кресла из уважения к его чину, летам и дородности; он сел при открытых дверях. Андрей Гаврилович стоя прислонился к стенке. Настала глубокая тишина, и секретарь звонким голосом стал читать определение суда.

«...Суд и полагает: означенное имение (186 душ), с землёй и угодьями, в каком ныне положении тое окажется, утвердить по представленной на оное купчей за генерал-аншефа Троекурова; о удалении от распоряжения оным гвардии поручика Дубровского и о надлежащем вводе во

владение за него г. Троекурова, и об отказе за него, как дошедшего ему по наследству, предписать земскому суду... Каковое решение напред объявить как истцу, равно и ответчику, на законном основании, апелляционным порядком, коих и вызвать в сей суд для выслушания сего решения и подписки удовольствия или неудовольствия чрез полицию.

Каковое решение подписали все присутствующие того суда».

Секретарь умолкнул, заседатель встал и с низким поклоном обратился к Троекурову, приглашая его подписать предлагаемую бумагу, и торжествующий Троекуров, взяв от него перо, подписал под решением суда совершенное своё удовольствие.

Очередь была за Дубровским. Секретарь поднёс ему бумагу. Но Дубровский стал неподвижен, потупя голову.

Секретарь повторил ему своё приглашение подписать своё полное и совершенное удовольствие или явное неудовольствие, если паче чаяния чувствует по совести, что дело его есть правое, и намерен в положенное законами время просить по апелляции куда следует. Дубровский молчал... Вдруг он поднял голову, глаза его засверкали, он топнул ногою, оттолкнул секретаря с такою силою, что тот упал, и, схватив чернильницу, пустил ею в заседателя. Все пришли в ужас. «Как! не почитать церковь Божию! прочь, хамово племя!» Потом, обратясь к Кирилу Петровичу: «Слыхано дело, ваше превосходительство, — продолжал он, — псари вводят собак в Божию церковь! собаки бегают по церкви. Я вас ужо проучу...» Сторожа сбежались на шум и насилиу им овладели. Его вывели и усадили в сани. Троекуров вышел вслед за ним, сопровождаемый всем судом. Внезапное сумасшествие Дубровского сильно подействовало на его воображение и отравило его торжество.

Судьи, надеявшиеся на его благодарность, не удостоились получить от него ни единого приветливого слова. Он в тот же день отправился в Покровское. Дубровский между тем лежал в постеле; уездный лекарь, по счастию не совершенный невежда, успел пустить ему кровь, при-

ставить пиявки и шпанские мухи. К вечеру ему стало легче, больной пришёл в память. На другой день повезли его в Кистенёвку, почти уже ему не принадлежащую.

ГЛАВА III

Прошло несколько времени, а здоровье бедного Дубровского всё ещё было плохо. Правда, припадки сумасшествия уже не возобновлялись, но силы его приметно ослабевали. Он забывал свои прежние занятия, редко выходил из своей комнаты и задумывался по целым суткам. Егоровна, добрая старуха, некогда ходившая за его сыном, теперь сделалась и его нянькою. Она смотрела за ним, как за ребёнком, напоминала ему о времени пищи и сна, кормила его, укладывала спать. Андрей Гаврилович тихо повиновался ей и, кроме неё, не имел ни с кем сношения. Он был не в состоянии думать о своих делах, хозяйственных распоряжениях, и Егоровна увидела необходимость уведомить обо всём молодого Дубровского, служившего в одном из гвардейских пехотных полков и находившегося в то время в Петербурге. Итак, отодрав лист от расходной книги, она продиктовала повару Харитону, единственному кистенёвскому грамотею, письмо, которое в тот же день и отослала в город на почту.

Но пора читателя познакомить с настоящим героем нашей повести.

Владимир Дубровский воспитывался в кадетском корпусе и выпущен был корнетом в гвардию; отец не щадил ничего для приличного его содержания, и молодой человек получал из дома более, нежели должен был ожидать. Будучи расточителен и честолюбив, он позволял себе роскошные прихоти, играл в карты и входил в долги, не заботясь о будущем и предвидея себе рано или поздно богатую невесту, мечту бедной молодости.

Однажды вечером, когда несколько офицеров сидели у него, развалившись по диванам и куря из его янтарей,

Гриша, его камердинер, подал ему письмо, коего надпись и печать тотчас поразили молодого человека. Он поспешно его распечатал и прочёл следующее:

«Государь ты наш, Владимир Андреевич,— я, твоя старая нянька, решилась тебе доложить о здоровье папенькином. Он очень плох, иногда заговаривается и весь день сидит как дитя глупое, а в животе и смерти Бог волен. Приезжай ты к нам, соколик мой ясный, мы тебе и лошадей вышлем на Песочное. Слышино, земский суд к нам едет отдать нас под начал Кирилу Петровичу Троекурову, потому что мы — дескать, ихние, а мы искони ваши, — и отроду того не слыхивали. Ты бы мог, живя в Петербурге, доложить о том царю-батюшке, а он бы не дал нас в обиду. Остаюсь твоя верная раба, нянька

Орина Егоровна Бузырева.

Посылаю моё материнское благословение Грише, хорошо ли он тебе служит? У нас дожди идут вот ужо друга неделя и пастух Родя помер около Миколина дня».

Владимир Дубровский несколько раз с ряду перечитал сии довольно бестолковые строки с необыкновенным волнением. Он лишился матери с малолетства и, почти не зная отца своего, был привезён в Петербург на восьмом году своего возраста; со всем тем он романтически был к нему привязан и тем более любил семейственную жизнь, чем менее успел насладиться её тихими радостями.

Мысль потерять отца своего тягостно терзала его сердце, а положение бедного больного, которое угадывал он из письма своей няни, ужасало его. Он воображал отца, оставленного в глухой деревне, на руках глупой старухи и дворни, угрожаемого каким-то бедствием и угасающего без помощи в мучениях телесных и душевных. Владимир упрекал себя в преступном небрежении. Долго не получал он от отца никакого известия и не подумал о нём осведомиться, полагая его в разъездах или хозяйственных заботах.

Он решился к нему ехать и даже выйти в отставку, если болезненное состояние отца потребует его присутствия. Товарищи, заметя его беспокойство, ушли. Владимир, оставшись один, написал просьбу об отпуске, закурил трубку и погрузился в глубокие размышления.

Тот же день стал он хлопотать об отпуске и через три дня был уж на большой дороге.

Владимир Андреевич приближался к той станции, с которой должен он был своротить на Кистенёвку. Сердце его исполнено было печальных предчувствий, он боялся уже не застать отца в живых, он воображал грустный образ жизни, ожидающий его в деревне: глушь, безлюдье, бедность и хлопоты по делам, в коих он не знал никакого толку. Приехав на станцию, он вошёл к смотрителю и спросил вольных лошадей. Смотритель осведомился, куда надобно было ему ехать, и объявил, что лошади, присланные из Кистенёвки, ожидали его уже четвёртые сутки. Вскоре явился к Владимиру Андреевичу старый кучер Антон, некогда водивший его по конюшне и смотревший за его маленькой лошадкою. Антон прослезился, увидя его, поклонился ему до земли, сказал ему, что старый его батюшка ещё жив, и побежал запрягать лошадей. Владимир Андреевич отказался от предлагаемого завтрака и спешил отправиться. Антон повёз его просёлочными дорогами, и между ними завязался разговор.

— Скажи, пожалуйста, Антон, какое дело у отца моего с Троекуровым?

— А Бог их ведает, батюшка Владимир Андреевич... Барин, слыши, не поладил с Кирилой Петровичем, а тот и подал в суд, хотя почасту он сам себе судия. Не наше хлопье дело разбирать барские воли, а ей-богу, напрасно батюшка ваш пошёл на Кирила Петровича, плетью обуха не перешибёшь.

— Так, видно, этот Кирила Петрович у вас делает что хочет?

— И вестимо, барин: заседателя, слыши, он и в грош не ставит, исправник у него на посылках, господа съезжают-

ся к нему на поклон, и то сказать, было бы корыто, а свиньи-то будут.

— Правда ли, что отымает он у нас имение?

— Ох, барин, слышали так и мы. На днях покровский пономарь сказал на крестинах у нашего старосты: полно вам гулять; вот ужо приберёт вас к рукам Кирила Петрович. Микитка-кузнец и сказал ему: и, полно, Савельич, не печаль кума, не мути гостей. Кирила Петрович сам по себе, а Андрей Гаврилович сам по себе, а все мы Божии да государевы; да ведь на чужой рот пуговицы не нашьёшь.

— Стало быть, вы не желаете перейти во владение Троекурову?

— Во владение Кирилу Петровичу! Господь упаси и избави: у него там и своим плохо приходится, а достанутся чужие, так он с них не только шкурку, да и мясо-то отдерёт. Нет, дай Бог долго здравствовать Андрею Гавриловичу, а коли уж Бог его приберёт, так не надо нам никого, кроме тебя, наш кормилец. Не выдавай ты нас, а мы уж за тебя станем. — При сих словах Антон размахнул кнутом, тряхнул вожжами, и лошади его побежали крупной рысью.

Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался снова размышлениям. Прошло более часа, вдруг Гриша пробудил его восклицанием: «Вот Покровское!» Дубровский поднял голову. Он ехал берегом широкого озера, из которого вытекала речка и вдали извивалась между холмами; на одном из них над густою зеленью рощи возвышалась зелёная кровля и бельведер огромного каменного дома, на другом пятиглавая церковь и старинная колокольня; около разбросаны были деревенские избы с их огородами и колодезями. Дубровский узнал сии места; он вспомнил, что на сём самом холму играл он с маленькой Машей Троекуровой, которая была двумя годами его моложе и тогда уже обещала быть красавицей. Он хотел об ней осведомиться у Антона, но какая-то застенчивость удержала его.

Подъехав к господскому дому, он увидел белое платье, мелькающее между деревьями сада. В это время Антон ударили по лошадям и, повинуясь честолюбию, общему и деревенским кучерам, как и извозчикам, пустился во весь дух через мост и мимо села. Выехав из деревни, поднялись они на гору, и Владимир увидел берёзовую рощу и влево на открытом месте серенький домик с красной кровлею; сердце в нём забилось. Перед собою видел он Кистенёвку и бедный дом своего отца.

Через десять минут въехал он на барский двор. Он смотрел вокруг себя с волнением неописанным. Двенадцать лет не видал он своей родины. Берёзки, которые при нём только что были посажены около забора, выросли и стали теперь высокими ветвистыми деревьями. Двор, некогда украшенный тремя правильными цветниками, меж коими шла широкая дорога, тщательно выметаемая, обращён был в некошеный луг, на котором паслась опутанная лошадь. Собаки было залаяли, но, узнав Антона, умолкли и замахали косматыми хвостами. Дворня высыпала из людских изоб и окружила молодого барина с шумными изъявлениями радости. Насилу мог он пробраться сквозь их усердную толпу и взбежал на ветхое крыльце; в сенях встретила его Егоровна и с плачем обняла своего воспитанника. «Здорово, здорово, няня, — повторял он, прижимая к сердцу добрую старуху, — что батюшка, где он? каков он?»

В эту минуту в залу вошел, насилу передвигая ноги, старик высокого роста, бледный и худой, в халате и колпаке.

— Здравствуй, Володька! — сказал он слабым голосом, и Владимир с жаром обнял отца своего. Радость произвела в больном слишком сильное потрясение, он ослабел, ноги под ним подкосились, и он бы упал, если бы сын не поддержал его.

— Зачем ты встал с постели, — говорила ему Егоровна, — на ногах не стоишь, а туда же норовишь, куда и люди.

Старика отнесли в спальню. Он силился с ним разговаривать, но мысли мешались в его голове, и слова не

имели никакой связи. Он замолчал и впал в усыпление. Владимир поражён был его состоянием. Он расположился в его спальне и просил оставить его наедине с отцом. Домашние повиновались, и тогда все обратились к Грише и повели в людскую, где и угостили его по-деревенски, со всевозможным радушием, измучив его вопросами и приветствиями.

ГЛАВА IV

Где стол был яств, там гроб стоит.

Из оды Г. Державина

«На смерть князя Мещерского»

Несколько дней спустя после своего приезда молодой Дубровский хотел заняться делами, но отец его был не в состоянии дать ему нужные объяснения; у Андрея Гавриловича не было поверенного. Разбирая его бумаги, нашёл он только первое письмо заседателя и черновой ответ на оное, из того не мог он получить ясное понятие о тяжбе и решился ожидать последствий, надеясь на правоту самого дела.

Между тем здоровье Андрея Гавриловича час от часу становилось хуже. Владимир предвидел его скорое разрушение и не отходил от старика, впадшего в совершенное детство.

Между тем положенный срок прошёл, и апелляция не была подана. Кистенёвка принадлежала Троекурову. Шабашкин явился к нему с поклонами и поздравлениями и просьбою назначить, когда угодно будет его высокопревосходительству вступить во владение новоприобретённым имением — самому или кому изволит он дать на то доверенность. Кирила Петрович смущился. От природы не был он корыстолюбив, желание мести завлекло его слишком далеко, совесть его роптала. Он знал, в каком состоянии находился его противник, старый товарищ его молодости, и победа не радовала его сердца.

Он грозно взглянул на Шабашкина, ища к чему привязаться, чтобы его выбранить, но не нашед достаточного к тому предлога, сказал ему сердито: «Пошёл вон, не до тебя».

Шабашкин, видя, что он не в духе, поклонился и спешил удалиться. А Кирила Петрович, оставшись наедине, стал расхаживать взад и вперёд, насвистывая: «Гром победы раздавайся», что всегда означало в нём необыкновенное волнение мыслей.

Наконец он велел запрячь себе беговые дрожки, оделся потеплее (это было уже в конце сентября) и, сам правя, выехал со двора.

Вскоре завидел он домик Андрея Гавриловича, и противоположные чувства наполнили душу его. Удовлетворённое мщение и властолюбие заглушали до некоторой степени чувства более благородные, но последние наконец восторжествовали. Он решился помириться с старым своим соседом, уничтожить и следы ссоры, возвратив ему его достояние. Облегчив душу сим благим намерением, Кирила Петрович пустился рысью к усадьбе своего соседа и въехал прямо на двор.

В это время больной сидел в спальней у окна. Он узнал Кирила Петровича, и ужасное смятение изобразилось на лице его: багровый румянец заступил место обыкновенной бледности, глаза засверкали, он произносил невнятные звуки. Сын его, сидевший тут же за хозяйственными книгами, поднял голову и поражён был его состоянием. Больной указывал пальцем на двор с видом ужаса и гнева. Он торопливо подбирал полы своего халата, собираясь встать с кресел, приподнялся... и вдруг упал. Сын бросился к нему, стариk лежал без чувств и без дыхания, паралич его ударили. «Скорей, скорей в город за лекарем!» — кричал Владимир. «Кирила Петрович спрашивает вас», — сказал вошедший слуга. Владимир бросил на него ужасный взгляд.

— Скажи Кирилу Петровичу, что он скорее убирался, пока я не велел его выгнать со двора... пошёл!

Слуга радостно побежал исполнить приказание своего барина; Егоровна всплеснула руками. «Батюшка ты

наш, — сказала она пискливым голосом, — погубишь ты свою головушку! Кирила Петрович съест нас». — «Молчи, няня, — сказал с сердцем Владимир, — сейчас пошли Антона в город за лекарем». Егоровна вышла.

В передней никого не было, все люди сбежались во двор смотреть на Кирилу Петровича. Она вышла на крыльце и услышала ответ слуги, доносящего от имени молодого барина. Кирила Петрович выслушал его сидя на дрожках. Лицо его стало мрачнее ночи, он с презрением улыбнулся, грозно взглянул на дворню и поехал шагом около двора. Он взглянул и в окошко, где за минуту перед сим сидел Андрей Гаврилович, но где уж его не было. Няня стояла на крыльце, забыв о приказании барина. Дворня с шумом толковала о сём происшествии. Вдруг Владимир явился между людьми и отрывисто сказал: «Не надобно лекаря, батюшка скончался».

Сделалось смятение. Люди бросились в комнату старого барина. Он лежал в креслах, на которые перенёс его Владимир; правая рука его висела до полу, голова опущена была на грудь, не было уж и признака жизни в сём теле, ещё не охладелом, но уже обезображенном кончиною. Егоровна взвыла, слуги окружили труп, оставленный на их попечение, вымыли его, одели в мундир, сшитый ещё в 1797 году, и положили на тот самый стол, за которым столько лет они служили своему господину.

ГЛАВА V

Похороны совершились на третий день. Тело бедного старика лежало на столе, покрытое саваном и окружённое свечами. Столовая полна была дворовых. Готовились к выносу. Владимир и трое слуг подняли гроб. Священник пошёл вперёд, дьячок сопровождал его, воспевая погребальные молитвы. Хозяин Кистенёвки в последний раз перешёл за порог своего дома. Гроб понесли роцею. Церковь находилась за нею. День был ясный и холодный. Осенние листья падали с дерев.

При выходе из рощи увидали кистенёвскую деревенскую церковь и кладбище, осенённое старыми липами. Там покоилось тело Владимиrowой матери, там подле могилы её накануне вырыта была свежая яма.

Церковь полна была кистенёвскими крестьянами, пришедшими отдать последнее поклонение господину своему. Молодой Дубровский стал у клироса; он не плакал и не молился, но лицо его было страшно. Печальный обряд кончился. Владимир первый пошёл прощаться с телом, за ним и все дворовые. Принесли крышку и заколотили гроб. Бабы громко выли; мужики изредка утирали слёзы кулаком. Владимир и тех же троє слуг понесли его на кладбище в сопровождении всей деревни. Гроб опустили в могилу, все присутствующие бросили в неё по горсти песку, яму засыпали, поклонились ей и разошлись. Владимир поспешно удалился, всех опередил и скрылся в Кистенёвскую рощу.

Егоровна от имени его пригласила попа и весь причет церковный на похоронный обед, объявив, что молодой барин не намерен на оном присутствовать, и таким образом отец Антон, попадья Федотовна и дьячок пешком отправились на барский двор, рассуждая с Егоровой о добродетелях покойника и о том, что, по-видимому, ожидало его наследника. Приезд Троекурова и приём, ему оказанный, были уже известны всему околотку, и тамошние политики предвещали важные ономасту последствия.

— Что будет, то будет, — сказала попадья, — а жаль, если не Владимир Андреевич будет нашим господином. Молодец, нечего сказать.

— А кому же, как не ему, и быть у нас господином, — прервала Егоровна. — Напрасно Кирила Петрович горячится. Не на робкого напал: мой соколик и сам за себя постоит, да и, Бог даст, благодетели его не оставят. Больно спесив Кирила Петрович! а небось поджал хвост, когда Гришка мой закричал ему: «Вон, старый пес! долой со двора!!»

— Ахти, Егоровна, — сказал дьячок, — да как у Григоря-то язык повернулся; я скорее соглашусь, кажется, лаять на владыку, чем косо взглянуть на Кирила Петровича. Как увидишь его, страх и трепет и клонят ниц, а спина-то сама так и гнётся, так и гнётся...

— Суeta сует, — сказал священник, — и Кирилу Петровичу отпойт вечную память, как ныне и Андрею Гавриловичу, разве похороны будут побогаче да гостей созовут побольше, а Богу не всё ли равно!

— Ах, батька! и мы хотели зазвать весь околоток, да Владимир Андреевич не захотел. Небось у нас всего довольно, есть чем угостить, да что прикажешь делать. По крайней мере, коли нет людей, так уж хоть вас употребчу, дорогие гости наши.

Сие ласковое обещание и надежда найти лакомый пирог ускорили шаги собеседников, и они благополучно прибыли в барский дом, где стол был уже накрыт и водка подана.

Между тем Владимир углублялся в чащу дерев, движением и усталостью стараясь заглушать душевную скорбь. Он шёл не разбиная дороги; сущая поминутно заставали и царапали его; ноги его поминутно вязли в болоте, он ничего не замечал. Наконец достигнул он маленькой лощины, со всех сторон окружённой лесом; ручеёк извивался молча около деревьев, полуобнажённых осенью. Владимир остановился, сел на холодный дёрн, и мысли одна другой мрачнее теснились в душе его. Сильно чувствовал он своё одиночество. Будущее для него являлось покрытым грозными тучами. Вражда с Троекуровым предвещала ему новые несчастия. Бедное его достояние могло отойти от него в чужие руки; в таком случае нищета ожидала его. Долго сидел он неподвижно на том же месте, взирая на тихое течение ручья, уносящего несколько поблёклых листьев и живо представлявшего ему верное подобие жизни — подобие столь обыкновенное. Наконец заметил он, что начало смеркаться; он встал и пошёл искаль дороги домой, но ещё долго блуждал по незнакомому

лесу, пока не попал на тропинку, которая и привела его прямо к воротам его дома.

Навстречу Дубровскому попался поп со всем причетом. Мысль о несчастливом предзнаменовании пришла ему в голову. Он невольно пошёл стороною и скрылся за деревом. Они его не заметили и с жаром говорили между собою, проходя мимо его.

— Удались от зла и сотвори благо, — говорил поп попадье, — нечего нам здесь оставаться. Не твоя беда, чем бы дело ни кончилось. — Попадья что-то отвечала, но Владимир не мог её расслышать.

Приближаясь, увидел он множество народа; крестьяне и дворовые люди толпились на барском дворе. Издали услышал Владимир необыкновенный шум и говор. У сарай стояли две тройки. На крыльце несколько незнакомых людей в мундирных сертуках, казалось, о чём-то толковали.

— Что это значит? — спросил он сердито у Антона, который бежал ему навстречу. — Это кто такие и что им надобно?

— Ах, батюшка Владимир Андреевич, — отвечал ста-рик задыхаясь. — Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина. «Отец ты наш, — кричали они, целуя ему руки, — не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, государь, с судом мы управимся. Умрём, а не выдадим». Владимир смотрел на них, и странные чувства волновали его. «Стойте смирино, — сказал он им, — а я с приказными переговорю». — «Переговори, батюшка! — закричали ему из толпы. — Да усовести оказанных».

Владимир подошёл к чиновникам. Шабашкин, с картузом на голове, стоял подбочась и гордо взирал около себя... Исправник, высокий и толстый мужчина лет пятидесяти с красным лицом и в усах, увидя приближающегося Дубровского, крякнул и произнёс охриплым голосом: «Итак, я вам повторяю то, что уже сказал: по решению уездного су-

да отныне принадлежите вы Кирилу Петровичу Троекуро-
ву, коего лицо представляет здесь г. Шабашкин. Слушай-
тесь его во всём, что ни прикажет...» Владимир кипел от
негодования. «Позвольте узнать, что это значит?» — спро-
сил он с притворным хладнокровием у весёлого исправни-
ка. «А это то значит, — отвечал замысловатый чиновник, —
что мы приехали вводить во владение сего Кирилу Петро-
вича Троекурова и просить *иных прочих* убираться подоб-
ру-поздорову». — «Но вы могли бы, кажется, отнести ко
мне, прежде чем к моим крестьянам, и объявить помещи-
ку отрешение от власти...» — «А ты кто такой? — сказал
Шабашкин с дерзким взором. — Бывший помещик Андре-
й Гаврилов, сын Дубровский волею Божией помре, мы
vas не знаем, да и знать не хотим».

— Владимир Андреевич наш молодой барин, — сказал
голос из толпы.

— Кто там смел рот разинуть, — сказал грозно ис-
правник, — какой барин, какой Владимир Андреевич?
барин ваш Кирила Петрович Троекуров, слышите ли,
олухи.

— Как не так, — сказал тот же голос.

— Да это бунт! — закричал исправник. — Гей, староста,
сюда!

Староста выступил вперёд.

— Отыщи сей же час, кто смел со мною разговаривать,
я его!

Староста обратился к толпе, спрашивая, кто говорил,
но все молчали; вскоре в задних рядах поднялся ропот,
стал усиливаться и в одну минуту превратился в ужас-
нейшие вопли. Исправник понизил голос и хотел было их
уговоривать... «Да что на него смотреть, — закричали дво-
ровые, — ребята! долой их!» — и вся толпа двинулась. Ша-
башкин и другие члены поспешно бросились в сени и за-
перли за собой дверь.

«Ребята, вязать!» — закричал тот же голос, — и толпа
стала напирать... «Стойте! — крикнул Дубровский. — Ду-
раки! что вы это? вы губите и себя и меня. Ступайте по

дворам и оставьте меня в покое. Не бойтесь, государь милостив, я буду просить его. Он нас не обидит. Мы все его дети. А как ему за вас будет заступиться, если вы станете бунтовать и разбойничать».

Речь молодого Дубровского, его звучный голос и величественный вид произвели желаемое действие. Народ утих, разошёлся; двор опустел. Члены сидели в сенях. Наконец Шабашкин тихонько отпер двери, вышел на крыльцо и с униженными поклонами стал благодарить Дубровского за его милостивое заступление. Владимир слушал его с презрением и ничего не отвечал. «Мы решили, — продолжал заседатель, — с вашего дозволения остаться здесь ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас на дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чём свет, мы отправимся восьмояси».

— Делайте, что хотите, — отвечал им сухо Дубровский, — я здесь уже не хозяин. — С этим словом он удалился в комнату отца и запер за собою дверь.

ГЛАВА VI

«Итак, всё кончено, — сказал он сам себе, — ещё утром имел я угол и кусок хлеба. Завтра должен я буду оставить дом, где я родился и где умер мой отец, виновнику его смерти и моей нищеты». И глаза его неподвижно остановились на портрете его матери. Живописец представил её облокоченною на перила, в белом утреннем платье с алой розою в волосах. «И портрет этот достанется врагу моего семейства, — подумал Владимир, — он заброшен будет в кладовую вместе с изломанными стульями или повешен в передней, предметом насмешек и замечаний его псарей, а в её спальней, в комнате, где умер отец, поселится его приказчик или поселится его гарем. Нет, нет! пускай же и ему не достанется печальный дом, из которого он выгоняет меня». Владимир стиснул зубы, страшные мысли рождались в уме его. Голоса подъячих доходили до него, они хозяйничали, требо-

вали то того, то другого и неприятно развлекали его среди печальных его размышлений. Наконец всё утихло.

Владимир отпер комоды и ящики, занялся разбором бумаг покойного. Они большою частию состояли из хозяйственных счетов и переписки по разным делам. Владимир разорвал их, не читая. Между ими попался ему пакет с надписью: письма моей жены. С сильным движением чувства Владимир принял за них: они писаны были во время турецкого похода и были адресованы в армию из Кистенёвки. Она описывала ему свою пустынную жизнь, хозяйственные занятия, с нежностию сетовала на разлуку и призывала его домой, в объятия доброй подруги; в одном из них она изъявляла ему своё беспокойство насчёт здоровья маленького Владимира; в другом она радовалась его ранним способностям и предвидела для него счастливую и блестящую будущность. Владимир зачитался и позабыл всё на свете, погрузясь душою в мир семейственного счастья, и не заметил, как прошло время. Стенные часы пробили одиннадцать. Владимир положил письма в карман, взял свечу и вышел из кабинета. В зале приказные спали на полу. На столе стояли стаканы, ими опорожнённые, и сильный дух рома слышался по всей комнате. Владимир с отвращением прошёл мимо их в переднюю — двери были заперты. Не нашед ключа, Владимир возвратился в залу, — ключ лежал на столе, Владимир отворил дверь и наступил на человека, прижавшегося в угол; топор блестел у него, и, обратясь к нему со свечою, Владимир узнал Архипа-кузнеца. «Зачем ты здесь?» — спросил он. «Ах, Владимир Андреевич, это вы, — отвечал Архип пошепту, — Господь помилуй и спаси! хорошо, что вы шли со свечою!» Владимир глядел на него с изумлением. «Что ты здесь притаился?» — спросил он кузнеца.

— Я хотел... я пришёл... было проведать, все ли дома, — тихо отвечал Архип запинаясь.

— А зачем с тобою топор?

— Топор-то зачем? Да как же без топора иначе ходить. Эти приказные такие, вишь, озорники — того и гляди...

— Ты пьян, брось топор, поди выспись.

— Я пьян? Батюшка Владимир Андреевич, Бог свидетель, ни единой капли во рту не было... да и пойдёт ли вино на ум, слыхано ли дело, подъячиę задумали нами владеть, подъячие гонят наших господ с барского двора... Эк они храпят, окаянные; всех бы разом, так и концы в воду.

Дубровский нахмурился. «Послушай, Архип, — сказал он, немного помолчав, — не дело ты затеял. Не приказные виноваты. Засвети-ка фонарь ты, ступай за мною».

Архип взял свечку из рук барина, отыскал за печкою фонарь, засветил его, и оба тихо сошли с крыльца и пошли около двора. Сторож начал бить в чугунную доску; собаки залаяли. «Кто сторожа?» — спросил Дубровский. «Мы, батюшка, — отвечал тонкий голос, — Василиса да Лукерья». — «Подите по дворам, — сказал им Дубровский, — вас не нужно». — «Шабаш», — промолвил Архип. «Спасибо, кормилец», — отвечали бабы и тотчас отправились домой.

Дубровский пошёл далее. Два человека приблизились к нему; они его окликали. Дубровский узнал голос Антона и Гриши. «Зачем вы не спите?» — спросил он их. «До сна ли нам, — отвечал Антон. — До чего мы дожили, кто бы подумал...»

— Тише! — прервал Дубровский, — где Егоровна?

— В барском доме, в своей светёлке, — отвечал Гриша.

— Поди приведи её сюда да выведи из дома всех наших людей, чтоб ни одной души в нём не оставалось, кроме приказных, а ты, Антон, запряги телегу.

Гриша ушёл и через минуту явился с своей матерью. Старуха не раздевалась в эту ночь; кроме приказных, никто в доме не смыкал глаза.

— Все ли здесь? — спросил Дубровский, — не осталось ли никого в доме?

— Никого, кроме подъячих, — отвечал Гриша.

— Давайте сюда сена или соломы, — сказал Дубровский.

Люди побежали в конюшню и возвратились, неся в охапках сено.

— Подложите под крыльцо. Вот так. Ну, ребята, огню!

Архип открыл фонарь, Дубровский зажёг лучину.

— Постой, — сказал он Архипу, — кажется, второпях я запер двери в переднюю, поди скорей отопри их.

Архип побежал в сени — двери были отперты. Архип запер их на ключ, примолвя вполголоса: «Как не так, отопри!» — и возвратился к Дубровскому.

Дубровский приблизил лучину, сено вспыхнуло, пламя взвилось и осветило весь двор.

— Ахти, — жалобно закричала Егоровна, — Владимир Андреевич, что ты делаешь?

— Молчи, — сказал Дубровский. — Ну, дети, прощайте, иду куда Бог поведёт; будьте счастливы с новым вашим господином.

— Отец наш, кормилец, — отвечали люди, — умрём, не оставим тебя, идём с тобою.

Лошади были поданы; Дубровский сел с Гришею в телегу и назначил им местом свидания Кистенёвскую рощу. Антон ударил по лошадям, и они выехали со двора.

Поднялся ветер. В одну минуту пламя обхватило весь дом. Красный дым вился над кровлею. Стёкла затрещали, сыпались, пылающие брёвна стали падать, раздался жалобный вопль и крики: «Горим, помогите, помогите!». — «Как не так», — сказал Архип, с злобной улыбкой взирающий на пожар. «Архипушка, — говорила ему Егоровна, — спаси их, окаянных, Бог тебя наградит».

— Как не так, — отвечал кузнец.

В сию минуту приказные показались в окнах, стараясь выломать двойные рамы. Но тут кровля с треском рухнула, и вопли утихли.

Вскоре вся дворня высыпала на двор. Бабы с криком спешили спасти свою рухлясть, ребятишки прыгали, любясь на пожар. Искры полетели огненной метелью, избы загорелись.

— Теперь всё ладно, — сказал Архип, — каково горит, а? чай, из Покровского славно смотреть.

В сию минуту новое явление привлекло его внимание; кошка бегала по кровле пылающего сарая, недоумевая, куда спрыгнуть; со всех сторон окружало её пламя. Бедное животное жалким мяуканием призывало на помощь. Мальчишки помирали со смеху, смотря на её отчаяние. «Чему смеётесь, бесенята? — сказал им сердито кузнец. — Бога вы не боитесь: Божия тварь погибает, а вы сдуру радуетесь», — и, поставя лестницу на загоревшуюся кровлю, он полез за кошкою. Она поняла его намерение и с видом торопливой благодарности уцепилась за его рукав. Полубородый кузнец с своей добычей полез вниз. «Ну, ребята, прощайте, — сказал он сумённой дворне, — мне здесь делать нечего. Счастливо, не поминайте меня лихом».

Кузнец ушёл; пожар свирепствовал ещё несколько времени. Наконец унялся, и груды углей без пламени ярко горели в темноте ночи, а около них бродили погорелые жители Кистенёвки.

ГЛАВА VII

На другой день весть о пожаре разнеслась до всему околотку. Все толковали о нём с различными догадками и предположениями. Иные уверяли, что люди Дубровского, напившись пьяны на похоронах, зажгли дом из неосторожности, другие обвиняли приказных, подгулявших на новоселии, многие уверяли, что он сам сгорел с земским судом и со всеми дворовыми. Некоторые догадывались об истине и утверждали, что виновником сего ужасного бедствия был сам Дубровский, движимый злобой и отчаянием. Троекуров приезжал на другой же день на место пожара и сам производил следствие. Оказалось, что исправник, заседатель земского суда, стряпчий и писарь, так же как Владимир Дубровский, няня Егоровна, дворовый человек Григорий, кучер Антон и кузнец Архип пропали неизвестно куда. Все дворовые показали, что приказные сгорели в то время, как повалилась кровля; обгорелые кости их были открыты. Баба Василиса и Лукерья сказали, что Дубровского и Архипа-кузнеца видели они за несколько минут перед пожаром. Кузнец Архип, по всеобщему показанию, был жив и, вероятно, главный, если не единственный, виновник пожара. На Дубровском лежали сильные подозрения. Кирила Петрович послал губернатору подробное описание всему происшествию, и новое дело завязалось.

Вскоре другие вести дали другую пищу любопытству и толкам. В ** появились разбойники и распространяли ужас по всем окрестностям. Меры, принятые противу них правительством, оказались недостаточными. Грабительства, одно другого замечательнее, следовали одно за другим. Не было безопасности ни по дорогам, ни по деревням. Несколько троек, наполненных разбойниками, разъезжали днём по всей губернии, останавливали путешественников и почту, приезжали в сёла, грабили поместья дома и предавали их огню. Начальник шайки славился умом, отважностью и каким-то великодушием.

Рассказывали о нём чудеса; имя Дубровского было во всех устах, все были уверены, что он, а не кто другой, предводительствовал отважными злодеями. Удивлялись одному: поместия Троекурова были пощажены; разбойники не ограбили у него ни единого саира, не остановили ни одного воза. С обыкновенной своей надменностию Троекуров приписывал сие исключение страху, который умел он внушить всей губернии, также и отменно хорошей полиции, им заведённой в его деревнях. Сначала соседи смеялись между собою над высокомерием Троекурова и каждый день ожидали, чтоб незваные гости посетили Покровское, где было им чем поживиться, но наконец принуждены были с ним согласиться и сознаться, что и разбойники оказывали ему непонятное уважение... Троекуров торжествовал и при каждой вести о новом грабительстве Дубровского рассыпался в насмешках насчёт губернатора, исправников и ротных командиров, от коих Дубровский уходил всегда невредимо.

Между тем наступило 1-е октября — день храмового праздника в селе Троекурова. Но прежде чем приступим к описанию сего торжества и дальнейших происшествий, мы должны познакомить читателя с лицами для него новыми, или о коих мы слегка только упомянули в начале нашей повести.

ГЛАВА VIII

...Кирила Петрович выписал из Москвы для своего маленького Саши француза-учителя, который и прибыл в Покровское во время происшествий, нами теперь описываемых.

Сей учитель понравился Кирилу Петровичу своей приятной наружностью и простым обращением. Он представил Кирилу Петровичу свои аттестаты и письмо от одного из родственников Троекурова, у которого четыре года жил он гувернёром. Кирила Петрович всё это пересмотрел

и был недоволен одною молодостью своего француза, — не потому, что полагал бы сей любезный недостаток несовместным с терпением и опытностию, столь нужным и в несчастном звании учителя, но у него были свои сомнения, которые тотчас и решился ему объяснить. Для сего велел он позвать к себе Машу (Кирила Петрович по-французски не говорил, и она служила ему переводчиком).

— Подойди сюда, Маша; скажи ты этому мусье, что так и быть, принимаю его; только с тем, чтоб он у меня за моими девушками не осмелился волочиться, не то я его, собачьего сына... переведи это ему, Маша.

Маша покраснела и, обратясь к учителю, сказала ему по-французски, что отец её надеется на его скромность и порядочное поведение.

Француз ей поклонился и отвечал, что надеется заслужить уважение, даже если откажут ему в благосклонности.

Маша слово в слово перевела его ответ.

— Хорошо, хорошо, — сказал Кирила Петрович, — не нужно для него ни благосклонности, ни уважения. Дело его ходить за Сашей и учить грамматике да географии, переведи это ему.

Марья Кириловна смягчила в своём переводе грубые выражения отца, и Кирила Петрович отпустил своего француза во флигель, где назначена была ему комната.

Маша не обратила никакого внимания на молодого француза, воспитанная в аристократических предрассудках, учитель был для неё род слуги иль мастерового, а слуга иль мастеровой не казался ей мужчиною. Она не заметила и впечатления, ею произведённого на т-г Дефоржа, ни его смущения, ни его трепета, ни изменившегося голоса. Несколько дней сряду потом она встречала его довольно часто, не удостоивая большей внимательности. Неожиданным образом получила она о нём совершенно новое понятие.

На дворе у Кирила Петровича воспитывались обыкновенно несколько медвежат и составляли одну из главных забав покровского помещика. В первой своей молодости медвежата приводимы были ежедневно в гостиную, где

Кирила Петрович по целым часам возился с ними, стравливая их с кошками и щенятами. Возмужав, они бывали посажены на цепь, в ожидании настоящей травли. Изредка выводили пред окна барского дома и подкатывали им порожнюю винную бочку, утыканную гвоздями; медведь обнюхивал её, потом тихонько до неё дотрогивался, колол себе лапы, осердясь толкал её сильнее, и сильнее становилась боль. Он входил в совершенное бешенство, с рёвом бросался на бочку, покамест не отымали у бедного зверя предмета тщетной его ярости. Случалось, что в телегу впрягали пару медведей, волею и неволею сажали в неё гостей и пускали их скакать на волю Божию. Но лучшею шуткою почиталась у Кирила Петровича следующая.

Проголодавшегося медведя запрут, бывало, в пустой комнате, привязав его верёвкою за кольцо, ввинченное в стену. Верёвка была длиною почти во всю комнату, так что один только противоположный угол мог быть безопасным от нападения страшного зверя. Приводили обыкновенно новичка к дверям этой комнаты, нечаянно вталкивали его к медведю, двери запирались, и несчастную жертву оставляли наедине с косматым пустынником. Бедный гость, с оборванной полою и до крови оцарапанный, скоро отыскивал безопасный угол, но принуждён был иногда целых три часа стоять, прижавшись к стене, и видеть, как разъярённый зверь в двух шагах от него ревел, прыгал, становился на дыбы, рвался и силился до него дотянуться. Таковы были благородные увеселения русского барина! Несколько дней спустя после приезда учителя Троекуров вспомнил о нём и вознамерился угостить его в медвежьей комнате: для сего, призвав его однажды утром, повёл он его с собою тёмными коридорами; вдруг боковая дверь отворилась, двое слуг вталкивают в неё француза и запирают её на ключ. Опомнившись, учитель увидел привязанного медведя, зверь начал фыркать, издали обнюхивая своего гостя, и вдруг, поднявшись на задние лапы, пошёл на него... Француз не смутился, не побежал и ждал нападения. Медведь приближался, Дефорж вынул из кармана

маленький пистолет, вложил его в ухо голодному зверю и выстрелил. Медведь повалился. Все сбежались, двери отворились. Кирила Петрович вошёл, изумлённый развязкою своей шутки. Кирила Петрович хотел непременно объяснения всему делу: кто предварил Дефоржа о шутке, для него предуготовленной, или зачем у него в кармане был заряженный пистолет. Он послал за Машей. Маша прибежала и перевела французу вопросы отца.

— Я не слыхивал о медведе, — отвечал Дефорж, — но я всегда ношу при себе пистолеты, потому что не намерен терпеть обиду, за которую, по моему званью, не могу требовать удовлетворения.

Маша смотрела на него с изумлением и перевела слова его Кирилу Петровичу. Кирила Петрович ничего не отвечал, велел вытащить медведя и снять с него шкуру; по-

том, обратясь к своим людям, сказал: «Каков молодец! не струсил, ей-богу, не струсил». С той минуты он Дефоржа полюбил и не думал уж его пробовать.

Но случай сей произвёл ещё большее впечатление на Марью Кириловну. Воображение её было поражено: она видела мёртвого медведя и Дефоржа, спокойно стоящего над ним и спокойно с нею разговаривающего. Она увидела, что храбрость и гордое самолюбие не исключительно при- надлежат одному сословию, и с тех пор стала оказывать молодому учителю уважение, которое час от часу станови- лось внимательнее. Между ними основались некоторые сношения. Маша имела прекрасный голос и большие му- зыкальные способности; Дефорж вызвался давать ей уро- ки. После того читателю уже нетрудно догадаться, что Ма- ша в него влюбилась, сама ещё в том себе не признаваясь.

Том второй

ГЛАВА IX

Накануне праздника гости начали съезжаться, иные останавливались в господском¹ доме и во флигелях, дру- гие у приказчика, третья у священника, четвёртые у зажи- точных крестьян. Конюшни полны были дорожных лоша- дей, дворы и сараи загромождены разными экипажами. В девять часов утра заблаговестили к обедне, и всё потяну- лось к новой каменной церкви, построенной Кирилом Пет- ровичем и ежегодно украшаемой его приношениями. Собра- лось такое множество почётных богомольцев, что простые крестьяне не могли поместиться в церкви и стояли на папер- ти и в ограде. Обедня не начиналась, ждали Кирила Петрови- ча. Он приехал в коляске шестернёю и торжественно пошёл на своё место, сопровождаемый Марию Кириловной. Взоры мужчин и женщин обратились на неё; первые удивлялись её красоте, вторые со вниманием осмотрели её наряд. Началась обедня, домашние певчие пели на клиросе, Кирила Петрович сам подтягивал, молился, не смотря ни направо, ни налево, и

с гордым смиренiem поклонился в землю, когда дьякон громогласно упомянул *и о зиждителе храма сего*.

Обедня кончилась. Кирила Петрович первый подошёл ко кресту. Все двинулись за ним, потом соседи подошли к нему с почтением. Дамы окружили Машу. Кирила Петрович, выходя из церкви, пригласил всех к себе обедать, сел в коляску и отправился домой. Все поехали вслед за ним. Комнаты наполнились гостями. Поминутно входили новые лица и насилиу могли пробраться до хозяина. Барышни сели чинным полукругом, одетые по запоздалой моде, в поношенных и дорогих нарядах, все в жемчугах и бриллиантах, мужчины толпились около игры и водки, с шумным разногласием разговаривая между собою. В зале накрывали стол на восемьдесят приборов. Слуги сутились, расставляя бутылки и графины и прилаживая скатерти. Наконец дворецкий провозгласил: «кушанье поставлено», — и Кирила Петрович первый пошёл садиться за стол, за ним двинулись дамы и важно заняли свои места, наблюдая некоторое старшинство, барышни стеснились между собою, как робкое стадо козочек, и выбрали себе места одна подле другой. Против них поместились мужчины. На конце стола сел учитель подле маленького Саши.

Слуги стали разносить тарелки по чинам... Звон тарелок и ложек слился с шумным говором гостей. Кирила Петрович весело обозревал свою трапезу и вполне наслаждался счастием хлебосола. В это время въехала на двор коляска, запряжённая шестью лошадьми. «Это кто?» — спросил хозяин. «Антон Пафнутьич», — отвечали несколько голосов. Двери отворились, и Антон Пафнутьич Спицын, толстый мужчина лет пятидесяти с круглым и рябым лицом, украшенным тройным подбородком, ввалился в столовую, кланяясь, улыбаясь и уже собираясь извиниться... «Прибор сюда, — закричал Кирила Петрович, — милости просим, Антон Пафнутьич, садись, да скажи нам, что это значит: не был у моей обедни и к обеду опоздал. Это на тебя не похоже: ты и богомолен, и покушать любишь». — «Виноват, — отвечал Антон Пафнутьич, привя-

зывая салфетку в петлицу горохового кафана, — виноват, батюшка Кирила Петрович, я было рано пустился в дорогу, да не успел отъехать и десяти вёрст, вдруг шина у переднего колеса пополам — что прикажешь? К счастию, недалеко было от деревни; пока до неё дотащились, да отыскали кузнеца, да всё кое-как уладили, прошли ровно три часа, делать было нечего. Ехать ближним путём через Кистенёвский лес я не осмелился, а пустился в объезд...»

— Эге! — прервал Кирила Петрович, — да ты, знать, не из храброго десятка; чего ты боишься?

— Как чего боюсь, батюшка Кирила Петрович, а Дубровского-то; того и гляди попадёшься ему в лапы. Он малый не промах, никому не спустит, а с меня, пожалуй, и две шкуры сдерёт.

— За что же, братец, такое отличие?

— Как за что, батюшка Кирила Петрович? а за тяжбuto покойника Андрея Гавриловича. Не я ли в удовольствие ваше, то есть по совести и по справедливости, показал, что Дубровские владеют Кистенёвкой безо всякого на то права, а единственно по снисхождению вашему. И по-коиник (царство ему небесное) обещал со мною по-свойски переведаться, а сынок, пожалуй, сдержит слово батюшкино. Доселе Бог миловал. Всего-навсе разграбили у меня один анбар, да того и гляди до усадьбы доберутся.

— А в усадьбе-то будет им раздолье, — заметил Кирила Петрович, — я чай, красная шкатулочка полным-полна...

— Куда, батюшка Кирила Петрович. Была полна, а нынче совсем опустела!

— Полно врать, Антон Пафнутьич. Знаем мы вас; куда тебе деньги тратить, дома живёшь свинья свиньёй, никого не принимаешь, своих мужиков обдираешь, знай ко-пиши, да и только.

— Вы всё изволите шутить, батюшка Кирила Петрович, — пробормотал с улыбкою Антон Пафнутьич, — а мы, ей-богу, разорились, — и Антон Пафнутьич стал заедать барскую шутку хозяина жирным куском кулебяки. Кирила Петрович оставил его и обратился к новому исправни-

ку, в первый раз к нему в гости приехавшему и сидящему на другом конце стола, подле учителя.

— А что, господин исправник, поймаете хоть вы Дубровского?

Исправник струсил, поклонился, улыбнулся, заикнулся и произнёс наконец:

— Постараемся, ваше превосходительство.

— Гм, постараемся. Давно, давно стараются, а проку всё-таки нет. Да, правда, зачем и ловить его. Разбои Дубровского благодать для исправников: разъезды, следствия, подводы, а деньги в карман. Как такого благодетеля извести? Не правда ли, господин исправник?

— Сущая правда, ваше превосходительство, — отвечал совершенно смущившийся исправник.

Гости захочотали.

— Люблю молодца за искренность, — сказал Кирилла Петрович. — А жаль покойного нашего исправника Тараса Алексеевича; кабы не сожгли его, так в околотке было бытише. А что слышно про Дубровского? Где его видели в последний раз?

— У меня, Кирила Петрович, — пропищал толстый дамский голос, — в прошлый вторник обедал он у меня...

Все взоры обратились на Анну Савишину Глобову, довольно простую вдову, всеми любимую за добрый и весёлый нрав. Все с любопытством приготовились услышать её рассказ.

— Надобно знать, что тому три недели послала я приказчика на почту с деньгами для моего Ванюши. Сына я не балую, да и не в состоянии баловать, хоть бы и хотела; однако сами изволите знать: офицеру гвардии нужно сдерживать себя приличным образом, и я с Ванюшкой делюсь, как могу, своими доходишками. Вот и послала ему 2000 рублей, хоть Дубровский не раз приходил мне в голову, да думаю: город близко, всего семь вёрст, авось Бог пронесёт. Смотрю: вечером мой приказчик возвращается бледен, оборван и пеш — я так и ахнула. «Что такое? что с тобою сделалось?» Он мне: «Матушка Анна Савишина,

разбойники ограбили; самого чуть не убили, сам Дубровский был тут, хотел повесить меня, да сжалился и отпустил, зато всего обобразил, отнял и лошадь и телегу». Я обмерла; царь мой небесный, что будет с моим Ванюшою? Делать нечего: написала я сыну письмо, рассказала всё и послала ему своё благословение без гроша денег.

Прошла неделя, другая — вдруг въезжает ко мне на двор коляска. Какой-то генерал просит со мною увидеться: милости просим; входит ко мне человек лет тридцати пяти, смуглый, черноволосый, в усах, в бороде, сущий портрет Кульниева, рекомендуеться мне как друг и сослуживец покойного мужа Ивана Андреевича; он-де ехал mismo и не мог не заехать к его вдове, зная, что я тут живу. Я угостила его чем Бог послал, разговорились о том о сём, наконец и о Дубровском. Я рассказала ему своё горе. Генерал мой нахмурился. «Это странно, — сказал он, — я слыхал, что Дубровский нападает не на всякого, а на известных богачей, но и тут делится с ними, а не грабит дочиста, а в убийствах никто его не обвиняет; нет ли тут плутни, прикажите-ка позвать вашего приказчика». Пошли за приказчиком, он явился; только увидел генерала, он так и осталбенел. «Расскажи-ка мне, братец, каким образом Дубровский тебя ограбил и как он хотел тебя повесить». Приказчик мой задрожал и повалился генералу в ноги. «Батюшка, виноват — грех попутал — солгал». — «Коли так, — отвечал генерал, — так изволь же рассказать барыне, как всё дело случилось, а я послушаю». Приказчик не мог опомниться. «Ну что же, — продолжал генерал, — рассказывай: где ты встретился с Дубровским?» — «У двух сосен, батюшка, у двух сосен». — «Что же сказал он тебе?» — «Он спросил у меня, чей ты, куда едешь и зачем?» — «Ну, а после?» — «А после потребовал он письмо и деньги». — «Ну». — «Я отдал ему письмо и деньги». — «А он?.. Ну — а он?» — «Батюшка, виноват». — «Ну, что же он сделал?..» — «Он возвратил мне деньги и письмо да сказал: ступай себе с Богом, отдай это на почту». — «Ну, а ты?» — «Батюшка, виноват». — «Я с тобою, голубчик,

управляюсь, — сказал грозно генерал, — а вы, сударыня, прикажите обыскать сундук этого мошенника и отдайте его мне на руки, а я его проучу. Знайте, что Дубровский сам был гвардейским офицером, он не захочет обидеть товарища». Я догадывалась, кто был его превосходительство, нечего мне было с ним толковать. Кучерá привязали приказчика к козлам коляски. Деньги нашли; генерал у меня отобедал, потом тотчас уехал и увёз с собою приказчика. Приказчика моего нашли на другой день в лесу, привязанного к дубу и ободранного как липку.

Все слушали молча рассказ Анны Савишны, особенно барышни. Многие из них втайне ему доброжелательствовали, видя в нём героя романтического, особенно Марья Кириловна, пылкая мечтательница, напитанная таинственными ужасами Радклиф.

— И ты, Анна Савишна, полагаешь, что у тебя был сам Дубровский? — спросил Кирила Петрович. — Очень же ты ошиблась. Не знаю, кто был у тебя в гостях, а только не Дубровский.

— Как, батюшка, не Дубровский? да кто же, как не он, выедет на дорогу и станет останавливать прохожих да их осматривать?

— Не знаю, а уж, верно, не Дубровский. Я помню его ребёнком; не знаю, почернели ль у него волоса, а тогда был он кудрявый белокуренький мальчик, но знаю наверное, что Дубровский пятью годами старше моей Маши и что, следственно, ему не тридцать пять лет, а около двадцати трёх.

— Точно так, ваше превосходительство, — провозгласил исправник, — у меня в кармане и приметы Владимира Дубровского. В них точно сказано, что ему от роду двадцать третий год.

— А! — сказал Кирила Петрович, — кстати: прочти-ка, а мы послушаем; не худо нам знать его приметы; авось в глаза попадётся, так не вывернется.

Исправник вынул из кармана довольно замаранный лист бумаги, развернул его с важностию и стал читать нараспев:

— «Приметы Владимира Дубровского, составленные по сказкам бывших его дворовых людей.

От рода 23 года, роста среднего, лицом чист, бороду бреет, глаза имеет карие, волосы русые, нос прямой. Приметы особые: таковых не оказалось».

— И только, — сказал Кирила Петрович.

— Только, — отвечал исправник, складывая бумагу.

— Поздравляю, г-н исправник. Ай да бумага! по этим приметам немудрено будет вам отыскать Дубровского. Да кто же не среднего роста, у кого не русые волосы, не прямой нос да не карие глаза! Бьюсь об заклад, три часа сряду будешь говорить с самим Дубровским, а не догадаешься, с кем Бог тебя свёл. Нечего сказать, умные головушки приказные!

Исправник смиренно положил в карман свою бумагу и молча принялся за гуся с капустой. Между тем слуги успели уже несколько раз обойти гостей, наливая каждому его рюмку. Несколько бутылок горского и цимлянского громко были уже откупорены и приняты благосклонно под именем шампанского, лица начинали рдеть, разговоры становились звонче, несвязнее и веселее.

— Нет, — продолжал Кирилл Петрович, — уж не видать нам такого исправника, каков был покойник Тарас Алексеевич! Этот был не промах, не разиня. Жаль, что сожгли молодца, а то бы от него не ушёл ни один человек из всей шайки. Он бы всех до единого переловил, да и сам Дубровский не вывернулся бы и не откупился. Тарас Алексеевич деньги с него взять-то бы взял, да и самого не выпустил, таков был обычай у покойника. Делать нечего, видно, мне вступиться в это дело да пойти на разбойников с моими домашними. На первый случай отряжу человек двадцать, так они и очистят воровскую рощу; народ не трусливый, каждый в одиночку на медведя ходит, от разбойников не попятаются.

— Здоров ли ваш медведь, батюшка Кирила Петрович? — сказал Антон Пафнутьич, вспомня при сих словах о своём косматом знакомце и о некоторых шутках, коих и он был когда-то жертвою.

— Миша приказал долго жить, — отвечал Кирила Петрович. — Умер славною смертью, от руки неприятеля. Вон его победитель, — Кирила Петрович указал на Дефоржа, — выменяй образ моего француза. Он отомстил за твою... с позволения сказать... Помнишь?

— Как не помнить, — сказал Антон Пафнутьич почесываясь, — очень помню. Так Миша умер. Жаль Миши, ей-богу жаль! какой был забавник! какой умница! эдакого медведя другого не сыщешь. Да зачем мусье убил его?

Кирила Петрович с великим удовольствием стал рассказывать подвиг своего француза, ибо имел счастливую способность тщеславиться всем, что только ни окружало его. Гости со вниманием слушали повесть о Мишиной смерти и с изумлением посматривали на Дефоржа, который, не подозревая, что разговор шёл о его храбости, спокойно сидел на своём месте и делал нравственные замечания резвому своему воспитаннику.

Обед, продолжавшийся около трёх часов, кончился; хозяин положил салфетку на стол, все встали и пошли в гостиную, где ожидал их кофей, карты и продолжение попойки, столь славно начатой в столовой.

ГЛАВА X

Около семи часов вечера некоторые гости хотели ехать, но хозяин, развеселённый пуншем, приказал запереть ворота и объявить, что до следующего утра никого со двора не выпустит. Скоро загремела музыка, двери в залу отворились, и бал завязался. Хозяин и его приближённые сидели в углу, выпивая стакан за стаканом и любуясь веселостию молодёжи. Старушки играли в карты. Кавалеров, как и везде, где не квартирует какой-нибудь уланской бригады, было менее, нежели дам, все мужчины, годные на то, были завербованы. Учитель между всеми отличался, он танцевал более всех, все барышни выбирали его и находили, что с ним очень ловко вальсировать. Несколько раз кружился он с Марьей

Кириловною, и барышни насмешливо за ними примечали. Наконец около полуночи усталый хозяин прекратил танцы, приказал давать ужинать, а сам отправился спать.

Отсутствие Кирилы Петровича придало обществу более свободы и живости. Кавалеры осмелились занять места подле дам. Девицы смеялись и перешёпывались со своими соседями; дамы громко разговаривали через стол. Мужчины пили, спорили и хохотали, — словом, ужин был чрезвычайно весел и оставил по себе много приятных воспоминаний.

Один только человек не участвовал в общей радости: Антон Пафнутьич сидел пасмурен и молчалив на своём месте, ел рассеянно и казался чрезвычайно беспокоен. Разговоры о разбойниках взволновали его воображение. Мы скоро увидим, что он имел достаточную причину их опасаться.

Антон Пафнутьич, призывая Господа в свидетели в том, что красная шкатулка его была пуста, не лгал и не согрепшал: красная шкатулка точно была пуста, деньги, некогда в ней хранимые, перешли в кожаную суму, которую носил он на груди под рубашкой. Сею только предосторожности успокоивал он свою недоверчивость ко всем и вечную боязнь. Будучи принуждён остаться ночевать в чужом доме, он боялся, чтоб не отвели ему ночлега где-нибудь в уединённой комнате, куда легко могли забраться воры, он искал глазами надёжного товарища и выбрал наконец Дефоржа. Его наружность, обличающая силу, а пуще храбрость, им оказанная при встрече с медведем, о коем бедный Антон Пафнутьич не мог вспомнить без содрогания, решили его выбор. Когда встали изо стола, Антон Пафнутьич стал вертеться около молодого француза, покрякивая и откашливаясь, и наконец обратился к нему с изъяснением:

— Гм, гм, нельзя ли, мусье, переночевать мне в вашей конурке, потому что извольте видеть...

— Que désire, monsieur?¹ — спросил Дефорж, учтиво ему поклонившись.

¹ Что вам угодно, сударь? (фр.)

— Эк, беда, ты, мусье, по-русски ещё не выучился. Же ве, муа, ше ву күш¹, понимаешь ли?

— Monsieur, trus volontiers, — отвечал Дефорж, — veuillez donner des ordres en cons équence².

Антон Пафнутьич, очень довольный своими сведениями во французском языке, пошёл тотчас распоряжаться.

Гости стали прощаться между собою и каждый отправился в комнату, ему назначенную. А Антон Пафнутьич пошёл с учителем во флигель. Ночь была тёмная. Дефорж освещал дорогу фонарём, Антон Пафнутьич шёл за ним довольно бодро, прижимая изредка к груди потаённую сумку, дабы удостовериться, что деньги его ещё при нём.

Пришед во флигель, учитель засветил свечу, и оба стали раздеваться, между тем Антон Пафнутьич похаживал по комнате, осматривая замки и окна и качая головою при сём неутешительном смотре. Двери запирались одною задвижкою, окна не имели ещё двойных рам. Он попытался было жаловаться на то Дефоржу, но знания его во французском языке были слишком ограничены для столь сложного объяснения; француз его не понял, и Антон Пафнутьич принуждён был оставить свои жалобы. Постели их стояли одна против другой, оба легли, и учитель потушил свечу.

— Пуркуа ву туше, пуркуа ву туше³ — закричал Антон Пафнутьич, спрягая с грехом пополам русский глагол *тушу* на французский лад. — Я не могу dormir⁴ в потёмках.

Дефорж не понял его восклицания и пожелал ему доброй ночи.

— Проклятый басурман, — проворчал Спицын, закутываясь в одеяло. — Нужно ему было свечку тушить. Ему же хуже. Я спать не могу без огня. Мусье, мусье, — про-

¹ Я хочу, я у вас спать (*фр.*).

² Сделайте одолжение, сударь, будьте любезны дать соответствующее распоряжение (*фр.*).

³ Почему вы тушите? (*фр.*)

⁴ Спать (*фр.*).

должал он, — же ве авек ву парле¹. — Но француз не отвечал и вскоре захрапел.

«Храпит бестия француз, — подумал Антон Пафнутьич, — а мне так сон и в ум нейдёт. Того и гляди, воры войдут в открытые двери или влезут в окно, а его, бестию, и пушками не добудишься».

— Мусье! а мусье! Дьявол тебя побери.

Антон Пафнутьич замолчал, усталость и винные пары мало-помалу превозмогли его боязливость, он стал дремать, и вскоре глубокий сон овладел им совершенно.

Странное готовилось ему пробуждение. Он чувствовал сквозь сон, что кто-то тихонько дёргал его за ворот рубашки. Антон Пафнутьич открыл глаза и при бледном свете осеннего утра увидел перед собою Дефоржа: француз в одной руке держал карманный пистолет, а другую отстёгивал заветную суму. Антон Пафнутьич обмер.

— Кесь ке се, мусье, кесь ке се², — произнёс он трепещущим голосом.

— Тише, молчать, — отвечал учитель чистым русским языком, — молчать, или вы пропали. Я Дубровский.

ГЛАВА XI

Теперь попросим у читателя позволения объяснить последние происшествия повести нашей предыдущими обстоятельствами, кои не успели мы ещё рассказать.

На станции ** в доме смотрителя, о коем уже мы упомянули, сидел в углу проезжий с видом смиренным и терпеливым, обличающим разночинца или иностранца, то есть человека, не имеющего голоса на почтовом тракте. Бричка его стояла на дворе, ожидая подмазки. В ней лежал маленький чемодан, тощее доказательство не весьма достаточного состояния. Проезжий не спрашивал себе ни чаю, ни ко-

¹ Я хочу с вами разговаривать (*фр.*).

² Что это, сударь, что это? (*фр.*)

фию, поглядывал в окно и посвистывал, к великому неудовольствию смотрительши, сидевшей за перегородкою.

— Вот Бог послал свистуна, — говорила она вполголоса. — Эк посвистывает, чтоб он лопнул, окаянный басурман.

— А что? — сказал смотритель, — что за беда, пускай себе свищет.

— Что за беда? — возразила сердитая старуха. — А разве не знаешь приметы?

— Какой приметы? Что свист деньги выживает? И! Пахомовна, у нас что свисти, что нет: а денег всё нет как нет.

— Да отпусти ты его, Сидорыч. Охота тебе его держать. Дай ему лошадей, да провались он к чёрту.

— Подождёт, Пахомовна; на конюшне всего три тройки, четвёртая отдыхает. Того и гляди, подоспевают хорошие проезжие; не хочу своею шеей отвечать за француза. Чу! так и есть! вон скачут. Э-ге-ге-й, да как шибко; уж не генерал ли?

Коляска остановилась у крыльца. Слуга соскочил с козел, отпер дверцы, и через минуту молодой человек в военной шинели и в белой фуражке вошёл к смотрителю; вслед за ним слуга внёс шкатулку и поставил её на окошко.

— Лошадей, — сказал офицер повелительным голосом.

— Сейчас, — ответил смотритель. — Пожалуйте подорожную.

— Нет у меня подорожной. Я еду в сторону... Разве ты меня не узнаёшь?

Смотритель засуетился и кинулся торопить ямщиков. Молодой человек стал расхаживать взад и вперёд по комнате, зашёл за перегородку и спросил тихо у смотрительши: кто такой проезжий.

— Бог его ведает, — отвечала смотрительша, — какой-то француз. Вот уже пять часов как дожидается лошадей да свищет. Надоел, проклятый.

Молодой человек заговорил с проезжим по-французски.

— Куда изволите вы ехать? — спросил он его.

— В ближний город, — отвечал француз, — оттуда отправляюсь к одному помещику, который нанял меня за глаза в учители. Я думал сегодня быть уже на месте, но

господин смотритель, кажется, судил иначе. В этой земле трудно достать лошадей, господин офицер.

— А к кому из здешних помещиков определились вы? — спросил офицер.

— К господину Троекурову, — отвечал француз.

— К Троекурову? Кто такой этот Троекуров?

— Ma foi, mon officier...¹ я слыхал о нём мало доброго. Сказывают, что он барин гордый и своенравный, жестокий в обращении со своими домашними, что никто не может с ним ужиться, что все трепещут при его имени, что с учительями (avec les outchitels) он не церемонится и уже двух засёк до смерти.

— Помилуйте! и вы решились определиться к такому чудовищу.

— Что ж делать, господин офицер. Он предлагает мне хорошее жалование, 3000 р. в год и всё готовое. Быть может, я буду счастливее других. У меня старушка мать, половину жалования буду отсылать ей на пропитание, из остальных денег в пять лет могу скопить маленький капитал, достаточный для будущей моей независимости, и тогда bonsoir², еду в Париж и пускаюсь в коммерческие обороты.

— Знает ли вас кто-нибудь в доме Троекурова? — спросил он.

— Никто, — отвечал учитель. — Меня он выписал из Москвы через одного из своих приятелей, коего повар, мой соотечественник, меня рекомендовал. Надобно вам знать, что я готовился было не в учителя, а в кондитеры, но мне сказали, что в вашей земле звание учительское не в пример выгоднее.

Офицер задумался.

— Послушайте, — прервал он француза, — что если бы вместо этой будущности предложили вам десять тысяч чистыми деньгами с тем, чтобы сей же час отправились обратно в Париж?

¹ Право, господин офицер... (*фр.*)

² Прощайте (*фр.*).

Француз посмотрел на офицера с изумлением, улыбнулся и покачал головою.

— Лошади готовы, — сказал вошедший смотритель. Слуга подтвердил то же самое.

— Сейчас, — ответил офицер, — выдьте вон на минуту. — Смотритель и слуга вышли. — Я не шучу, — продолжал он по-французски. — Десять тысяч могу я вам дать, мне нужно только ваше отсутствие и ваши бумаги. — При сих словах он отпер шкатулку и вынул несколько кип ассигнаций.

Француз вытаращил глаза. Он не знал, что и думать.

— Моё отсутствие... мои бумаги, — повторял он с изумлением. — Вот мои бумаги... Но вы шутите: зачем вам мои бумаги?

— Вам дела нет до этого. Спрашиваю, согласны вы или нет?

Француз, всё ещё не веря своим ушам, протянул бумаги свои молодому офицеру, который быстро их пересмотрел.

— Ваш паспорт... хорошо. Письмо рекомендательное, посмотрим. Свидетельство о рождении, прекрасно. Ну вот же вам ваши деньги, отправляйтесь назад. Прощайте...

Француз стоял как вкопанный.

Офицер воротился.

— Я было забыл самое важное: дайте мне честное слово, что всё это останется между нами, честное ваше слово.

— Честное моё слово, — отвечал француз. — Но мои бумаги, что мне делать без них?

— В первом городе объявите, что вы были ограблены Дубровским. Вам поверят и дадут нужные свидетельства. Прощайте, дай Бог вам скорее доехать до Парижа и найти матушку в добром здоровье.

Дубровский вышел из комнаты, сел в коляску и поскакал.

Смотритель смотрел в окошко и, когда коляска уехала, обратился к жене с восклицанием: «Пахомовна, знаешь ли ты что? ведь это был Дубровский».

Смотрительша опрометью кинулась к окошку, но было уже поздно: Дубровский был уже далеко. Она принялась бранить мужа:

— Бога ты не боишься, Сидорыч. Зачем ты не сказал мне того прежде, я бы хоть взглянула на Дубровского, а теперь жди, чтоб он опять завернул. Бессовестный ты, право, бессовестный!

Француз стоял как вкопанный. Договор с офицером, деньги, всё казалось ему сновидением. Но кипы ассигнаций были тут, у него в кармане, и красноречиво твердили ему о существенности удивительного происшествия.

Он решился нанять лошадей до города. Ямщик повёз его шагом, и ночью дотащился он до города.

Не доехая до заставы, у которой вместо часового стояла развалившаяся будка, француз велел остановиться, вылез из брички и пошёл пешком, объяснив знаками ямщику, что бричку и чемодан дарит ему на водку. Ямщик был в таком же изумлении от его щедрости, как и сам француз от предложения Дубровского. Но, заключив из того, что немец сошёл с ума, ямщик поблагодарил его усердным поклоном и, не рассудив за благо въехать в город, отправился в известное ему увеселительное заведение, коего хозяин был весьма ему знаком. Там провёл он целую ночь, а на другой день утром на порожней тройке отправился восвояси — без брички и без чемодана, с пухлым лицом и красными глазами.

Дубровский, овладев бумагами француза, смело явился, как мы уже видели, к Троекурову и поселился в его доме. Каковы ни были его тайные намерения (мы их узнаем после), но в его поведении не оказалось ничего предосудительного. Правда, он мало занимался воспитанием маленького Саши, давал ему полную свободу повесничать и не строго взыскивал за уроки, задаваемые только для формы, зато с большим прилежанием следовал за музыкальными успехами своей ученицы и часто по целым часам сиживал с нею за фортепьяно. Все любили молодого учителя, Кирила Петрович — за его смелое проворство на

охоте, Марья Кириловна — за неограниченное усердие и робкую внимательность, Саша — за снисходительность к его шалостям, домашние — за доброту и за щедрость, по видимому несовместную с его состоянием. Сам он, казалось, привязан был ко всему семейству и почитал уже себя членом оного.

Прошло около месяца от его вступления в звание учительское до достопамятного празднства, и никто не подозревал, что в скромном молодом французе таился грозный разбойник, коего имя наводило ужас на всех окрестных владельцев. Во всё это время Дубровский не отлучался из Покровского, но слух о разбоях его не утихал благодаря изобретательному воображению сельских жителей, но могло статья и то, что шайка его продолжала свои действия и в отсутствие начальника.

Ночуя в одной комнате с человеком, коего он мог почесть личным своим врагом и одним из главных виновников его бедствия, Дубровский не мог удержаться от искушения. Он знал о существовании сумки и решился ею завладеть. Мы видели, как изумил он бедного Антона Пафнутьича неожиданным своим превращением из учителей в разбойники.

В девять часов утра гости, ночевавшие в Покровском, собиралися один за другим в гостиной, где кипел уже самовар, перед которым в утреннем платье сидела Марья Кириловна, а Кирила Петрович в байковом сертуке и в туфлях выпивал свою широкую чашку, похожую на полоскательную. Последним явился Антон Пафнутьич; он был так бледен и казался так расстроен, что вид его всех поразил и что Кирила Петрович осведомился о его здоровье. Спицын отвечал безо всякого смысла и с ужасом поглядывал на учителя, который тут же сидел, как ни в чём не бывало. Через несколько минут слуга вошёл и объявил Спицыну, что коляска его готова; Антон Пафнутьич спешил откланяться и, несмотря на уверения хозяина, вышел поспешно из комнаты и тотчас уехал. Не понимали, что с ним сделалось, и Кирила Петрович решил, что

он объелся. После чаю и прощального завтрака прочие гости начали разъезжаться, вскоре Покровское опустело, и всё вошло в обычновенный порядок.

ГЛАВА XII

Прошло несколько дней, и не случилось ничего достопримечательного. Жизнь обитателей Покровского была однообразна. Кирил Петрович ежедневно выезжал на охоту; чтение, прогулки и музыкальные уроки занимали Марью Кириловну, особенно музыкальные уроки. Она начинала понимать собственное сердце и признавалась, с невольной досадою, что оно не было равнодушно к достоинствам молодого француза. Он, с своей стороны, не выходил из пределов почтения и строгой пристойности и тем успокоивал её гордость и боязливые сомнения. Она с большей и большей доверчивостию предавалась увлекательной привычке. Она скучала без Дефоржа, в его присутствии поминутно занималась им, обо всём хотела знать его мнение и всегда с ним соглашалась. Может быть, она не была ещё влюблена, но при первом случайному препятствии или незапном гонении судьбы пламя страсти должно было вспыхнуть в её сердце.

Однажды, пришед в залу, где ожидал её учитель, Марья Кириловна с изумлением заметила смущение на бледном его лице. Она открыла фортепьяно, пропела несколько нот, но Дубровский под предлогом головной боли извинился, прервал урок и, закрывая ноты, подал ей украдкою записку. Марья Кириловна, не успев одуматься, приняла её и раскаялась в ту же минуту, но Дубровского не было уже в зале. Марья Кириловна пошла в свою комнату, развернула записку и прочла следующее:

«Будьте сегодня в семь часов в беседке у ручья. Мне необходимо с вами говорить».

Любопытство её было сильно возбуждено. Она давно ожидала признания, желая и опасаясь его. Ей приятно

было бы услышать подтверждение того, о чём она догадывалась, но она чувствовала, что ей было бы неприлично слышать такое объяснение от человека, который по состоянию своему не мог надеяться когда-нибудь получить её руку. Она решилась идти на свидание, но колебалась в одном: каким образом примет она признание учителя, с аристократическим ли негодованием, с увещаниями ли дружибы, с весёлыми шутками или с безмолвным участием. Между тем она поминутно поглядывала на часы. Смеркалось, подали свечи, Кирила Петрович сел играть в бостон с приезжими соседями. Столовые часы пробили третью четверть седьмого, и Марья Кириловна тихонько вышла на крыльцо, огляделась во все стороны и побежала в сад.

Ночь была темна, небо покрыто тучами, в двух шагах от себя нельзя было ничего видеть, но Марья Кириловна шла в темноте по знакомым дорожкам и через минуту очутилась у беседки; тут остановилась она, дабы перевести дух и явиться перед Дефоржем с видом равнодушным и неторопливым. Но Дефорж стоял уже перед нею.

— Благодарю вас, — сказал он ей тихим и печальным голосом, — что вы не отказали мне в моей просьбе. Я был бы в отчаянии, если бы вы на то не согласились.

Марья Кириловна отвечала заготовленной фразой:

— Надеюсь, что вы не заставите меня раскаяться в моей снисходительности.

Он молчал и, казалось, собирался с духом.

— Обстоятельства требуют... я должен вас оставить, — сказал он наконец. — Вы скоро, может быть, услышите... Но перед разлукой я должен с вами сам объясняться...

Марья Кириловна не отвечала ничего. В этих словах видела она предисловие к ожидаемому признанию.

— Я не то, что вы предполагаете, — продолжал он, потупя голову, — я не француз Дефорж, я Дубровский.

Марья Кириловна вскрикнула.

— Не бойтесь, ради Бога, вы не должны бояться моего имени. Да, я тот несчастный, которого ваш отец лишил ку-

ска хлеба, выгнал из отеческого дома и послал грабить на больших дорогах. Но вам не надобно меня бояться — ни за себя, ни за него. Всё кончено. Я ему простили. Послушайте, вы спасли его. Первый мой кровавый подвиг должен был свершиться над ним. Я ходил около его дома, назначая, где вспыхнуть пожару, откуда войти в его спальню, как пресечь ему все пути к бегству, в ту минуту вы прошли мимо меня, как небесное видение, и сердце моё смирилось. Я понял, что дом, где обитаете вы, священ, что ни единое существо, связанное с вами узами крови, не подлежит моему проклятию. Я отказался от мщения, как от безумства. Целые дни я бродил около садов Покровского в надежде увидеть издали ваше белое платье. В ваших неосторожных прогулках я следил за вами, прокрадываясь от куста к кусту, счастливый мыслию, что вас охраняю, что для вас нет опасности там, где я присутствую тайно. Наконец случай представился. Я по-

селился в вашем доме. Эти три недели были для меня днями счаствия. Их воспоминание будет отрадою печальной моей жизни... Сегодня я получил известие, после которого мне невозможно долее здесь оставаться. Я расстаюсь с вами сегодня... сей же час... Но прежде я должен был вам открыться, чтоб вы не проклинали меня, не презирали. Думайте иногда о Дубровском, знайте, что он рождён был для иного назначения, что душа его умела вас любить, что никогда...

Тут раздался лёгкий свист, и Дубровский умолк. Он схватил её руку и прижал к пылающим устам. Свист повторился.

— Простите, — сказал Дубровский, — меня зовут, минута может погубить меня. — Он отошёл, Марья Кириловна стояла неподвижно. Дубровский воротился и снова взял её руку.

— Если когда-нибудь, — сказал он ей нежным и трогательным голосом, — если когда-нибудь несчастье вас постигнет и вы ни от кого не будете ждать ни помощи, ни покровительства, в таком случае обещаетесь ли вы прибегнуть ко мне, требовать от меня всего для вашего спасения? Обещаетесь ли вы не отвергнуть моей преданности?

Марья Кириловна плакала молча. Свист раздался в третий раз.

— Вы меня губите! — закричал Дубровский. — Я не оставил вас, пока не дадите мне ответа. Обещаетесь ли вы или нет?

— Общаюсь, — прошептала бедная красавица.

Взволнованная свиданием с Дубровским, Марья Кириловна возвращалась из саду. Ей показалось, что все люди разбегались, дом был в движении, на дворе было много народа, у крыльца стояла тройка, издали услышала она голос Кирила Петровича и спешила войти в комнаты, опасаясь, чтобы отсутствие её не было замечено. В зале встретил её Кирил Петрович, гости окружили исправника, нашего знакомца, и осыпали его вопросами. Исправ-

ник в дорожном платье, вооружённый с ног до головы, отвечал им с видом таинственным и суеверным.

— Где ты была, Маша, — спросил Кирила Петрович, — не встретила ли ты м-г Дефоржа? — Маша насилиу могла отвечать отрицательно.

— Вообрази, — продолжал Кирила Петрович, — исправник приехал его схватить и уверяет меня, что это сам Дубровский.

— Все приметы, ваше превосходительство, — сказал почтительно исправник.

— Эх, братец, — прервал Кирила Петрович, — убирайся, знаешь куда, со своими приметами. Я тебе моего француза не выдам, покамест сам не разберу дела. Как можно верить на слово Антону Пафнутьичу, трусу и лгуну: ему пригрезилось, что учитель хотел ограбить его. Зачем он в то же утро не сказал мне о том ни слова?

— Француз застрашал его, ваше превосходительство, — отвечал исправник, — и взял с него клятву молчать...

— Враньё, — решил Кирила Петрович, — сейчас я всё выведу на чистую воду.

— Где же учитель? — спросил он у вошедшего слуги.

— Нигде не найдут-с, — отвечал слуга.

— Так сыскать его! — закричал Троекуров, начинающий сумневаться. — Покажи мне твои хвалёные приметы, — сказал он исправнику, который тотчас и подал ему бумагу. — Гм, гм, двадцать три года... Оно так, да это ещё ничего не доказывает. Что ж учитель?

— Не найдут-с, — был опять ответ. Кирила Петрович начинал беспокоиться, Марья Кириловна была ни жива ни мёртвa.

— Ты бледна, Маша, — заметил ей отец, — тебя перепугали.

— Нет, папенька, — отвечала Маша, — у меня голова болит.

— Поди, Маша, в свою комнату и не беспокойся. — Маша поцеловала у него руку и ушла скорее в свою комнату, там она бросилась на постель и зарыдала в истерическом

припадке. Служанки сбежались, раздели её, насили успели её успокоить холодной водой и всевозможными спиртами, её уложили, и она впала в усыпление.

Между тем француза не находили. Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, грозно настынивая «Гром победы раздавайся». Гости шептались между собою, исправник казался в дураках, француза не нашли. Вероятно, он успел скрыться, быв предупреждён. Но кем и как? Это оставалось тайною.

Было одиннадцать, и никто не думал о сне. Наконец Кирила Петрович сказал сердито исправнику:

— Ну что? ведь не до свету же тебе здесь оставаться, дом мой не харчевня, не с твоим проворством, братец, поймать Дубровского, если уж это Дубровский. Отправляйся-ка восвояси да вперёд будь расторопнее. Да и вам пора домой, — продолжал он, обратясь к гостям. — Велите закладывать, а я хочу спать.

Так немилостиво расстался Троекуров со своими гостями!

ГЛАВА XIII

Прошло несколько времени без всякого замечательного случая. Но в начале следующего лета произошло много перемен в семейном быту Кирила Петровича.

В тридцати верстах от него находилось богатое поместие князя Верейского. Князь долгое время находился в чужих краях, всем имением его управлял отставной майор, и никакого сношения не существовало между Покровским и Арбатовым. Но в конце мая месяца князь возвратился из-за границы и приехал в свою деревню, которой отроду ещё не видал. Привыкнув к рассеянности, он не мог вынести уединения и на третий день по своим приезде отправился обедать к Троекурову, с которым был некогда знаком.

Князю было около пятидесяти лет, но он казался гораздо старее. Излишства всякого рода изнурили его здо-

ровие и положили на нём свою неизгладимую печать. Несмотря на то, наружность его была приятна, замечательна, а привычка быть всегда в обществе придавала ему некоторую любезность, особенно с женщинами. Он имел непрестанную нужду в рассеянии и непрестанно скучал. Кирилла Петрович был чрезвычайно доволен его посещением, приняв оное знаком уважения от человека, знающего свет; он, по обыкновению своему, стал угождать его смотром своих заведений и повёл на псаенный двор. Но князь чуть не задохся в собачьей атмосфере и спешил выйти вон, зажимая нос платком, опрысканным духами. Старинный сад с его стрижеными липами, четвероугольным прудом и правильными аллеями ему не понравился; он любил английские сады и так называемую природу, но хвалил и восхищался; слуга пришёл доложить, что кушание поставлено. Они пошли обедать. Князь прихрамывал, устав от своей прогулки и уже раскаиваясь в своём посещении.

Но в зале встретила их Марья Кириловна, и старый волокита был поражён её красотой. Троекуров посадил гостя подле её. Князь был оживлён её присутствием, был весел и успел несколько раз привлечь её внимание любопытными своими рассказами. После обеда Кирила Петрович предложил ехать верхом, но князь извинился, указывая на свои бархатные сапоги и шутя над своею подагрой; он предпочёл прогулку в линейке, с тем чтобы не разлучаться с милою своей соседкою. Линейку заложили. Старики и красавица сели втроём и поехали. Разговор не прерывался. Марья Кириловна с удовольствием слушала льстивые и весёлые приветствия светского человека, как вдруг Верейский, обратясь к Кирилу Петровичу, спросил у него, что значит это погорелое строение и ему ли оно принадлежит?.. Кирила Петрович нахмурился; воспоминания, возбуждаемые в нём погорелой усадьбою, были ему неприятны. Он отвечал, что земля теперь его и что прежде принадлежала она Дубровскому.

— Дубровскому, — повторил Верейский, — как, этому славному разбойнику?

— Отцу его, — отвечал Троекуров, — да и отец-то был порядочный разбойник.

— Куда же девался наш Ринальдо¹? Жив ли он, схвачен ли он?

— И жив и на воле, и покамест у нас будут исправники заодно с ворами, до тех пор не будет он пойман; кстати, князь, Дубровский побывал ведь у тебя в Арбатове?

— Да, прошлого году он, кажется, что-то сжёг или разграбил... Не правда ли, Марья Кириловна, что было бы любопытно познакомиться покороче с этим романтическим героем?

— Чего любопытно! — сказал Троекуров, — она знакома с ним: он целые три недели учил её музыке, да слава Богу, не взял ничего за уроки. — Тут Кирила Петрович начал рассказывать повесть о своём французе-учителе. Марья Кириловна сидела как на иголках. Верейский выслушал с глубоким вниманием, нашёл всё это очень странным и переменил разговор. Возвратясь, он велел подавать свою карету и, несмотря на усилиные просьбы Кирила Петровича остаться ночевать, уехал тотчас после чаю. Но прежде просил Кирила Петровича приехать к нему в гости с Марьей Кириловной, и гордый Троекуров обещался, ибо, взяв в уважение княжеское достоинство, две звезды и 3000 душ родового имения, он до некоторой степени почитал князя Верейского себе равным.

Два дня спустя после сего посещения Кирила Петрович отправился с дочерью в гости к князю Верейскому. Подъезжая к Арбатову, он не мог не любоваться чистыми и весёлыми избами крестьян и каменным господским домом, выстроенным во вкусе английских замков. Перед домом расстипался густо-зелёный луг, на коем паслись швейцарские коровы, звеня своими колокольчиками. Пространный парк окружал дом со всех сторон. Хозяин встретил гостей у крыльца и подал ру-

¹ Ринальдо — герой романа немецкого писателя Вульпиуса «Ринальдо Ринальдини», атаман разбойников.

ку молодой красавице. Они вошли в великолепную залу, где стол был накрыт на три прибора. Князь подвёл гостей к окну, и им открылся прелестный вид. Волга протекала перед окнами, по ней шли нагруженные баржи под натянутыми парусами и мелькали рыбачьи лодки, столь выразительно прозванные душегубками. За рекою тянулись холмы и поля, несколько деревень оживляли окрестность. Потом они занялись рассмотрением галереи картин, купленных князем в чужих краях. Князь объяснял Марье Кириловне их различное содержание, историю живописцев, указывал на достоинства и недостатки. Он говорил о картинах не на условленном языке педантического знатока, но с чувством и воображением. Марья Кириловна слушала его с удовольствием. Пошли за стол. Троекуров отдал полную справедливость винам своего Амфитриона и искусству его повара, а Марья Кириловна не чувствовала ни малейшего замешательства или принуждения в беседе с человеком, которого видела она только во второй раз отроду. После обеда хозяин предложил гостям пойти в сад. Они пили кофей в беседке на берегу широкого озера, усеянного островами. Вдруг раздалась духовая музыка, и шестивесельная лодка причалила к самой беседке. Они поехали по озеру, около островов, посещали некоторые из них, на одном находили мраморную статую, на другом уединённую пещеру, на третьем памятник с таинственной надписью, возбуждавшей в Марье Кириловне девическое любопытство, не вполне удовлетворённое учтивыми недомолвками князя, время прошло незаметно, начало смеркаться. Князь под предлогом свежести и росы спешил возвратиться домой; самовар их ожидал. Князь просил Марью Кириловну хозяйничать в доме старого холостяка. Она разливала чай, слушая неистощимые рассказы любезного говоруна; вдруг раздался выстрел, и ракетка осветила небо. Князь подал Марье Кириловне шаль и позвал её и Троекурова на балкон. Перед домом в темноте разноцветные огни вспыхнули, завертелись, поднялись вверх коло-

сьями, пальмами, фонтанами, посыпались дождём, звёздами, угасали и снова вспыхивали. Марья Кириловна веселилась как дитя. Князь Верейский радовался её восхищению, а Троекуров был чрезвычайно им доволен, ибо принимал *tous les frais*¹ князя как знаки уважения и желания ему угодить.

Ужин в своём достоинстве ничем не уступал обеду. Гости отправились в комнаты, для них отведённые, и на другой день поутру расстались с любезным хозяином, дав друг другу обещание вскоре снова увидеться.

ГЛАВА XIV

Марья Кириловна сидела в своей комнате, вышивая в пяльцах, перед открытым окошком... Под её иглой канва повторяла безошибочно узоры подлинника, несмотря на то, её мысли не следовали за работой, они были далеко.

Вдруг в окошко тихонько протянулась рука, кто-то положил на пяльцы письмо и скрылся, прежде чем Марья Кириловна успела образумиться. В это самое время слуга к ней вошёл и позвал её к Кирилу Петровичу. Она с трепетом спрятала письмо за косынку и поспешила к отцу в кабинет.

Кирила Петрович был не один. Князь Верейский сидел у него. При появлении Марии Кириловны князь встал и молча поклонился ей с замешательством для него необыкновенным.

— Подойди сюда, Маша, — сказал Кирила Петрович, — скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.

Маша остолбенела, смертная бледность покрыла её лицо. Она молчала. Князь к ней подошёл, взял её руку и с видом тронутым спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала.

¹ Все старания.

— Согласна, конечно, согласна, — сказал Кирила Петрович, — но знаешь, князь: девушке трудно выговорить это слово. Ну, дети, поцелуйтесь и будьте счастливы.

Маша стояла неподвижно, старый князь поцеловал её руку, вдруг слёзы побежали по её бледному лицу. Князь слегка нахмурился.

— Пошла, пошла, пошла, — сказал Кирила Петрович, — осуши свои слёзы и воротись к нам веселёшенька. Они все плачут при помолвке, — продолжал он, обратясь к Вейрскому, — это у них уж так заведено... Теперь, князь, поговорим о деле, то есть о приданом.

Марья Кириловна жадно воспользовалась позволением удалиться. Она побежала в свою комнату, заперлась и дала волю своим слезам, воображая себя женою старого князя; он вдруг показался ей отвратительным и ненавистным... брак пугал её, как плаха, как могила... «Нет, нет, — повторяла она в отчаянии, — лучше умереть, лучше в монастырь, лучше пойду за Дубровского». Тут она вспомнила о письме и с жадностью бросилась его читать, предчувствуя, что оно было от него. В самом деле оно было написано им и заключало только следующие слова:

«Вечером в 10 часов на прежнем месте».

ГЛАВА XV

Луна сияла, июльская ночь была тиха, изредка подымался ветерок, и лёгкий шорох пробегал по всему саду.

Как лёгкая тень, молодая красавица приблизилась к месту назначенного свидания. Ещё никого не было видно, вдруг из-за беседки очутился Дубровский перед нею.

— Я всё знаю, — сказал он тихим и печальным голосом. — Вспомните ваше обещание.

— Вы предлагаете мне своё покровительство, — ответила Маша, — но не сердитесь: оно пугает меня. Каким образом окажете вы мне помощь?

— Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

— Ради Бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виной какого-нибудь ужаса...

— Я не трону его, воля ваша для меня священна. Вам обязан он жизнью. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях. Но как же спасу вас от жестокого отца?

— Ещё есть надежда. Я надеюсь тронуть его моими слезами и отчаянием. Он упрям, но он так меня любит.

— Не надейтесь по-пустому: в этих слезах увидит он только обыкновенную боязливость и отвращение, общее всем молодым девушкам, когда идут они замуж не по страсти, а из благоразумного расчёта; что, если возьмёт он себе в голову сделать счастье ваше вопреки вас самих; если насильно повезут вас под венец, чтоб навеки предать судьбу вашу во власть старого мужа?

— Тогда, тогда делать нечего, явитесь за мною, я буду вашей женой.

Дубровский затрепетал, бледное лицо покрылось багровым румянцем и в ту же минуту стало бледнее прежнего. Он долго молчал, потупя голову.

— Сберитесь с всеми силами души, умоляйте отца, бросьтесь к его ногам, представьте ему весь ужас будущего, вашу молодость, увядашую близ хилого и развратного старика, решитесь на жестокое объяснение: скажите, что если он останется неумолим, то... то вы найдёте ужасную защиту... скажите, что богатство не доставит вам и одной минуты счаствия; роскошь утешает одну бедность, и то с непривычки на одно мгновение; не отставайте от него, не пугайтесь ни его гнева, ни угроз, пока останется хоть тень надежды, ради Бога, не отставайте. Если же не будет уже другого средства...

Тут Дубровский закрыл лицо руками, он, казалось, задыхался. Маша плакала...

Время летело. «Пора», — сказала наконец Маша. Дубровский как будто очнулся от усыпления. Он взял её руку и надел ей на палец кольцо.

— Если решитесь прибегнуть ко мне, — сказал он, — то принесите кольцо сюда, опустите его в дупло этого дуба. Я буду знать, что делать.

Дубровский поцеловал её руку и скрылся между деревьями.

ГЛАВА XVI

Сватовство князя Верейского не было уже тайною для соседства. Кирила Петрович принимал поздравления, свадьба готовилась. Маша день ото дня отлагала решительное объявление. Между тем обращение её со старым женихом было холодно и принуждённо. Князь о том не заботился. Он о любви не хлопотал, довольный её безмолвным согласием.

Но время шло. Маша наконец решилась действовать и написала письмо князю Верейскому; она старалась возбудить в его сердце чувство великодушия, откровенно признавалась, что не имела к нему ни малейшей привязанности, умоляла его отказаться от её руки и самому защитить её от власти родителя. Она тихонько вручила письмо князю Верейскому, тот прочёл его наедине и нимало не был тронут откровенностию своей невесты. Напротив, он увидел необходимость ускорить свадьбу и для того почёл нужным показать письмо будущему тестю.

Кирила Петрович взбесился; насилиу князь мог уговорить его не показывать Маше и виду, что он уведомлён о её письме. Кирила Петрович согласился ей о том не говорить, но решил не тратить времени и назначил быть свадьбе на другой же день. Князь нашёл сие весьма благоразумным, пошёл к своей невесте, сказал ей, что письмо его очень опечалило, но что он надеется со временем заслужить её привязанность, что мысль её лишиться слишком для него тяжела и что он не в силах согласиться на свой смертный приговор. Засим он почтительно поцело-

вал её руку и уехал, не сказав ей ни слова о решении Кирила Петровича.

Но едва успел он выехать со двора, как отец её вошёл и напрямик велел ей быть готовой на завтрашний день. Марья Кириловна, уже взволнованная объяснением князя Верейского, залилась слезами и бросилась к ногам отца.

— Папенька, — закричала она жалобным голосом, — папенька, не губите меня, я не люблю князя, я не хочу быть его женою...

— Это что значит, — сказал грозно Кирила Петрович, — до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда всё решено, ты вздумала капризничать и отрекаться. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь.

— Не губите меня, — повторяла бедная Маша, — за что гоните меня от себя прочь и отдаёте человеку нелюбимому? разве я вам надоела? я хочу остаться с вами по-прежнему. Папенька, вам без меня будет грустно, ещё грустнее, когда подумаете, что я несчастлива, папенька: не принуждайте меня, я не хочу идти замуж...

Кирила Петрович был тронут, но скрыл своё смущение и, оттолкнув её, сказал сурово:

— Всё это вздор, слышишь ли. Я знаю лучше твоего, что нужно для твоего счаствия. Слеёзы тебе не помогут, послезавтра будет твоя свадьба.

— Послезавтра, — вскрикнула Маша, — Боже мой! Нет, нет, невозможно, этому не быть. Папенька, послушайте, если уже вы решились погубить меня, то я найду защитника, о котором вы и не думаете, вы увидите, вы ужаснётесь, до чего вы меня довели.

— Что? что? — сказал Троекуров, — угрозы! мне угрозы, дерзкая девчонка! Да знаешь ли ты, что я с тобою сделаю то, чего ты и не воображаешь. Ты смеешь меня страшить защитником. Посмотрим, кто будет этот защитник.

— Владимир Дубровский, — отвечала Маша в отчаянии.

Кирила Петрович подумал, что она сошла сумасшедшей, и глядел на неё с изумлением.

— Добро, — сказал он ей после некоторого молчания, — жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате, ты из неё не выйдешь до самой свадьбы. — С этим словом Кирила Петрович вышел и запер за собою дверь.

Долго плакала бедная девушка, воображая всё, что ожидало её, но бурное объяснение облегчило её душу, и она спокойнее могла рассуждать о своей участи и о том, что надлежало ей делать. Главное было для неё: избавиться от ненавистного брака; участь супруги разбойника казалась для неё раем в сравнении со жребием, ей уготовленным. Она взглянула на кольцо, оставленное ей Дубровским. Пламенно желала она с ним увидеться наедине и ещё раз перед решительной минутой долго посоветоваться. Предчувствие сказывало ей, что вечером найдёт она Дубровского в саду близ беседки; она решилась пойти ожидать его там, как только станет смеркаться. Смерклось. Маша приготовилась, но дверь её заперта на ключ. Горничная отвечала ей из-за двери, что Кирила Петрович не приказал её выпускать. Она была под арестом. Глубоко оскорблённая, она села под окошко и до глубокой ночи сидела не раздеваясь, неподвижно глядя на тёменное небо. На рассвете она задремала, но тонкий сон её был встревожен печальными видениями, и лучи восходящего солнца уже разбудили её.

ГЛАВА XVII

Она проснулась, и с первой мыслью представился ей весь ужас её положения. Она позвонила, девка вошла и на вопросы её отвечала, что Кирила Петрович вечером ездил в Арбатово и возвратился поздно, что он дал строгое приказание не выпускать её из её комнаты и смотреть за тем, чтоб никто с нею не говорил, что, впрочем, не видно никаких особенных приготовлений к свадьбе, кроме того, что велено было попу не отлучаться из деревни ни под каким

предлогом. После сих известий девка оставила Марью Кириловну и снова заперла двери.

Её слова ожесточили молодую затворницу; голова её кипела, кровь волновалась, она решилась дать знать обо всём Дубровскому и стала искать способа отправить кольцо в дупло заветного дуба; в это время камушек удалился в окно её, стекло зазвенело, и Марья Кириловна взглянула на двор и увидела маленького Сашу, делающего ей тайные знаки. Она знала его привязанность и обращалась к нему. Она отворила окно.

— Здравствуй, Саша, — сказала она, — зачем ты меня зовёшь?

— Я пришёл, сестрица, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. Папенька сердит и запретил всему дому вас слушаться, но велите мне сделать, что вам угодно, и я для вас всё сделаю.

— Спасибо, милый мой Сашенька, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?

— Знаю, сестрица.

— Так если ты меня любишь, сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо, да смотри же, чтоб никто тебя не видал.

С этим словом она бросила ему кольцо и заперла окошко.

Мальчик поднял кольцо, во весь дух пустился бежать и в три минуты очутился у заветного дерева. Тут он остановился задыхаясь, оглянулся во все стороны и положил кольцо в дупло. Окончив дело благополучно, хотел он тот же час донести о том Марье Кириловне, как вдруг оборванный мальчишка, рыжий и косой, мелькнул из-за беседки, кинулся к дубу и запустил руку в дупло. Саша быстрее белки бросился к нему и зацепился за его обеими руками.

— Что ты здесь делаешь? — сказал он грозно.

— Тебе какое дело? — отвечал мальчишка, стараясь от него освободиться.

— Оставь это кольцо, рыжий заяц, — кричал Саша, — или я проучу тебя по-свойски.

Вместо ответа тот ударил его кулаком по лицу, но Саша его не выпустил и закричал во всё горло: «Воры, воры! сюда, сюда...»

Мальчишка силился от него отделаться. Он был, по видимому, двумя годами старее Саши и гораздо его сильнее, но Саша был увёртливее. Они боролись несколько минут, наконец рыжий мальчик одолел. Он повалил Сашу наземь и схватил его за горло.

Но в это время сильная рука вцепилась в его рыжие и щетинистые волосы, и садовник Степан приподнял его на пол-аршина от земли...

— Ах ты, рыжая бестия, — говорил садовник, — да как ты смеешь бить маленького барина...

Саша успел вскочить и оправиться.

— Ты меня схватил под силки, — сказал он, — а то бы никогда меня не повалил. Отдай сейчас кольцо и убрайся.

— Как не так, — отвечал рыжий и, вдруг перевернувшись на одном месте, освободил свои щетины от руки Степановой. Тут он пустился было бежать, но Саша догнал его, толкнул в спину, и мальчишка упал со всех ног. Садовник снова его схватил и связал кушаком.

— Отдай кольцо! — кричал Саша.

— Погоди, барин, — сказал Степан, — мы сведём его на расправу к приказчику.

Садовник повёл пленника на барский двор, а Саша его сопровождал, с беспокойством поглядывая на свои шаровары, разорванные и замаранные зеленью. Вдруг все трое очутились перед Кирилом Петровичем, идущим осматривать свою конюшню.

— Это что? — спросил он Степана.

Степан в коротких словах описал всё происшествие. Кирилл Петрович выслушал его со вниманием.

— Ты, повеса, — сказал он, обратясь к Саше, — за что ты с ним связался?

— Он украл из дупла кольцо, папенька, прикажите отдать кольцо.

— Какое кольцо, из какого дупла?

— Да мне Марья Кириловна... да то кольцо...

Саша смущался, спутался. Кирила Петрович нахмурился и сказал, качая головою:

— Тут замешалась Марья Кириловна. Признавайся во всём, или так отдеру тебя розгою, что ты и своих не узнаешь.

— Ей-богу, папенька, я, папенька... Мне Марья Кириловна ничего не приказывала, папенька.

— Степан, ступай-ка да срежь мне хорошенъкую, свежую берёзовую розгу...

— Постойте, папенька, я всё вам расскажу. Я сегодня бегал по двору, а сестрица Марья Кириловна открыла окошко, и я подбежал, и сестрица не нарочно уронила кольцо, а я спрятал его в дупло, и... и... этот рыжий мальчик хотел кольцо украсть.

— Не нарочно уронила, а ты хотел спрятать... Степан, ступай за розгами.

— Папенька, погодите, я всё расскажу. Сестрица Марья Кириловна велела мне сбегать к дубу и положить кольцо в дупло, я и сбежал и положил, а этот скверный мальчик...

Кирила Петрович обратился к скверному мальчику и спросил его грозно: «Чей ты?»

— Я дворовый человек господ Дубровских, — отвечал рыжий мальчик.

Лицо Кирила Петровича омрачилось.

— Ты, кажется, меня господином не признаёшь, добро, — отвечал он. — А что ты делал в моём саду?

— Малину крал, — отвечал мальчик с большим равнодушием.

— Ага, слуга в барина: каков поп, таков и приход, а малина разве растёт у меня на дубах?

Мальчик ничего не отвечал.

— Папенька, прикажите ему отдать кольцо, — сказал Саша.

— Молчи, Александр, — отвечал Кирила Петрович, — не забудь, что я собираюсь с тобою разделаться. Ступай в свою комнату. Ты, косой, ты мне кажешься малый не промах. Отдай кольцо и ступай домой.

Мальчик разжал кулак и показал, что в его руке не было ничего.

— Если ты мне во всём признаешься, так я тебя не выsekу, а дам ещё пятак на орехи. Не то я с тобою сделаю то, чего ты не ожидаешь. Ну!

Мальчик не отвечал ни слова и стоял, потупя голову и приняв на себя вид настоящего дурачка.

— Добро, — сказал Кирила Петрович, — запереть его куда-нибудь да смотреть, чтоб он не убежал, или со всего дома шкуру спущу.

Степан отвёл мальчишку на голубятню, запер его там и приставил смотреть за ним старую птичницу Агафию.

— Сейчас ехать в город за исправником, — сказал Кирила Петрович, проводив мальчика глазами, — да как можно скорее.

«Тут нет никакого сомнения. Она сохранила сношения с проклятым Дубровским. Но ужели и в самом деле она звала его на помощь? — думал Кирила Петрович, расхаживая по комнате и сердито насвистывая «Гром победы». — Может быть, я наконец нашёл на его горячие следы, и он от нас не увернётся. Мы воспользуемся этим случаем. Чу! колокольчик, слава Богу, это исправник».

— Гей, привести сюда мальчишку пойманного.

Между тем тележка въехала на двор, и знакомый уже нам исправник вошёл в комнату весь запылённый.

— Славная весть, — сказал ему Кирила Петрович, — я поймал Дубровского.

— Славу Богу, ваше превосходительство, — сказал исправник с видом обрадованным, — где же он?

— То есть не Дубровского, а одного из его шайки. Сейчас его приведут. Он пособит нам поймать самого атамана. Вот его и привели.

Исправник, ожидавший грозного разбойника, был изумлён, увидев тринадцатилетнего мальчика, довольно слабой наружности. Он с недоумением обратился к Кирилу Петровичу и ждал объяснения. Кирила Петрович стал

тут же рассказывать утреннее происшествие, не упоминая, однако ж, о Марье Кириловне.

Исправник выслушал его со вниманием, поминутно взглядывая на маленького негодяя, который, прикинувшись дурачком, казалось, не обращал никакого внимания на всё, что делалось около него.

— Позвольте, ваше превосходительство, переговорить с вами наедине, — сказал наконец исправник.

Кирила Петрович повёл его в другую комнату и запер за собою дверь.

Через полчаса они вышли опять в залу, где невольник ожидал решения своей участи.

— Барин хотел, — сказал ему исправник, — посадить тебя в городской острог, выстегать плетьми и сослать потом на поселение, но я вступился за тебя и выпросил тебе прощение. Развязать его.

Мальчика развязали.

— Благодари же барина, — сказал исправник. Мальчик подошёл к Кирилу Петровичу и поцеловал у него руку.

— Ступай себе домой, — сказал ему Кирила Петрович, — да вперёд не крадь малины по дуплам.

Мальчик вышел, весело спрыгнул с крыльца и пустился бегом, не оглядываясь, через поле в Кистенёвку. Добежав до деревни, он остановился у полуразвалившейся избушки, первой с края, и постучался в окошко; окошко поднялось, и старуха показалась.

— Бабушка, хлеба, — сказал мальчик, — я с утра ничего не ел, умираю с голоду.

— Ах, это ты, Митя, да где ж ты пропадал, бесёнок, — отвечала старуха.

— После расскажу, бабушка, ради Бога, хлеба.

— Да войди ж в избу.

— Некогда, бабушка, мне надо сбегать ещё в одно место. Хлеба, ради Христа, хлеба.

— Экой непосед, — проворчала старуха, — на, вот тебе ломотик, — и сунула в окошко ломоть чёрного хлеба. Мальчик жадно его прикусил и, жуя, мигом отправился далее.

Начинало смеркаться. Митя пробирался овинами и огородами в Кистенёвскую рощу. Дошёдши до двух сосен, стоящих передовыми стражами рощи, он остановился, оглянулся во все стороны, свистнул свистом пронзительным и отрывисто и стал слушать; лёгкий и продолжительный свист послышался ему в ответ, кто-то вышел из рощи и приблизился к нему.

ГЛАВА XVIII

Кирила Петрович ходил взад и вперёд по зале, громче обыкновенного насвистывая свою песню; весь дом был в движении, слуги бегали, девки сутились, в сарае кучера закладывали карету, на дворе толпился народ. В уборной барышни, перед зеркалом дама, окружённая служанками, убирала бледную, неподвижную Марью Кириловну, голова её томно клонилась под тяжестью бриллиантов; она слегка вздрогивала, когда неосторожная рука укалывала её, но молчала, бессмысленно глядясь в зеркало.

— Скоро ли? — раздался у дверей голос Кирилы Петровича.

— Сию минуту, — отвечала дама, — Марья Кириловна, встаньте, посмотритесь, хорошо ли?

Марья Кириловна встала и не отвечала ничего. Двери отворились.

— Невеста готова, — сказала дама Кирилу Петровичу, — прикажите садиться в карету.

— С Богом, — отвечал Кирила Петрович, взяв со стола образ, — подойди ко мне, Маша, — сказал он ей тронутым голосом, — благословляю тебя... — Бедная девушка упала ему в ноги и зарыдала.

— Папенька... папенька... — говорила она в слезах, и голос её замирал. Кирила Петрович спешил её благословить, её подняли и почти понесли в карету. С нею села пассажёная мать и одна из служанок. Они поехали в церковь. Там жених уж их ожидал. Он вышел навстречу невесты и

был поражен её бледностию и странным видом. Они вместе вошли в холодную, пустую церковь; за ними заперли двери. Священник вышел из алтаря и тотчас же начал. Марья Кириловна ничего не видала, ничего не слыхала, думала об одном; с самого утра она ждала Дубровского, надеялась ни на минуту её не покидала, но когда священник обратился к ней с обычными вопросами, она содрогнулась и обмерла, но ещё медлила, ещё ожидала; священник, не дождавшись её ответа, произнёс невозвратимые слова.

Обряд был кончен. Она чувствовала холодный поцелуй немилого супруга, она слышала весёлые поздравления присутствующих и всё ещё не могла поверить, что жизнь её была навеки окована, что Дубровский не прилетел освободить её. Князь обратился к ней с ласковыми словами, она их не поняла; они вышли из церкви, на паперти толпились крестьяне из Покровского. Взор её быстро их обежал и снова оказал прежнюю бесчувственность. Молодые сели вместе в карету и поехали в Арбатово; туда же отправился Кирил Петрович, дабы встретить там молодых. Наедине с молодою женой князь нимало не был смущён её холодным видом. Он не стал докучать ей приторными изъяснениями и смешными восторгами, слова его были просты и не требовали ответов. Таким образом проехали они около десяти вёрст, лошади неслись быстро по кочкам просёлочной дороги, и карета почти не качалась на своих английских рессорах. Вдруг раздались крики погони, карета остановилась, толпа вооружённых людей окружила её, и человек в полумаске, отворив дверцы со стороны, где сидела молодая княгиня, сказал ей: «Вы свободны, выходите». — «Что это значит! — закричал князь, — кто вы такой?» — «Это Дубровский», — сказала княгиня. Князь, не теряя присутствия духа, вынул из бокового кармана дорожный пистолет и выстрелил в маскированного разбойника. Княгиня вскрикнула и с ужасом закрыла лицо обеими руками. Дубровский был ранен в плечо, кровь показалась, князь, не теряя ни минуты, вынул другой пистолет. Но ему не дали времени выстрелить, дверцы раствор-

рились, и несколько сильных рук вытащили его из кареты и вырвали у него пистолет. Над ним засверкали ножи.

— Не трогать его! — закричал Дубровский, и мрачные его сообщники отступили.

— Вы свободны, — продолжал Дубровский, обращаясь к бледной княгине.

— Нет, — отвечала она. — Поздно, я обвенчана, я жена князя Верейского.

— Что вы говорите, — закричал в отчаянии Дубровский, — нет, вы не жена его, вы были приневолены, вы никогда не могли согласиться...

— Я согласилась, я дала клятву, — возразила она с твердостию, — князь мой муж, прикажите освободить его и оставьте меня с ним. Я не обманывала. Я ждала вас до последней минуты... Но теперь, говорю вам, теперь поздно. Пустите нас.

Но Дубровский уже её не слышал, боль раны и сильные волнения души лишили его силы. Он упал у колеса, разбойники окружили его. Он успел сказать им несколько слов, они посадили его верхом, двое из них его поддерживали, третий взял лошадь под уздцы, и все поехали в сторону, оставя карету посреди дороги, людей связанных, лошадей отпряженных, но не разграбя ничего и не пролив ни единой капли крови в отмщение за кровь своего атамана.

ГЛАВА XIX

Посреди дремучего леса на узкой лужайке возвышалось маленькое земляное укрепление, состоящее из вала и рва, за коим находилось несколько шалашей и землянок.

На дворе множество людей, коих по разнообразию одежды и по общему вооружению можно было тотчас признать за разбойников.

«Все ли здесь?» — спросил Дубровский. «Все, кроме дозорных», — отвечали ему. «По местам!» — закричал Дубровский. И разбойники заняли каждый определённое место. В сие время трое дозорных прибежали к воротам. Дубровский пошёл к ним навстречу. «Что такое?» — спросил он их. «Солдаты в лесу, — отвечали они, — нас окружают». Дубровский велел запереть ворота и сам пошёл освидетельствовать пушечку. По лесу раздалось несколько голосов и стали приближаться; разбойники ожидали в безмолвии. Вдруг три или четыре солдата показались из лесу и тотчас подались назад, выстрелами дав знать товарищам. «Готовиться к бою», — сказал Дубровский, и между разбойниками сделался шорох, снова всё утихло. Тогда услышали шум приближающейся команды, оружия блеснули между деревьями, человек полтораста солдат высыпало из лесу и с криком устремились на вал. Дубровский приставил фитиль, выстрел был удачен: одному оторвало голову, двое были ранены. Между солдатами произошло смятение, но офицер бросился вперёд, солдаты за ним последовали и сбежали в ров; раз-

бойники выстрелили в них из ружей и пистолетов и стали с топорами в руках защищать вал, на который лезли остервенелые солдаты, оставя во рву человек двадцать раненых товарищей. Рукопашный бой завязался, солдаты уже были на валу, разбойники начали уступать, но Дубровский, подошед к офицеру, приставил ему пистолет ко груди и выстрелил, офицер грянулся навзничь. Несколько солдат подхватили его на руки и спешали унести в лес, прочие, лишась начальника, остановились. Ободрённые разбойники воспользовались сей минутою недоумения, смяли их, стеснили в ров, осаждающие побежали, разбойники с криком устремились за ними. Победа была решена. Дубровский, полагаясь на совершённое расстройство неприятеля, остановил своих и заперся в крепости, приказав подобрать раненых, удвоив караулы и никому не велев отлучаться.

Последние происшествия обратили уже не на шутку внимание правительства на дерзновенные разбои Дубровского. Собраны были сведения о его местопребывании. Отправлена была рота солдат, дабы взять его мёртвого или живого. Поймали несколько человек из его шайки и узнали от них, что уж Дубровского между ими не было. Несколько дней после сражения он собрал всех своих сообщников, объявил им, что намерен навсегда их оставить, советовал и им переменить образ жизни. «Вы разбогатели под моим начальством, каждый из вас имеет вид, с которым безопасно может пробраться в какую-нибудь отдалённую губернию и там провести остальную жизнь в честных трудах и в изобилии. Но вы все мошенники и, вероятно, не захотите оставить ваше ремесло». После сей речи он оставил их, взяв с собою одного. Никто не знал, куда он девался. Сначала сумневались в истине сих показаний: приверженность разбойников к атаману была известна. Полагали, что они старались о его спасении. Но последствия их оправдали; грозные посещения, пожары и грабежи прекратились. Дороги стали свободны. По другим известиям узнали, что Дубровский скрылся за границу.

1832—1833

ПОРАЗМЫШЛЯЕМ О ПРОЧИТАННОМ

«Пушкин в «Дубровском» внешне продолжает традиции «разбойничьего» романа: главный герой — молодой дворянин, порвавший со своим классом, вставший во главе шайки разбойников, чтобы мстить за обиду, ему нанесённую. В романе мы видим и излюбленное у романтиков положение: разбойник в доме своего обидчика... Любовь

А.С. Пушкин.
Художник В.В. Матэ. 1899 г.

молодого разбойника к дочери его врага — тоже характерный мотив для романтического «разбойничьего» романа. Но эту традицию Пушкин продолжил на совершенно новой основе. Он обратился к русской действительности, и из-под его пера вышел реалистический роман...

Пушкин правдиво нарисовал образ «старинного русского барина» Кирилы Петровича Троекурова. От природы он неплохой человек, его связывают добрые товарищеские отношения с небогатым помещиком Дубровским, ему свойственны человеческие порывы, совесть его мучит: после того как он отобрал поместье у своего бывшего товарища, он едет мириться к нему, он любит свою dochь Машу. Но безграничная власть над принадлежащими ему людьми превращает его в деспота, самодура. И лучшие человеческие черты Троекурова принимают уродливые формы. Троекуров губит Дубровского только из-за того, что тот посмел перечить ему; несмотря на всю свою любовь к дочери, он по своей прихоти отдает её замуж за старого князя Верейского. Троекуров — типичный барин-крепостник, порочный и невежественный...»

*Из послесловия В.А. Мануйлова и Е.В. Холшевниковой
к роману «Дубровский».*

Согласны ли вы с этим суждением?

Для вас, любознательные

На сюжет романа написана опера Э.Ф. Направника «Дубровский» (1894), которая прочно вошла в репертуар музыкальных театров. В России и за рубежом роман экранизировали, по его мотивам создавалось множество иллюстраций художниками Б. М. Кустодиевым, А.Ф. Пахомовым, Д.А. Шмариновым.

1. Вы прочитали о том, что послужило основой романа «Дубровский». Как вы думаете, почему автор решил дать другие фамилии своим героям и назвать своё произведение «Дубровский», а не «Островский»?
2. Вы впервые встречаетесь с таким крупным произведением — романом. Понравился ли вам роман? Какова его основная идея?
3. Что выделяло Троекурова и Дубровского из среды других помещиков? Каково отношение автора к каждому из них и как это проявилось?
4. Расскажите о ссоре Дубровского и Троекурова. На чьей стороне автор? Кто виноват в ссоре?
5. Какова причина принятого судом решения? Как относятся Дубровский и автор к постановлению суда?
6. Кто вызвал Владимира Дубровского домой и почему? Что вы могли бы рассказать о характере младшего Дубровского? Меняется ли он на протяжении романа?
7. Зачем автор вводит в речь Антона пословицы: «Плетью обуха не перешибёшь», «Было бы корыто, а свиньи-то будут», «На чужой рот пуговицы не нашьёшь»? Дайте письменно истолкование любой понравившейся вам пословицы. Как, судя по пословицам, простые люди отнеслись к ссоре господ? Какие черты народного характера раскрываются автором в образе Архипа?
8. Составьте словарик эпохи, воспользовавшись для работы «Толковым словарём» В.И. Даля. Дайте толкование слов: *губерния, отъезжее поле, приказчик, генерал-аншеф, заседатель, псари, стремянные, штаб-лекарь, холоп, писарь, проптавить, картуз, фризовая шинель* и др.
9. Зачем, по-вашему, в романе переставлены события таким образом, что мы лишь в XI главе узнаём, что Дефорж и Дубровский одно и то же лицо? Восстановите хронологическую последовательность событий.

10. Заполните таблицу: «Князь Верейский и Владимир Дубровский в судьбе Марии Кирилловны», опираясь на текст романа А.С. Пушкина.

	Дубровский	Верейский
Портрет		
Поведение в доме Троекуровых		
Ключевые эпизоды		
Отношение к Маше		

11. Как вы объясняете жестокое отношение Троекурова к любимой дочери и выбор Верейским спутницы жизни?

12. В какой роли главный герой Владимир Дубровский показался наиболее привлекательным?

13. Почему Маша не приняла свободу из рук Дубровского и ожидали ли вы такой развязки?

14. Какие эпизоды романа выбрал художник Б.М. Кустодиев для иллюстрирования? Найдите их в тексте и прочитайте выразительно.

Живое слово

1. Рассмотрите иллюстрацию на с. 196. Составьте по ней связный рассказ.

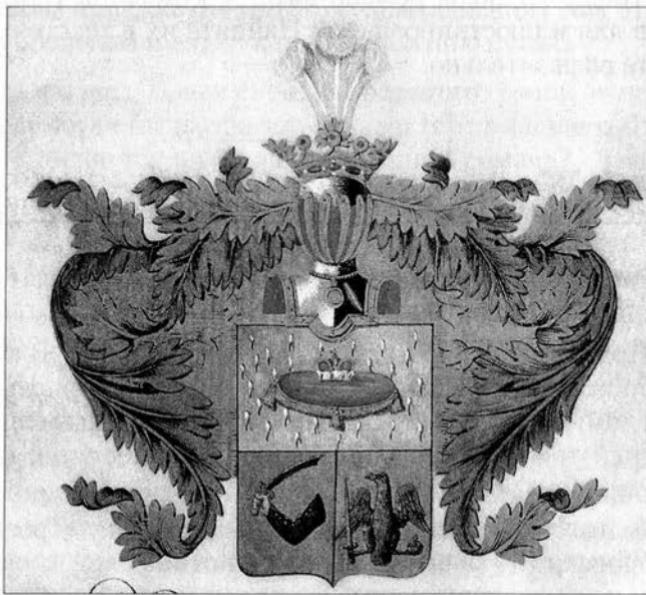
2. Подготовьте пересказ-анализ «Три жизни Владимира Дубровского»: «Жизнь в Петербурге», «Возвращение в родной дом», «Дубровский в роли Дефоржа». Письменно кратко подытожьте ваши наблюдения. Как меняется герой на протяжении романа?

3. Подготовьте сравнительную характеристику «Троекуров — Дубровский» (занятия, интересы, отношение к окружающим и окружающих к ним, основные черты характеров и их проявление в различных ситуациях).

4. Перечитайте статью учебника «О романе «Дубровский». Воспользовавшись пушкинской подсказкой, допишите его вариант финала или придумайте свой.

1. Подготовьте буклете «Русская усадьба XIX века». При его подготовке можете использовать иллюстрации, фотографии, например, Архангельского, Тригорского, Болдино. Познакомьте одноклассников с вашей работой в форме заочной экскурсии.
2. Выберите любой из предложенных фрагментов и подготовьте его инсценировку: «История с кольцом», «Благородные увеселения русского барина», «Обед в доме Троекурова», «Странное пробуждение Спицына», «Последнее свидание Маши и Дубровского».
3. Как вы себе представляете герб рода Дубровских, герб рода Троекуровых? Нарисуйте их, объясните свой замысел.

Герб рода Пушкиных

МИХАИЛ
ЮРЬЕВИЧ
ЛЕРМОНТОВ
1814—1841

Короткой и трагичной была жизнь Михаила Юрьевича Лермонтова. Детские годы поэта были омрачены несложившимися отношениями родителей, ссорой отца с бабушкой, ранней смертью матери. Мальчик остался на руках горячо любившей его бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. Его детство прошло в её имении Тарханы в Пензенской губернии.

Будущий поэт учился в Московском университете в Благородном пансионе, затем на политическом (позже — словесном) отделении Московского университета, но курса не окончил и поступил в школу юнкеров. После окончания школы стал офицером Гусарского полка. Впрочем, это лишь некоторые факты биографии.

О личности М.Ю. Лермонтова и его роли в истории литературы писал русский литератор и общественный деятель Александр Иванович Герцен¹. Прочтите фрагменты его статьи, в которой воссоздан образ гениального русского поэта.

¹ Герцен Александр Иванович (1812—1870) — в 1830—1832 гг. одновременно с Лермонтовым учился в Московском университете, но лично знаком с поэтом не был.

Рядом с Пушкиным стоит другой поэт — его младший современник, потомок одного из виднейших родов русской аристократии. Как и большинство русских дворян, он с юных лет служил в гвардии. Стихотворение, написанное им на смерть Пушкина, повлекло за собой ссылку на Кавказ: Лермонтов так глубоко полюбил тот край, что его в известном смысле можно считать певцом Кавказа.

Жизнь Лермонтова, хотя он обладал полной материальной независимостью, была тем не менее сплошной цепью страданий, о чём достаточно красноречиво говорят его стихотворения. Преданный и открытый в дружбе, непоколебимый и бесстрашный в ненависти, он не раз должен был испытать горечь разочарования. Выросший в обществе, где невозможно было открыто высказать всё, что переполняло его, он был обречён выносить тягчайшую из человеческих пыток — молчать при виде несправедливости и угнетения. С душою, горевшей любовью к прекрасному и свободному, он был вынужден жить в обществе, которое прикрывало своё раболепие и разврат фальшивым блеском показного великолепия. Первая же попытка выразить бурлившее в его душе возмущение — ода на смерть Пушкина — навлекла на него изгнание. Путь активной борьбы для него был закрыт, единственное, чего у него не могли отнять, был его поэтический гений, и когда душа его переполнялась, он обращался к поэзии, вызывая к жизни полные мучительной боли звуки, патетические мелодии, язвительную сатиру или любовную песнь. Его произведения — всегда правдивое выражение глубоко пережитого.

Произведения Лермонтова отражают прежде всего его собственный мир — радости и печали, надежды и переживания. Герои Лермонтова — часть его самого; его стихотворения — самая полная его биография...

Обладая живой и впечатлительной натурой, громадной наблюдательностью, удивительной способностью

впитывать в себя впечатления других... Лермонтов, куда бы ни обращал мысль, всегда остаётся на твёрдой почве реальности, и этому-то мы и обязаны исключительной точности, свежести и правдивости его эпических поэм, равно как и беспощадной искренности его лирики, которая всегда есть правдивое зеркало его души.

По А.И. Герцену

Вопросы и задания

1. Каким предстаёт перед вами Лермонтов в изображении А.И. Герцена?
2. Какие особенности поэтического наследия Лермонтова отмечаются в статье?

Для вас, любознательные

ПО СТРАНИЦАМ КНИГИ И.Л. АНДРОНИКОВА «ЛЕРМОНТОВ»

(К творческой истории стихотворения «Тучи»)

«16 февраля 1840 года в доме графини Лаваль в разгар бала словно невзначай вспыхнула ссора Лермонтова с сыном французского посла де Баранта — Эрнестом.

Молодому французу сообщили эпиграмму Лермонтова, писанную ещё в юнкерской школе по адресу совершенно другого лица, и уверили, что поэт оскорбил в этом четверостишии именно его, да ещё будто бы дурно отзывался о нём в разговоре с одной дамой.

На балу Барант подошёл к Лермонтову и потребовал от него объяснений. Лермонтов заверил, что ничего плохого о нём не говорил. Барант не успокоился.

— Если переданные мне сплетни верны, — сказал он, — то вы поступили весьма дурно!

Лермонтов остановил его.

— Выговоров и советов не принимаю, — строго сказал он, — и нахожу ваше поведение весьма смешным и дерзким.

Тогда Барант воскликнул запальчиво:

— Если бы я был в своём отечестве, то знал бы, как кончить это дело! Вы пользуетесь тем, что мы в стране, где запрещена дуэль!

— Это ничего не значит, — возразил ему Лермонтов. — Я весь к вашим услугам. Поверьте, что в России следуют правилам чести так же строго, как и везде. И мы, русские, меньше других позволяем себя оскорблять безнаказанно.

Дуэль состоялась 18 февраля рано утром на Парголовской дороге, за Чёрной речкой, недалеко от того места, где Пушкин стрелялся с Дантесом.

Дуэль окончилась бескровно: одна шпага переломилась, перешли на пистолеты, и Барант, хотя и целил, промахнулся, а Лермонтов уже после этого разрядил пистолет, выстрелив в сторону. Противники помирились и разъехались.

Но тайными путями о дуэли стало известно начальству. Лермонтова арестовали и предали военному суду за «недонесение о дуэли». А молодому Баранту, чтобы не привлекать его к судебному следствию, министр иностранных дел граф Нессельроде в частной беседе посоветовал выехать на некоторое время за границу.

Лермонтов вышел на дуэль, чтобы защитить честь русского перед иностранцем. В чём можно было его обвинить?

Тогда, чтобы нанести урон чести Лермонтова — скомпрометировать его в глазах общества и вызвать новое недовольство во французском посольстве, — Бенкендорф пустил слух, что поэт дал на суде ложные показания, оскорбительные для его противника.

Слух этот достиг французского посольства, и молодой Барант, разъезжая с визитами, стал повсюду поносить Лермонтова, обвиняя его во лжи.

Узнав об этом, Лермонтов подкупил тюремную стражу и с помощью своих приятелей вызвал Баранта для объяснений. Француз, которому настойчиво рекомендовали покинуть Петербург, задержался и выехать не успел. Его привезли к Лермонтову на гауптвахту, и они условились снова стреляться на дуэли, после того как Лермонтов отбудет наказание за первую.

Таким образом, расчёты Бенкендорфа осуществились: суд ещё не выносил приговора, а в запасе был уже новый выстрел.

Наконец приговор был вынесен и утверждён: царь распорядился снова сослать Лермонтова на Кавказ, в армейский полк, воевавший в самом отдалённом и опасном пункте Кавказской линии. Как раз в те дни Николаю I стало известно, что Тенгинский пехотный полк оказался в бедственном положении и несёт жесточайшие потери. Вот в этот-то полк он и решил отправить Лермонтова — почти на верную гибель.

Кавказ. Малая Чечня. Крепость Грозная.
Рисунок А.П. Дьяконова. Середина XIX в.

Сохранились сведения, что перед отъездом из Петербурга Лермонтов заехал проститься к друзьям, в доме которых постоянно бывал начиная с 1838 года, — к Карамзинам. Из окна были видны весенние тучи, плывшие над Фонтанкой и деревьями Летнего сада. И будто бы тут же Лермонтов сочинил и прочёл стихотворение «Тучи», заключавшее в себе иносказательный смысл, намекавший на личную и политическую судьбу опального автора».

Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники,
С милого севера в сторону южную.

Кто же вас гонит: судьбы ли решение?
Зависть ли тайная? злоба ль открытая?
Или на вас тяготит преступление?
Или друзей клевета ядовитая?

Нет, вам наскучили нивы бесплодные...
Чужды вам страсти и чужды страдания;
Вечно холодные, вечно свободные,
Нет у вас родины, нет вам изгнания.

1840

Художник Ф.Д. Константинов. 1950-е гг.

Вопросы и задания

1. Как вы представляете картину, нарисованную поэтом в первой строфе? Какие краски вы бы выбрали, рисуя иллюстрации к стихотворению?
2. О чём рассказывает Лермонтов с помощью риторических (не требующих ответов) вопросов?
3. В чём видит поэт сходство и различие между своей судьбой и судьбой туч?
4. Сформулируйте основную мысль стихотворения.
5. Расскажите о настроении, которое вызвала у вас гравюра художника Ф.Д. Константина. Соответствует ли это настроение вашему эмоциональному восприятию лермонтовского стихотворения?

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

1. Внимательно и медленно ещё раз перечитайте стихотворение. Выпишите отдельно сравнения, эпитеты, лексические повторы.
2. Опишите картину, нарисованную поэтом в первой строфе. Найдите ключевые слова, создающие настроение. Какова роль метафор «Степью лазурною», «цепью жемчужною»? Что общего и в чём различие в значениях слов: «странники» и «изгнанники»?
3. В чём необычность построения предложений во второй строфе? Какую роль играет перечисление существительных и какие оттенки им придают прилагательные?
4. Каково значение слова «тяготит» в стихотворении? В каких выражениях встречается это слово в современной речи? Проиллюстрируйте примерами.
5. Какую роль играют в стихотворении эпитеты?
6. Какую роль во второй строфе играет пунктуация?
7. Какой повтор использует Лермонтов в третьей строфе стихотворения? Какое настроение он подчёркивает, применяя этот приём?

Каждая строфа стихотворения выполняет строго определённую задачу. Её основное назначение записано в колонке слева.

Сообщение факта	Тучки небесные, вечные странники! Степью лазурною, цепью жемчужною Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники С милого севера в сторону южную.
Поиск истины	Кто же вас гонит: судьбы ли решение? Зависть ли тайная? злоба ль открытая? Или на вас тяготит преступление? Или друзей клевета ядовитая?
Разрешение проблемы	Нет, вам наскучили нивы бесплодные... Чужды вам страсти и чужды страдания; Вечно холодные, вечно свободные, Нет у вас родины, нет вам изгнания.

Главный вывод: стихотворение «Тучи» построено на характерном фольклорном приёме — приёме противопоставления. Свободному странничеству туч противопоставлено невольное изгнаничество героя.

Композиция — построение художественного произведения.

Антитеза — резко выраженное противопоставление понятий или явлений. Антитеза усиливает эмоциональную окраску речи и подчёркивает высказываемую с её помощью мысль. Иногда по принципу антитезы построено всё произведение.

Живое слово

В основе лермонтовского стихотворения лежит настроение, переживание поэта. Попробуйте передать своё настроение через описание природы стихами или прозой, назвав свою зарисовку: «Песня капели», «Золотой терем осени», «В чертогах зимы», «Половодье летних красок». Можете подобрать название миниатюры самостоятельно, отобразив в нём «пейзаж своей души».

ПАРУС

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! он счаствия не ищет
И не от счаствия бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

1832

Вопросы и задания

1. Какие картины представляются вам при чтении стихотворения?
2. Обратите внимание: поэт, рисуя морской пейзаж, совмещает несовместимое — картины бури и штиля на море. Зачем он делает это?
3. Найдите в тексте: а) эпитеты, с помощью которых поэт создаёт противоречивый образ паруса, и объясните их значения; б) строчки (синтаксические конструкции), подчёркивающие двойственность изображения паруса.
4. Какая часть речи преобладает в первой строфе, а какая во второй? Чем вы объясните такой выбор поэта?
5. Какова основная мысль стихотворения?

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА

Стихотворение насыщено художественно-выразительными средствами: повторами, антitezой, метафорами; наиболее ярким приёмом для данного текста является употребление инверсии.

Инверсия — изменение обычного порядка слов в предложении с целью подчеркнуть смысловую значимость какого-либо слова или придать фразе особую стилистическую окрашенность. При удачной инверсии резко меняющаяся интонация придаёт стиху большую выразительность.

1. Из стихотворения «Парус» выпишите инверсии. В скобках обозначьте их грамматическую форму. Например: «<...> парус одинокий» (подлежащее — определение). Какого эффекта достигает поэт, обращаясь к инверсии в стихотворении «Парус»?

Но не только инверсия участвует в создании особого эмоционального строя стихотворения. Важное значение имеет и интонация конца предложения как в отдельных строфах, так и в стихотворении в целом.

2. Обратите внимание на пунктуацию каждой строфы. Каждое предложение заканчивается либо многоточием, либо вопросительной или восклицательной интонацией. Как вы думаете, чего достигает этим поэт?

3. Подчеркните в последней строфе стихотворения самое главное для понимания идеи произведения слово. Запишите к нему синонимы и антонимы.

4. Какие слова (части речи) передают состояние бури?

Для усиления образности произведения М.Ю. Лермонтов часто использует *метафору* — скрытое сравнение, возникающее на основе какого-либо сходства между предметами.

5. Слово «золотой» в прямом значении — это «сделанный из золота» (золотое кольцо, золотая брошь). В стихотворении Лермонтова слово «золотой» употреблено в словосочетании «луч солнца золотой». Определите переносное (метафорическое) значение этого слова, использовав сравнительную конструкцию.

Образец: золотые волосы — волосы жёлтые, как золото.

6. Цветообраз играет важную роль в создании художественного впечатления. Запишите все цвета и оттенки, которые использованы в стихотворении. Для этого выпишите все слова, где цвет назван или ощущение цвета присутствует.

Определите: Лермонтов использует близкие или разнообразные цвета и оттенки?

ПОДАРОК В.Ф. ОДОЕВСКОГО

«Накануне отъезда Лермонтов заехал проститься с другом своим — писателем В.Ф. Одоевским. Он был грустен и говорил о скорой смерти. Одоевский на прощание подарил ему небольшой альбом в коричневом кожаном переплете. Все страницы этого альбома были чистые. На первой странице Одоевский сделал надпись: «Поэту Лермонтову даётся сия моя старая и любимая книга с тем, чтобы он возвратил мне её сам, и всю исписанную».

Если поэт должен был возвратить эту книжку «сам», значит, он говорил Одоевскому, что самому ему книжку возвратить уже не придётся!

На другой день Лермонтов уехал из Петербурга.

Первые страници альбома он заполнил, очевидно, в пути. Экипаж тряслось, поэтому строчки получились кривые и неразборчивые. Сначала Лермонтов стал работать над

М.Ю. Лермонтов.
Рисунок П.Е. Заболотского.
1839 г.

В.Ф. Одоевский.
Гравюра на стали.
Середина XIX в.

стихотворением «Спор», потом написал «Сон», «Утёс», «Листок», «Выхожу один я на дорогу» — стихотворения, одно лучше другого. Сперва он писал стихи начерно с одного конца альбома, карандашом. Затем переворачивал альбом и с другого конца писал набело чернилами.

С книжкой Одоевского он не расставался до конца жизни».

И.Л. Андроников

Живое слово

1. Подготовьте в классе несколько вариантов чтения стихотворения «Парус» так, чтобы каждый раз подчеркнуть различные оттенки смысла стихотворного текста.
2. Попробуйте самостоятельно дать характеристику стихотворению М.Ю. Лермонтова «Листок». В качестве образца для рассуждений используйте материалы к стихотворениям «Тучи» и «Парус». Обратитесь к таким понятиям, как олицетворение, аллегория, антитеза.

ЛИСТОК

Дубовый листок оторвался от ветки родимой
И в степь укатился, жестокою бурей гонимый;
Засох и увял он от холода, зноя и горя;
И вот наконец докатился до Чёрного моря.

У Чёрного моря чинара стоит молодая;
С ней шепчется ветер, зелёные ветви лаская;
На ветвях зелёных качаются райские птицы;
Поют они песню про славу морской царь-девицы.

И странник прижался у корня чинары высокой;
Приюта на время он молит с тоскою глубокой,
И так говорит он: «Я бедный листочек дубовый,
До срока созрел я и вырос в отчизне суровой.

Один и без цели по свету ношуся давно я,
Засох я без тени, увял я без сна и покоя.

Прими же пришельца меж листвьев своих изумрудных,
Немало я знаю рассказов мудрёных и чудных».

«На что мне тебя? — отвечает младая чинара, —
Ты пылен и жёлт, — и сынам моим свежим не пара.
Ты много видал — да к чему мне твои небылицы?
Мой слух утомили давно уж и райские птицы.

Иди себе дальше, о странник! тебя я не знаю!
Я солнцем любима; цвету для него и блистаю;
По небу я ветви раскинула здесь на просторе,
И корни мои умывает холодное море».

1841

Живое слово

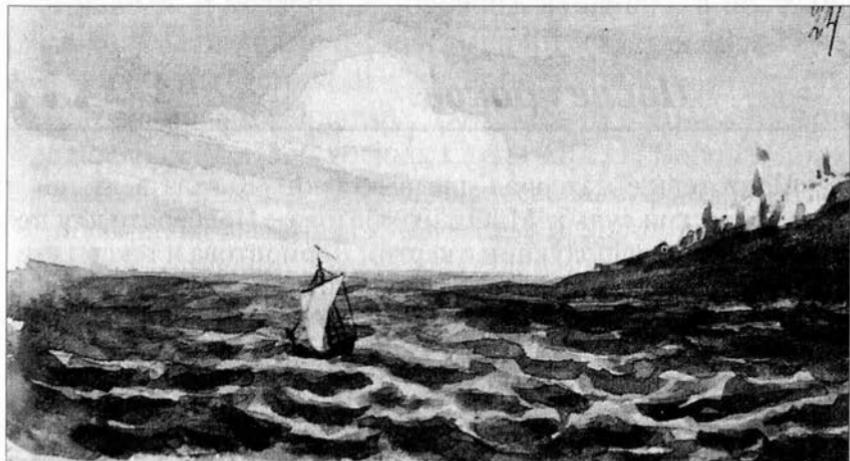
1. Перечитайте последнюю строку стихотворения «Листок». Подумайте и напишите от имени листка рассказ о его путешествии к Чёрному морю из «отчизны суровой».
2. Сочините монолог Паруса, скользящего «в луче золотом».
3. Каков мог бы быть диалог туч, мчащихся «с милого севера в сторону южную»?

Многие поэтические и живописные произведения М.Ю. Лермонтова можно найти в альбомах его друзей и знакомых. Сохранился и альбом, принадлежавший М.А. Шан-Гирей — двоюродной сестре матери Лермонтова Марии Михайловны. Его поэт впоследствии всегда возил с собой. Есть в нём стихи, начертанные подругами и знакомыми Марии Михайловны, есть стихи, начертанные её рукою, есть и строчки бабушки Елизаветы Алексеевны Арсеньевой. В альбоме можно найти единственные дошедшие до нас детские рисунки М.Ю. Лермонтова.

В том же альбоме есть акварель с изображением моря. На нём одинокая парусная лодка. В каком из прочитанных вами стихотворений встречается тот же мотив? Какую подпись вы сделали бы под рисунком?

Желание рисовать не покидало поэта до конца его жизни. По воспоминаниям современников, из постоянного опасения за судьбу внука бабушка просила его не писать стихов и не рисовать карикатур, наделавших много шума в петер-

Акварель М.Ю. Лермонтова. 1828—1832 гг.

бургском обществе. «Что же мне делать с собой... Бабушка просит меня не писать больше стихотворений и не брать в руки карандаша, — не могу, не могу», — говорил поэт.

Тематика рисунков Лермонтова неотрывна от его биографии. Большая часть из сохранившихся его картин относится к периоду странствий по Кавказу. Поэт проводил долгие часы за альбомом с карандашом или кистью в руке. «Я снял на скорую руку виды всех примечательных мест, которые посещал, и везу с собой порядочную коллекцию», — пишет Лермонтов в конце 1837 года С.А. Радевскому. Он делал зарисовки с натуры или обобщал свои впечатления в работах более позднего времени.

Советуем прочитать

Зайдите на один из поисковых сайтов (например, в Google или Rambler) и найдите материалы, связанные с биографией М.Ю. Лермонтова, стихотворения, посвящённые великому русскому поэту.

После уроков

Подготовьте материал для выставки «Кавказ в жизни и творческой судьбе М.Ю. Лермонтова». Подберите для неё не только репродукции с картин Лермонтова и тексты стихотворений поэта, но и воспоминания современников, научные издания, художественную прозу о Лермонтове.

Вот некоторые издания: М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. М., 1989; Лермонтовская энциклопедия. М., 1981; Марченко А. С подорожной по казённой надобности. М., 1984.

НИКОЛАЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ
ГОГОЛЬ
1809—1852

Одно из самых ярких творений великого русского писателя Н.В. Гоголя — героическая повесть «Тарас Бульба». Работа над ней велась в течение девяти лет — с 1833 до 1842 года. За это время были созданы две редакции повести, значительно отличающиеся друг от друга. Вот как рассказывает о ней критик и литературовед И.П. Золотусский.

«История, рассказанная в «Тарасе Бульбе» 1835 года, была историей семейной, судьба Тараса и его сыновей выставлялась на первый план, хотя и соотносилась с некой летописной канвой. В новой редакции является идея семьи-народа, и недаром запорожцы, входящие в полк Тараса, зовут его «батько», как Андрий и Остап. Вся Сечь для них одна семья, и она пополняется в редакции 1842 года новыми лицами. Это Мосий Шило, Касьян Бовдюг, Балабан, Кукубенко, Степан Гуска, Бородатый, и о каждом из них что-нибудь да рассказано, а Мосию Шило посвящена маленькая повесть — история его невольничества, описание бунта на галерах, возвращение на Сечь и то, как проворовался бравый козак и вновь был принят в товарищество.

Скупы на слова герои Гоголя. Больше молчат. Когда дело доходит до сечи, рубятся и знают свою работу — в гульбе они гуляки, на войне — «рыцари». Молчалив и старый Бовдюг. Если и скажет слово, то только тогда,

когда уже нельзя не сказать. Именно он поддерживает Тараса, когда тот призывает казаков оставаться под Дубно и вызволить пленных товарищей. И последнее слово Бовдюга перед смертью слышат казаки: «...Упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом. Дай Бог и вся кому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» «И понеслась, — добавляет Гоголь, — к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, ещё лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру».

Бовдюг в повести — самый старый. Тарас Бульба ему сын, а для Остапа и Андрия он дед. Три поколения казачества стоят бок о бок, как бы олицетворяя нерушимость связи времён. В новом «Тарасе Бульбе» Гоголь оглядывает даль и своего рода, вводя в число действующих лиц собственных предков — бунчуковых товарищ, казацких полковников и выпускников бурсы. И даже гордая птица гоголь, давшая имя ветви Гоголей-Яновских, появляется в конце повести. «Немалая река Днестр... и гордый гоголь быстро несётся по нём...»

«Тарас Бульба», может быть, самая историческая вещь Гоголя: историческая не в смысле строгого соответствия фактам (этого-то как раз нет), а в смысле верности духу истории, ставящей в центре своего летописания народ. Но это одновременно и самая личная вещь Гоголя. Гоголь вложил в неё более, чем в другие свои творения, себя — кровь рода Гоголей, ставших захудальными помещиками и иереями¹ бедных церквей, тут кипит и брызжет, играет и поёт.

Ноша ответственности, которую несли предки Гоголя, слишком ощущается автором повести. «Тарас Бульба» выходит за пределы эпизода украинской и русской борьбы за единое государство и делается сочинением, в котором идея истории превалирует² над её фактами...

¹ Иерей — священнослужитель.

² Превалировать — иметь преимущество, перевес; преобладать.

Это была не только потребность утолить запрос «личической силы», личная потребность гения Гоголя, но и запрос русской литературы, давно уже не слышавшей героических звуков, подобных звукам «Слова о полку Игореве».

И.П. Золотусский

Вопросы и задания

1. Какие произведения Н.В. Гоголя вы читали? Чему они посвящены?

2*. Что имеет в виду И.П. Золотуский, говоря о том, что «Тарас Бульба» «...самая историческая вещь Гоголя»?

Живое слово

Особые отношения связывали Н.В. Гоголя с А.С. Пушкиным. Найдите материал об этом и подготовьте сообщение на тему «Гоголь и Пушкин».

Н.В. Гоголь. Рисунок А.С. Пушкина. 1833 г. (слева);
А.С. Пушкин. Рисунок Н.В. Гоголя. 1833 г.

ТАРАС БУЛЬБА (в сокращении)

I

— А поворотись-ка, сын! Экий ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии?

Такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе¹ и приехавших уже на дом к отцу.

Сыновья его только что слезли с коней. Это были два дюжие молодца, ещё смотревшие исподлобья, как недавно выпущенные семинаристы. Крепкие, здоровые лица их были покрыты первым пухом волос, которого ещё не касалась бритва. Они были очень смущены таким приёром отца и стояли неподвижно, потупив глаза в землю.

— Стойте, стойте! Дайте мне разглядеть вас хорошенько, — продолжал он, поворачивая их, — какие же длинные на вас свитки²? Экие свитки! Таких свиток ещё и на свете не было. А побеги который-нибудь из вас! я посмотрю, не шлётнется ли он на землю, запутавшися в полы.

— Не смейся, не смейся, батьку! — сказал, наконец, старший из них.

— Смотри ты, какой пышный³! А отчего ж бы не смеяться?

— Да так, хоть ты мне и батько, а как будешь смеяться, то, ей-богу, поколочу!

— Ах ты, сякой-такой сын! Как, батька?.. — сказал Тарас Бульба, отступивши с удивлением несколько шагов назад.

— Да хоть и батька. За обиду не посмотрю и не уважу никого.

¹ *Бурса* — духовное училище.

² *Свитка* — верхняя длинная одежда.

³ *Пышный* — здесь: гордый, недотрога.

— Как же хочешь ты со мною биться? разве на кулаки?

— Да уж на чём бы то ни было.

— Ну, давай на кулаки! — говорил Бульба, засучив рука, — посмотрю я, что за человек ты в кулаке!

И отец с сыном, вместо приветствия после давней отлучки, начали садить друг другу тумаки и в бока, и в поясницу, и в грудь, то отступая и оглядываясь, то вновь наступая.

— Смотрите, добрые люди: одурел старый! совсем спятил с ума! — говорила бледная, худощавая и добрая мать их, стоявшая у порога и не успевшая ещё обнять ненаглядных детей своих. — Дети приехали домой, больше года их не видели, а он задумал невесть что: на кулаки биться!

— Да он славно бьётся! — говорил Бульба, остановившись. — Ей-богу, хорошо! — продолжал он, немного оправляясь, — так, хоть бы даже и не пробовать. Добрый будет козак! Ну, здорово, сынку! почеломкаемся! — И отец с сыном стали целоваться. — Добре, сынку! Вот так колоти всякого, как меня тузил. Никому не спускай! А всё-таки на тебе смешное уранство: что это за верёвка висит? А ты, бейбас¹, что стоишь и руки опустил? — говорил он, обращаясь к младшему, — что ж ты, собачий сын, не колотишь меня?

— Вот ещё что выдумал! — говорила мать, обнимавшая между тем младшего. — И придёт же в голову этакое, чтобы дитя родное было отца. Да будто и до того теперь: дитя молодое, проехало столько пути, утомилось... (это дитя было двадцати с лишком лет и ровно в сажень ростом). Ему бы теперь нужно опочить и поесть чего-нибудь, а он заставляет его биться!

— Э, да ты мазунчик², как я вижу! — говорил Бульба. — Не слушай, сынку, матери: она баба, она ничего не знает. Какая вам нежба? Ваша нежба — чистое поле да добрый конь: вот ваша нежба! А видите вот эту саблю! вот ваша мать! Это всё дрянь, чем набивают головы ваши: и

¹ Бейбас — балбес.

² Мазунчик — избалованный, маменькин сын.

академия, и все те книжки, буквари и философия, и всё это ка зна що¹, я плевать на всё это!.. А вот, лучше, я вас на той же неделе отправлю на Запорожье. Вот где наука, так наука! Там вам школа; там только наберётесь разуму.

— И всего только одну неделю быть им дома? — говорила жалостно, со слезами на глазах, худощавая старуха мать. — И погулять им, бедным, не удастся; не удастся и дому родного узнать, и мне не удастся наглядеться на них!

— Полно, полно выть, старуха! Козак не на то, чтобы возиться с бабами. Ты бы спрятала их обоих себе под юбки да и сидела бы на них, как на куриных яйцах. Ступай, ступай, да ставь нам скорее на стол всё, что есть. И нужно пампушек, медовиков, маковников и других пундиков²; тащи нам всего барана, козу давай, мёды сорокалетние! Да горелки побольше, не с выдумками горелки, с изюмом и всякими вытребеньками³, а чистой, пенной горелки; чтобы играла и шипела, как бешеная.

Бульба повёл сыновей своих в светлицы, откуда проворно выбежали две красивые девки-прислужницы в червонных монистах⁴, прибирающие комнаты. Они, как видно, напугались приезда паничей, не любивших спускать никому, или же просто хотели соблюсти свой женский обычай: вскрикнуть и броситься опрометью, увидевши мужчину, и потом долго закрываться от сильного стыда рукавом. Светлица была убрана во вкусе того времени, о котором живые намёки остались только в песнях да в народных думах, уже не поющиhsя более на Украине бородатыми старцами-слепцами, в сопровождении тихого треньканья бандуры⁵ и в виду обступившего народа; во вкусе того бранного, трудного времени, когда начались разыгрываться схватки и битвы на Украине за

¹ Ка зна що — чёрт знает что.

<http://kurokam.ru>

² Пұндики — сладости.

³ Вытребеньки — причуды, затеи.

⁴ Червонное монисто — красное ожерелье.

⁵ Бандура — народный украинский музыкальный инструмент.

унию¹. Всё было чисто, вымазано цветной глиною. На стенах — сабли, нагайки, сетки для птиц, невода и ружья, хитро обделанный рог для пороху, золотая уздечка на коня и путы с серебряными бляхами. Окна в светлице были маленькие, с круглыми, тусклыми стёклами, какие встречаются ныне только в старинных церквях, сквозь которые иначе нельзя было глядеть, как приподняв надвижное стекло. Вокруг окон и дверей были красные отводы². На полках по углам стояли кувшины, бутыли и фляжки зелёного и синего стекла, резные серебряные кубки, позолоченные чарки всякой работы: венецианской³, турецкой, черкесской, зашедшие в светлицу Бульбы всякими путями через третью и четвёртые руки, что было весьма обыкновенно в те удалые времена. Берестовые⁴ скамьи вокруг всей комнаты; огромный стол под образами в парадном углу; широкая печь с запечьями, уступами и выступами, покрытая цветными, пёстрыми изразцами, — всё это было очень знакомо нашим двум молодцам, приходившим каждый год домой на каникулярное время, приходившим потому, что у них не было ещё коней, и потому, что не в обычай было позволять школярам ездить верхом. У них были только длинные чубы, за которые мог выдрать их всякий козак, носивший оружие. Бульба только при выпуске их послал им из табуна своего пару молодых жеребцов.

Бульба по случаю приезда сыновей велел созвать всех сотников и весь полковой чин, кто только был налицо; и когда пришли двое из них и есаул⁵ Дмитро Товкач, старый его товарищ, он им тот же час их представил, говоря:

— Вот, смотрите, какие молодцы! На Сечь их скоро пошли.

¹ Уния — объединение Православной церкви с Католической под властью римского папы.

² Отводы — деревянные украшения.

³ Венецианская — венецианская.

⁴ Берестовые — сделанные из вяза, который на Украине называют берестом.

⁵ Есаул — средний офицерский чин в казачьих войсках.

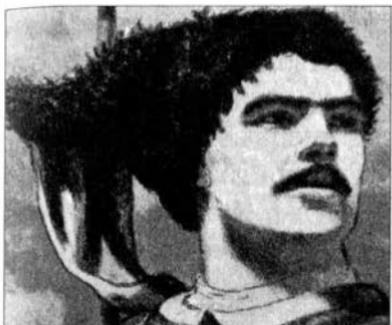
Тарас Бульба. Иллюстрации к произведению —
художник Е.А. Кибрик. 1944—1945 гг.

Гости поздравили и Бульбу, и обоих юношей и сказали им, что доброе дело делают и что нет лучшей науки для молодого человека, как Запорожская Сечь.

— Ну ж, паны браты, садись всякий, где кому лучше за стол. Ну, сынки! прежде всего выпьем горелки! — так говорил Бульба. — Боже, благослови! Будьте здоровы, сынки: и ты, Остап, и ты, Андрий! Дай же Боже, чтоб вы на войне всегда были удачливы! Чтобы бусурманов¹ били, и турков бы били, и татарву били бы; когда и ляхи² начнут

¹ Бусурмáн (басурман) — нехристианин; здесь: иноземец.

² Лáхи — здесь: поляки.

Остап (слева), Андрий. Фрагменты иллюстраций

что против веры нашей чинить, то и ляхов бы били! Ну, подставляй свою чарку; что, хороша горелка? А как по-латыни горелка? То-то, сынку, дурни были латынцы: они и не знали, есть ли на свете горелка. Как бишь, того звали, что латинские вирши¹ писал? Я грамоте разумею не сильно, а потому и не знаю; Гораций², что ли?

«Виши, какой батько! — подумал про себя старший сын, Остап, — все, старый собака, знает, а ещё и прикидывается».

— Я думаю, архимандрит³ не давал вам и понюхать горелки, — продолжал Тарас. — А признайтесь, сыники, крепко стегали вас берёзовыми и свежим вишняком по спине и по всему, что ни есть у козака? А может, так как вы сделались уже слишком разумные, так, может, и плетьюганами пороли? Чай, не только по субботам, а доставалось и в середу и в четверги?

— Нечего, батько, вспоминать, что было, — отвечал хладнокровно Остап, — что было, то прошло!

— Пусть теперь попробует! — сказал Андрий, — пускай только теперь кто-нибудь зацепит. Вот пусть только подвернётся теперь какая-нибудь татарва, будет знать она, что за вещь козацкая сабля!

¹ Вирши — стихи.

² Гораций — знаменитый древнеримский поэт.

³ Архимандрит — монашеский чин; здесь: настоятель, то есть начальник духовного училища.

— Добре, сынку! ей-богу, добрे! Да когда на то пошло, то и я с вами еду! ей-богу, еду! Какого дьявола мне здесь ждать! Чтоб я стал гречкосеем, домоводом, глядеть за овцами да за свиньями, да бабиться с женой? Да пропади она: я козак, не хочу! Так что же, что нет войны? Я так поеду с вами на Запорожье, погулять. Ей-богу, еду! — И старый Бульба мало-помалу горячился, горячился, наконец, рассердился совсем, встал из-за стола и, приосанившись, топнул ногою. — Завтра же едем! Зачем откладывать! Какого врага мы можем здесь высидеть? На что нам эта хата? К чему нам всё это? На что эти горшки? — Сказавши это, он начал колотить и швырять горшки и фляжки.

Бедная старушка, привыкшая уже к таким поступкам своего мужа, печально глядела, сидя на лавке. Она не смела ничего говорить; но, услыша о таком страшном для неё решении, она не могла удержаться от слёз; взглянула на детей своих, с которыми угрожала ей такая скорая разлука, — и никто бы не мог описать всей безмолвной силы её горести, которая, казалось, трепетала в глазах её и в судорожно сжатых губах. <...>

Тарас был один из числа коренных, старых полковников: весь был он создан для бранной тревоги и отличался грубой прямотой своего нрава. Тогда влияние Польши начинало уже оказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь козаков и перескорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов. Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия. Самоуправно входил в сёла, где только жаловались на притеснения арендаторов и на прибавку новых пошлин с дыма¹. Сам с своими козаками производил над ними расправу и положил себе правило, что в

¹ С дыма — здесь: с каждой хаты.

трёх случаях всегда следует взяться за саблю, именно: когда комиссары¹ не уважили в чём старшин и стояли перед ними в шапках; когда поглумились над православием и не почили предковского закона и, наконец, когда враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае позволительным поднять оружие во славу христианства. Теперь он тешил себя заранее мыслью, как он явится с двумя сыновьями своими на Сечь и скажет: «Вот посмотрите, каких я молодцов привёл к вам!»; как представит их всем старым, закалённым в битвах товарищам; как поглядит на первые подвиги их в ратной науке² и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря. Он сначала хотел было отправить их одних. Но при виде их свежести, рослости, могучей телесной красоты вспыхнул воинский дух его, и он на другой же день решился ехать с ними сам, хотя необходимостью этого была одна упрямая воля. Он уже хлопотал и отдавал приказы, выбирал коней и сбрую для молодых сыновей, наведывался и в конюшни и в амбары, отобрал слуг, которые должны были завтра с ними ехать. Есаулу Товкачу передал свою власть вместе с крепким наказом явиться сей же час со всем полком, если только он подаст из Сечи какую-нибудь весть. Хотя он был и навеселе и в голове ещё бродил хмель, однако ж не забыл ничего. Даже отдал приказ напоить коней и всыпать им в ясли крупной и первой пшеницы, и пришёл усталый от своих забот.

— Ну, дети, теперь надобно спать, а завтра будем делать то, что Бог даст. Да не стели нам постель! Нам не нужна постель. Мы будем спать на дворе.

Ночь ещё только что обняла небо, но Бульба всегда ложился рано. Он развалился на ковре, накрылся баарьим тулулом, потому что ночной воздух был довольно свеж и потому что Бульба любил укрыться потеплее,

¹ Комиссары — здесь: польские сборщики податей.

² Ратная наука — военная наука.

когда был дома. Он вскоре захрапел, и за ним последовал весь двор; всё, что ни лежало в разных его углах, захрапело и запело; прежде всего заснул сторож, потому что более всех напился для приезда паничей. Одна бедная мать не спала. Она приникла к изголовью дорогих сыновей своих, лежавших рядом; она расчёсывала гребнем их молодые, небрежно всклоченные кудри и смачивала их слезами; она глядела на них вся, глядела всеми чувствами, вся превратилась в одно зрение и не могла наглядеться. Она вскормила их собственною грудью, она возрастила, взлелеяла их — и только на один миг видеть их перед собою. «Сыны мои, сыны мои милые! что будет с вами? что ждёт вас?» — говорила она, и слёзы остановились в морщинах, изменивших её когда-то прекрасное лицо. В самом деле, она была жалка, как всякая женщина того удалого века.

<...> Она видела мужа в год два-три дня, и потом несколько лет о нём не бывало слуха. Да и когда виделась с ним, когда они жили вместе, что за жизнь её была? Она терпела оскорблений, даже побои; она видела из милости только оказываемые ласки, она была какое-то странное существо в этом сборище безжённых рыцарей, на которых разгульное Запорожье набрасывало суровый колорит¹ свой.

<...> Вся любовь, все чувства, все, что есть нежного и страстного в женщине, все обратилось у ней в одно материнское чувство. Она с жаром, с страстью, с слезами, как степная чайка, вилась над детьми своими. Её сыновей, её милых сыновей берут от неё, берут для того, чтобы не увидеть их никогда! Кто знает, может быть, при первой битве татарин срубит им головы, и она не будет знать, где лежат брошенные тела их, которые расклюет хищная подорожная птица и за каждый кусочек которых, за каждую каплю крови она отдала бы всё. Рыдая, глядела она им в очи, которые всемогущий сон начинал уже смыкать, и думала: «Авось-либо Бульба,

¹ Колорит — оттенок.

проснувшись, отсрочит денька на два отъезд; может быть, он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил».

Месяц с вышины неба давно уже озарял весь двор, наполненный спящими, густую кучу верб и высокий бурьян, в котором потонул частокол, окружавший двор. Она всё сидела в головах милых сыновей своих, ни на минуту не сводила с них глаз своих и не думала о сне. Уже кони, чуя рассвет, все полегли на траву и перестали есть; верхние листья верб начали лепетать, и мало-помалу лепечущая струя спустилась по ним до самого низу. Она просидела до самого света, вовсе не была утомлена и внутренне желала, чтобы ночь протянулась как можно дольше. Со степи понеслось звонкое ржание жеребёнка; красные полосы ясно сверкнули на небе. Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил всё, что приказывал вчера.

— Ну, хлопцы, полно спать! пора, пора! Напойте коней! А где стара? (так он обыкновенно называл жену свою). Живее, стара, готовь нам есть, потому что путь великий лежит!

Бедная старушка, лишенная последней надежды, уныло поплелась в хату. Между тем как она со слезами готовила всё, что нужно к завтраку, Бульба раздавал свои приказания, возился на конюшне и сам выбирал для детей своих лучшие убранства. Бурсаки вдруг преобразились: на них явились, вместо прежних запачканных сапогов, сафьянные¹ красные, с серебряными подковами; шаровары, шириной в Чёрное море, с тысячью складок и со сборами, перетянулись золотым очкуром²; к очкуру прицеплены были длинные ремешки, с кистями и прочими побрякушками для трубки. Казакин³ алого цвета, сукна яркого, как огонь, опоясался узорчатым поясом; чеканные турецкие пистолеты были задвинуты за пояс; сабля брякала по ногам их. Их лица, ещё мало загоревшие, казалось, похорошили и побелели; молодые чёрные усы теперь как-то ярче оттеняли белизну их и здоровый, мощный цвет юности; они были хороши под чёрными барабаными шапками с золотым верхом. Бедная мать! Она как увидела их, она и слова не могла промолвить, и слёзы остановились в глазах её.

— Ну, сыны, все готово! нечего мешкать! — произнес, наконец, Бульба. — Теперь, по обычая христианскому, нужно перед дорогою всем присесть.

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

— Теперь благослови, мать, детей своих! — сказал Бульба, — моли Бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь лыцарскую⁴, чтобы стояли всегда за веру Христову, а не то — пусть лучше пропадут, чтобы

¹ Сафьян — кожа высокого качества.

² Очку́р — шнурок, которым затягивали шаровары.

³ Казакин — мужское верхнее платье на крючках со сборками сзади.

⁴ Рыцарскую.

и духу их не было на свете! Подойдите, дети, к матери: молитва материнская и на воде и на земле спасает.

Мать, слабая как мать, обняла их, вынула две небольшие иконы, надела им, рыдая, на шею.

— Пусть хранит вас... Божья Матерь... Не забывайте, сынки, мать вашу... пришлите хоть весточку о себе...

Далее она не могла говорить.

— Ну, пойдём, дети! — сказал Бульба.

У крыльца стояли осёдланные кони. Бульба вскочил на своего Чёрта, который бешено отшатнулся, почувствовав на себе двадцатипудовое бремя, потому что Бульба был чрезвычайно тяжёл и толст. Когда увидела мать, что уже и сыны её сели на коней, она кинулась к меньшому, у которого в чертах лица выражалось более какой-то нежности; она схватила его за стремя, она прилипнула к седлу его и с отчаяньем во всех чертах не выпускала его из рук своих. Два дюжих козака взяли её бережно и унесли в хату. Но когда выехали они за ворота, она со всею лёгкостью дикой козы, несообразной её летам, выбежала за ворота, с непостижимою силою остановила лошадь и обняла одного из сыновей с какою-то помешанною, бесчувственною горячностью; её опять увели. Молодые козаки ехали смутно¹ и удерживали слёзы, боясь отца своего, который, однако же, с своей стороны, тоже был несколько смущён, хотя не старался этого показывать. День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад. Они, проехавши, оглянулись назад: хутор их как будто ушёл в землю; только стояли на земле две трубы от их скромного домика да одни только вершины дерев, по сучьям которых они лазили, как белки; один только дальний луг ещё стлался перед ними, — тот луг, по которому они могли припомнить всю историю жизни, от лет, когда катались по росистой траве его, до лет, когда поджидали в нём чернобровую козачку, боязливо летевшую через него с помощью своих свежих, быстрых ножек. Вот

¹ Смутно — здесь: печально.

уже один только шест над колодцем с привязанным вверху колесом от телеги одиноко торчит на небе; уже равнина, которую они проехали, кажется издали горою и всё собою закрыла. Прощайте и детство, и игры, и всё, и всё!

II

<...> Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Тогда весь юг, все то пространство, которое составляет нынешнюю Новороссию, до самого Чёрного моря, было зелёною, девственною пустынею. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытоптывали их. Ничего в природе не могло быть лучше. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; жёлтый дрок высакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесённый Бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячью разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался Бог весть в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем... Чёрт вас возьми, степи, как вы хороши!..

Наши путешественники останавливались только на несколько минут для обеда, причём ехавший с ними отряд из десяти козаков слезал с лошадей, отвязывал деревянные баклажки с горелкою и тыквы, употребляемые вместо сосудов. Ели только хлеб с салом или коржи, пили только по одной чарке, единственно для подкрепления, потому что Тарас Бульба не позволял никогда напиваться

в дороге, и продолжали путь до вечера. Вечером вся степь совершенно переменялась. Всё пёстрое пространство её охватывалось последним ярким отблеском солнца и постепенно темнело, так что видно было, как тень перебегала по нём, и она становилась тёмно-зелёной; испарения подымались гуще, каждый цветок, каждая травка испускала амбру, и вся степь курилась благовонием. По небу, изголуба-темному, как будто исполнинскою кистью наляпаны были широкие полосы из розового золота; изредка белели клоками лёгкие и прозрачные облака, и самый светкий, обольстительный, как морские волны, ветерок едва колыхался по верхушкам травы и чуть дотрогивался до щёк. Вся музыка, звучавшая днём, утихала и сменялась другою. Пёстрые суслики выпалзывали из нор своих, становились на задние лапки и оглашали степь свистом. Трещание кузнецов становилось слышнее. Иногда слышался из какого-нибудь уединённого озера крик лебедя и, как серебро, отдавался в воздухе. Путешественники, остановившись среди полей, избирали ночлег, раскладывали огонь и ставили на него котёл, в котором варили себе кулиш; пар отделялся и косвенно дымился на воздухе. Поужинав, козаки ложились спать, пустивши по траве спутанных коней своих. Они раскидывались на свитках. На них прямо глядели ночные звёзды. Они слышали своим ухом весь бесчисленный мир насекомых, наполнивших траву, весь их треск, свист, стрекотанье, — всё это звучно раздавалось среди ночи, очищалось в свежем воздухе и убаюкивало дремлющий слух. Если же кто-нибудь из них подымался и вставал на время, то ему представлялась степь усеянною блестящимиискрами светящихся червей. Иногда ночное небо в разных местах освещалось дальним заревом от выжигаемого по лугам и рекам сухого тростника, и тёмная вереница лебедей, летевших на север, вдруг освещалась серебряно-розовым светом, и тогда казалось, что красные платки летали по тёмному небу.

Путешественники ехали без всяких приключений. Нигде не попадались им деревья, всё та же бесконечная,

вольная, прекрасная степь. По временам только в стороне синели верхушки отдалённого леса, тянувшегося по берегам Днепра. Один только раз Тарас указал сыновьям на маленькую, черневшую в дальней траве точку, сказавши: «Смотрите, детки, вон скачет татарин!» Маленькая головка с усами уставила издали прямо на них узенъкие глаза свои, понюхала воздух, как гончая собака, и, как серна, пропала, увидевши, что козаков было тринадцать человек. «А ну, дети, попробуйте догнать татарина!.. И не пробуйте — вовеки не поймаете: у него конь быстрее моего Чёрта». Однако ж Бульба взял предосторожность, опасаясь где-нибудь скрывшейся засады. Они прискакали к небольшой речке, называвшейся Татаркою, впадающей в Днепр, кинулись в воду с конями своими и долго плыли по ней, чтобы скрыть след свой, и тогда уже, выбравшись на берег, они продолжали далее путь. Чрез три дня после этого они были уже недалеко от места, бывшего предметом их поездки. В воздухе вдруг захолодело; они почувствовали близость Днепра. Вот он сверкает вдали и темною полосою отделился от горизонта. Он веял холодными волнами и расстипался ближе, ближе и, наконец, обхватил половину всей поверхности земли. Это было то место Днепра, где он, дотоле спёртый порогами, брал наконец своё и шумел, как море, разливвшись по воле; где брошенные в средину его острова вытесняли его ещё далее из берегов и волны его стлались широко по земле, не встречая ни утесов, ни возвышений. Козаки сошли с коней своих, взошли на паром и чрез три часа плавания были уже у берегов острова Хортицы, где была тогда Сечь, так часто переменявшая своё жилище.<...>

V

Скоро весь польский юго-запад сделался добычею страха. Всюду пронеслись слухи: «Запорожцы!.. показались запорожцы!..» Всё, что могло спасаться, спасалось. Всё подымалось и разбегалось в сей нестройный, изумительно беспечный век, когда не воздвигалось ни крепо-

стей, ни замков, а просто как попало становил на время соломенное жилище своё человек, думая: «Не тратить же на него работу и деньги, когда оно и без того будет снесено дотла татарским набегом!» Всё вспыхнуло: кто менял волов и плуг на коня и ружьё и отправлялся в полки; кто прятался, угоняя скот и унося, что только было можно унести. Попадались иногда по дороге такие, которые встречали (хотя бесплодно) вооружённою рукою гостей, но больше было таких, которые бежали заране. Все знали, что трудно иметь дело с сей закалённой вечной бранью толпой, известной под именем запорожского войска... А старому Тарасу любо было видеть, как оба сына его были одни из первых. Остапу, казалось, был на роду написан битвенный путь и трудное знанье вершить ратные дела. Ни разу не растерявшиесь и не смущившиесь ни от какого случая, с хладнокровием, почти неестественным для двадцатидвухлетнего, он в один миг мог вымерить всю опасность и всё положение дела, тут же мог найти средства, как уклониться от неё, но уклониться с тем, чтобы потом верней преодолеть её. Уже испытанный уверенно-

стью стали теперь означаться его движения, и в них не могли не быть заметны наклонности будущего вождя. Крепкое слышалось в его теле, и рыцарские его качества уже приобрели широкую силу качеств льва.

— О! да этот будет со временем добрый полковник! — говорил старый Тарас, — ей-ей, будет добрый полковник, да ещё такой, что и батька за пояс заткнёт!

Андрей весь погрузился в очаровательную музыку пуль и мечей. Он не знал, что такое значит обдумывать, или рассчитывать, или измерять заране свои и чужие силы. Бешеную негу и упоенье он видел в битве. Пиршественное зрелось ему в те минуты, когда разгорится у человека голова, в глазах всё мелькает и мешается, летят головы, с громом падают на землю кони, а он несётся, как пьяный, в свисте пуль, в сабельном блеске и в собственном жару, нанося всем удары и не слыша нанесённых. И не раз дивился старый Тарас, видя, как Андрей, понуждаемый одним только запальчивым увлечением, устремлялся на то, на что бы никогда не отважился хладнокровный и разумный, и одним бешеным натиском своим производил такие чудеса, которым не могли не изумиться старые в боях. Дивился старый Тарас и говорил:

— И это добрый — враг бы не взял его — вояка! не Остап, а добрый, добрый также вояка!

Войско решилось идти прямо на город Дубно, где, носились слухи, было много казны, богатых обывателей. В полтора дня поход был сделан, и запорожцы показались перед городом. Жители решились защищаться до последних сил и крайности и лучше хотели умереть на площадях и улицах перед своими порогами, чем пустить неприятеля в дома. Высокий земляной вал окружал город; где вал был ниже, там высовывалась каменная стена или дом, служивший батареей, или, наконец, дубовый частокол. Гарнизон был силён и чувствовал важность своего дела. Запорожцы жарко было полезли на вал, но были встречены сильною картечью. Мещане и городские обыватели, как видно, тоже не хотели быть праздными и сто-

яли кучею на городском валу. В глазах их можно было читать отчаянное сопротивление; даже женщины решились участвовать, и на головы запорожцам полетели камни, бочки, горшки, горячий вар и, наконец, мешки песку, слепившего очи. Запорожцы не любили иметь дело с крепостями, вести осады была не их часть. Кошевой повелел отступить и сказал:

— Ничего, паны браты, мы отступим. Но будь я поганый татарин, а не христианин, если мы выпустим их хоть одного из города! Пусть их все передохнут, собаки, с голоду!

Войско, отступив, облегло весь город... запорожцы, протянув вокруг всего города в два ряда свои телеги, расположились так же, как и на Сечи, куренями, курили свои люльки, менялись добытым оружием, играли в чехарду, в чёт и нечет и посматривали с убийственным хладнокровием на город... Молодым, и особенно сыном Тараса Бульбы, не нравилась такая жизнь. Андрий заметно скучал. «Неразумная голова, — говорил ему Тарас. — Терпи, козак, — атаманом будешь! Не тот ещё добрый воин, кто не потерял духа в важном деле, а тот добрый воин, кто и на безделье не соскучит, кто всё вытерпит, и хоть ты ему что хочь, а он всё-таки поставит на своём». Но не сойтись пылкому юноше с старцем. Другая натура у обоих, и другими очами глядят они на то же дело.

А между тем подоспел Тарасов полк, приведённый Товкачём; с ним было ещё два есаула, писарь и другие полковые чины; всех козаков набралось больше четырёх тысяч. Было между ними немало и охочекомонных¹, которые сами поднялись своею волею, без всякого позыва, как только услышали, в чём дело. Есаулы привезли сыновьям Тараса благословенье от старухи-матери и каждому по кипарисному образу из Межигорского киевского монастыря. Надели на себя святые образа оба брата и невольно задумались, припомнив старую мать свою. Что-то пророчит им и говорит это благословенье? Благословенье

¹ Охочекомонные козаки — конные добровольцы.

ли на победу над врагом и потом весёлый возврат на отчизну с добычей и славой, на вечные песни бандуристам, или же? Но неизвестно будущее, и стоит оно перед человеком подобно осеннему туману, поднявшемуся из болот. Безумно летают в нём вверх и вниз, черкая крыльями, птицы, не распознавая в очи друг друга, голубка — не видя ястреба, ястреб — не видя голубки, и никто не знает, как далеко летает он от своей погибели...

Остап уже занялся своим делом и давно отошёл к куреньям. Андрий же, сам не зная отчего, чувствовал какую-то душоту на сердце. Уже козаки окончили свою вечерю, вечер давно потухнул; июльская чудная ночь обняла воздух; но он не отходил к куреням, не ложился спать и глядел невольно на всю бывшую перед ним картину. На небе бесчисленно мелькали тонким и острым блеском звёзды. Поле далеко было занято раскиданными по нём возами с висячими мазницами¹, облитыми дёгтем, и всяким добром и провиантом, набранным у врага. Возле телег, под телегами и подале от телег — везде были видны разметавшиеся на траве запорожцы. Все они спали в картичных положениях: кто, подмостив себе под голову куль или шапку или употребивши просто бок своего товарища. Сабля, ружьё-самопал, короткочубучная трубка с медными бляхами, железными провёртками и огнivом висели почти у каждого пояса. Тяжеёлые волы лежали, подвернувшись под себя ноги, большими беловатыми масками и казались издали серыми камнями, раскиданными по отлогости поля. Со всех сторон из травы уже стал подыматься густой храп спящего воинства, на который отзывались из поля звонкими ржаньями жеребцы, негодующие на свои спутанные ноги. А между тем величественное и грозное привешалось к красоте июльской ночи. Это были зарева вдали догоравших окрестностей. Над огнём вились вдали птицы, казавшиеся кучею тёмных мелких крестиков на огненном поле. Обложенный город, казалось, уснул. Шпицы, и кровли, и частокол, и стены его тихо вспыхивали отблесками

¹ Мазницы — вёдра для дегтя.

отдалённых пожарищ. Андрий обошёл козацкие ряды. Костры, у которых сидели сторожа, готовились ежеминутно погаснуть, и самые сторожа спали, как видно, перекусивши сильно чего-нибудь во весь козацкий аппетит. Он подивился немного такой беспечности, подумавши: «Хорошо, что нет близко никакого сильного неприятеля и некого опасаться». Наконец, и сам подошёл он к одному из возов, взлез на него и лёг на спину, подложивши себе под голову сложенные назад руки; но не мог заснуть и долго глядел на небо. Оно всё было открыто пред ним; чистота и прозрачность стояли в воздухе. Гущина звёзд, составлявшая Млечный Путь, косвенным поясом переходившая небо, вся была залита в свету. Временами он как будто позабывался, и какой-то лёгкий туман дремоты заслонял на миг пред ним небо, и потом оно опять очищалось и вновь становилось видно. В это время, показалось ему, мелькнул перед ним какой-то странный образ человеческого лица. Думая, что было то простое обаяние сна и сей же час рассеется, он раскрыл сильнее глаза свои и увидел, что к нему, точно, наклонилось какое-то измождённое, высохшее лицо и смотрело прямо ему в очи. Длинные и чёрные, как уголь, волосы, неприбранные, растрёпанные, лезли из-под тёмного наброшенного на голову покрываала. И странный блеск взгляда, и мертвенная смуглota лица, выступавшего резкими чертами, заставили бы скорее подумать, что это был призрак. Он схватился невольно рукой за пищаль¹ и произнёс почти судорожно:

— Кто ты? Коли дух нечистый, сгинь с глаз; коли живой человек, не в пору завёл шутку, — убью с одного прицела.

В ответ на это привидение приставило палец к губам и,казалось, молило о молчании. Он опустил руку и стал вглядываться в него внимательней. По длинным волосам, шее и полуобнажённой смуглой груди распознал он женщину. Но она была не здешняя уроженка. Всё лицо было смугло, изнурено недугом; широкие скулы выступали

¹ Пищаль — старинное тяжёлое ружьё, заряжаемое со ствола.

сильно над опавшими под ними щеками; узкие очи подымались дугообразным разрезом кверху, и чем более он всматривался в черты её, тем более находил в них что-то знакомое. Наконец он не вытерпел, чтобы не спросить:

— Скажи, кто ты? Мне кажется, как будто я знал тебя или видел где-нибудь?

— Два года назад тому, в Киеве.

— Два года назад... в Киеве... — повторил Андрий, стараясь перебрать всё, что уцелело в его памяти от прежней бурсацкой жизни. Он посмотрел ещё раз на неё пристально и вдруг вскрикнул во весь голос:

— Ты — татарка! служанка панночки, воеводиной дочки!..

— Чиши! — произнесла татарка, сложив с умоляющим видом руки, дрожа всем телом и оборотя в то же время голову назад, чтобы видеть, не проснулся ли кто-нибудь от такого сильного вскрика, произведённого Андрием.

— Скажи, скажи, отчего, как ты здесь? — говорил Андрий, шёпотом, почти задыхающимся и прерывающимся всякую минуту от внутреннего волнения. — Где панночка? жива ещё?

— Она тут, в городе.

— В городе? — произнёс он, едва опять не вскрикнувши, и почувствовал, что вся кровь вдруг прихлынула к сердцу, — отчего ж она в городе?

— Оттого, что сам старый пан в городе. Он уже полтора года как сидит воеводой в Дубне.

— Что ж, она замужем? Да говори же, — какая ты странная! что она теперь?..

— Она другой день ничего не ела.

— Как?..

— Ни у кого из городских жителей нет уже давно куска хлеба, все давно едят одну землю.

Андрий осталбенел.

— Панночка видала тебя с городского валу вместе с запорожцами. Она сказала мне: «Ступай, скажи рыцарю: если он помнит меня, чтобы пришёл ко мне; а не помнит, чтобы дал тебе кусок хлеба для старухи, моей матери, по-

тому что я не хочу видеть, как при мне умрёт мать. Пусть лучше я прежде, а она после меня. Проси и хватай его за колени и ноги. У него также есть старая мать, — чтоб ради её дал хлеба!»

Много всяких чувств пробудилось и вспыхнуло в молодой груди козака.

— Но как же ты здесь? Как ты пришла?

— Подземным ходом.

— Разве есть подземный ход?

— Есть.

— Где?

— Ты не выдашь, рыцарь?

— Клянусь крестом святым!

— Спустишься в яр и перейдя проток, там, где тростник.

— И выходит в самый город?

— Прямо к городскому монастырю.

— Идём, идём сейчас!

— Но, ради Христа и Святой Марии, кусок хлеба!

— Хорошо, будет. Стой здесь возле воза или, лучше, ложись на него: тебя никто не увидит, все спят; я сейчас ворочусь.

И он отошёл к возам, где хранились запасы, принадлежавшие им куреню. Сердце его билось. <...>

Он шёл, а биение сердца становилось сильнее, сильнее при одной мысли, что увидит её опять, и дрожали молодые колени. Пришедши к возам, он совершенно позабыл, зачем пришёл: поднёс руку ко лбу и долго тёр его, стараясь припомнить, что ему нужно делать. Наконец вздрогнул, весь исполнился испуга: ему вдруг пришло на мысль, что она умирает от голода. Он бросился к возу и схватил несколько больших чёрных хлебов себе под руку, но подумал тут же: не будет ли эта пища, годная для дюжего, неприхотливого запорожца, груба и неприлична её нежному сложению. Тут вспомнил он, что вчера кошевой попрекал кашеваров за то, что сварили за один раз всю гречневую муку на саламату, тогда как бы её стало на добрых три раза. В полной уверенности, что он найдёт вдоволь салама-

ты в казанах¹, он вытащил отцовский походный казанок и с ним отправился к кашевару их куреня, спавшему у двух десятиведёрных казанов, под которыми ещё теплилась зола. Заглянувши в них, он изумился, видя, что оба пусты. Нужно было нечеловеческих сил, чтобы съесть, тем более что в их курене считалось меньше людей, чем в других. Он заглянул в казаны других куреней — везде ничего. Поневоле пришла ему в голову поговорка: «Запорожцы, как дети: коли мало — съедят, коли много — тоже ничего не оставят». Что делать? Был, однако же, где-то, кажется на возу отцовского полка, мешок с белым хлебом, который нашли, ограбивши монастырскую пекарню. Он прямо подошёл к отцовскому возу, но на возу уже его не было: Остап взял его себе под головы и, растянувшись возле на земле, хрюпал на всё поле. Он схватил мешок одной рукой и дёрнул его вдруг так, что голова Остапа упала на землю, а он сам вскочил впросонках и, сидя с закрытыми глазами, закричал, что было мочи: «Держите, держите чёртова ляха, да ловите коня, коня ловите!» — «Замолчи, я тебя убью!» — закричал в испуге Андрий, замахнувшись на него мешком. Но Остап и без того уже не продолжал речи, присмирел и пустил такой храп, что от дыхания шевелилась трава, на которой он лежал. Андрий робко оглянулся на все стороны, чтобы узнать, не пробудил ли кого-нибудь из казаков сонный бред Остапа. Одна чубатая голова, точно, приподнялась в ближайшем курене и, поведя очами, скоро опустилась опять на землю. Переждав минуты две, он наконец отправился с своею ношкою. Татарка лежала, едва дыша. «Вставай, идём! Все спят, не бойся! Подымешь ли ты хоть один из этих хлебов, если мне будет несподручно захватить все?» Сказав это, он взвалил себе на спину мешки, стащил, проходя мимо одного воза, ещё один мешок с просом, взял даже в руки те хлебы, которые хотел было отдать нести татарке, и, несколько

¹ Казан — котёл.

понагнувшись под тяжестью, шёл отважно между рядами спавших запорожцев.

«Андрей!» — сказал старый Бульба в то время, когда он проходил мимо его.

Сердце его замерло. <...>

Андрей стоял ни жив ни мертв, не имея духа взглянуть в лицо отцу. И потом, когда поднял глаза и посмотрел на него, увидел, что уже старый Бульба спал, положив голову на ладонь.

Он перекрестился. Вдруг отхлынула от сердца испуг ещё скорее, чем прихлынула. Когда же повернулся он, чтобы взглянуть на татарку, она стояла перед ним, подобно тёмной гранитной статуе, вся закутанная в покрывало, и отблеск отдалённого зарева, вспыхнув, озарил только одни её очи, одеревеневшие, как у мертвеца. Он дёрнулся за рукав её, и оба пошли вместе, беспрестанно оглядываясь назад, и наконец опустились отлогостью в низменную лощину — почти яр, называемый в некоторых местах балками, — по дну которой лениво пресмыкался проток, поросший осокой и усеянный кочками. Опустившись в сию лощину, они скрылись совершенно из виду всего поля, занятого запорожским табором. <...> Пробираясь меж тростников, остановились они перед наваленным хворостом и фашинником¹. Отклонив хворост, нашли они род земляного свода — отверстие, мало чем большее отверстия, бывающего в хлебной печи. Татарка, наклонив голову, вошла первая; вслед за нею Андрей, нагнувшись сколько можно ниже, чтобы можно было пробраться с своими мешками, и скоро очутились оба в совершенной темноте.

VI

Андрей едва двигался в тёмном и узком земляном коридоре, следя за татаркой и таща на себе мешки хлеба. <...> Они перешли через церковь, не замеченные никем, и

¹ *Фашинник* — прутья; *фашина* — связка прутьев, хвороста, камыша.

вышли потом на площадь, бывшую перед нею. Заря уже давно румянилась на небе: всё возвещало восхождение солнца. <...> Они повернули в улицы и были остановлены вдруг каким-то беснующимся, который, увидев у Андрия драгоценную ношу, кинулся на него, как тигр, вцепился в него, крича: «Хлеба!» Но сил не было у него, равных бешенству; Андрий оттолкнул его: он полетел на землю. Движимый состраданием, он швырнул ему один хлеб, на который тот бросился, подобно бешеной собаке, изгрыз, искал его и тут же на улице в страшных судорогах испустил дух от долгой отвычки принимать пищу. Почти на каждом шагу поражали их страшные жертвы голода. <...> При виде сих поражающих свидетельств Андрий не вытерпел не спросить татарку:

— Неужели они, однако ж, совсем не нашли, чем пробавить жизнь? Если человеку приходит последняя крайность, тогда, делать нечего, он должен питаться тем, чем дотоле презирал; он может питаться теми тварями, которые запрещены законом; всё может тогда пойти в снедь.

— Всё переели, — сказала татарка, — всю скотину. Ни коня, ни собаки, ни даже мыши не найдёшь во всём городе. У нас в городе никогда не водилось никаких запасов; всё привозилось из деревень.

— Но как же вы, умирая такою лютою смертью, всё ещё думаете обороны город?

— Да, может быть, воевода и сдал бы, но вчера утром полковник, который в Буджаках, пустил в город ястреба с запиской, чтобы не отдавали города; что он идёт на выручку с полком, да ожидает только другого полковника, чтоб идти обоим вместе. И теперь всякую минуту ждут их... Но вот мы пришли к дому.

<...> Андрий уже было хотел идти прямо в широкую дубовую дверь, украшенную гербом и множеством резных украшений, но татарка дёрнула его за рукав и указала маленькую дверь в боковой стене. <...> Он не помнил, как взошёл и как затворилась за ним дверь. В комнате горели

две свечи; лампада теплилась перед образом: под ним стоял высокий столик, по обычаю католическому, со ступеньками для преклонения коленей во время молитвы. Но не того искали глаза его. Он повернулся в другую сторону и увидел женщину, казалось застывшую и окаменевшую в каком-то быстром движении. <...>

В это время вошла в комнату татарка. Она уже успела нарезать ломтями принесённый рыцарем хлеб, несла его на золотом блюде и поставила перед своею панною. Красавица взглянула на неё, на хлеб и возвела очи на Андрия, — и много было в очах тех. <...>

Она взяла хлеб и поднесла его ко рту...

— Довольно! не ешь больше! Ты так долго не ела, тебе хлеб будет теперь ядовит.

И она опустила тут же свою руку, положила хлеб на блюдо и, как покорный ребёнок, смотрела ему в очи... И глаза её вдруг наполнились слезами...

— Отчего же ты так печальна? Скажи мне, отчего ты так печальна?

Бросила прочь она от себя платок, отдернула налезавшие на очи длинные волосы косы своей и вся разлилась в жалостных речах, выговаривая их тихим-тихим голосом. <...>

— Не обманывай, рыцарь, и себя и меня, — говорила она, качая тихо прекрасной головой своей, — знаю, и, к великому моему горю, знаю слишком хорошо, что тебе нельзя любить меня; и знаю я, какой долг и завет твой: тебя зовут твои отец, товарищи, отчизна, а мы — враги тебе.

— А что мне отец, товарищи и отчизна? — сказал Андрий, встряхнув быстро головою и выпрямив весь прямой, как надречная осокорь¹, стан свой. — Так если ж так, так вот что: нет у меня никого! Никого, никого! — повторил он тем голосом и сопроводив его тем движеньем руки, с каким упругий, несокрушимый козак выражает решимость на дело неслыханное и невозможное для другого. —

¹ Осокорь — серебристый тополь.

Кто сказал, что моя отчизна Украина? Кто дал мне её в отчизны? Отчизна есть то, чего ищет душа наша, что милее для неё всего. Отчизна моя — ты! Вот моя отчизна! И понесу я отчизну сию в сердце моё, понесу её, пока станет моего веку, и посмотрю, пусть кто-нибудь из козаков вырвет её оттуда! И всё, что ни есть, продам, отдам, погублю за такую отчизну! <...>

В это время вбежала к ним с радостным криком татарка. «Спасены, спасены! — кричала она, не помня себя. — Наши вошли в город, привезли хлеба, пшена, муки и связанных запорожцев». Но не слышал никто из них, какие «наши» вошли в город, что привезли с собою и каких связали запорожцев. <...>

И погиб козак! Пропал для всего козацкого рыцарства! Не видать ему больше ни Запорожья, ни отцовских хуторов своих, ни церкви Божьей! Украине не видать тоже храбрея-шего из своих детей, взявшихся защищать её. Вырвет старый Тарас седой клок волос из своей чуприны¹ и проклянёт и день, и час, в который породил на позор себе такого сына.

VII

Шум и движение происходили в запорожском таборе. Сначала никто не мог дать верного ответа, как случилось, что войска прошли в город. Потом уже оказалось, что весь Переяславский курень, расположившийся перед боковыми городскими воротами, был пьян мертвейки; стало быть, дивиться нечего, что половина была п ребита, а другая перевязана прежде, чем все могли узнать, в чём дело. Покамест ближние курени, разбуженные шумом, успели схватиться за оружие, войско уже уходило в ворота, и последние ряды отстреливались от устремившихся на них в беспорядке сонных и полуопротрезвившихся запорожцев. Кошевой дал приказ сбраться всем, когда все стали в круг и затихли, снявши шапки, он сказал:

¹ Чуприна — чуб, хохол на голове.

— Так вот что, панове братове, случилось в эту ночь. Вот до чего довёл хмель! Вот какое поруганье оказал нам неприятель! У вас, видно, уже такое заведение: коли позвольишь удвоить порцию, так вы готовы так натянутся, что враг Христова воинства не только снимет с вас шаровары, но в самое лицо вам начихает, так вы того не услышите.

Козаки все стояли понурив головы, зная вину; один только незамайновский куренной атаман Кукубенко отозвался.

— Постой, батька! — сказал он, — хоть оно и не в законе, чтобы сказать какое возражение, когда говорит кошевой перед лицом всего войска, да дело не так было, так нужно сказать. Ты не совсем справедливо попрекнул всё христианское войско. Козаки были бы повинны и достойны смерти, если бы напились в походе, на войне, на трудной, тяжкой работе. Но мы сидели без дела, маячились попусту перед городом. Ни поста, ни другого христианского воздержанья не было: как же может статься, чтобы на безделье не напился человек? Греха тут нет. А мы вот лучше покажем им, что такое нападать на безвинных людей. Прежде били доброе, а уж теперь побьём так, что и пят не унесут домой.

Речь куренного атамана понравилась козакам. Они приподняли уже совсем было понурившиеся головы, и многие одобрительно кивнули головой, примолвивши:

— Добре сказал Кукубенко!

А Тарас Бульба, стоявший недалеко от кошевого, сказал:

— А что, кошевой, видно, Кукубенко правду сказал? Что ты скажешь на это?

— А что скажу? Скажу: блажен и отец, родивший такого сына! ещё не большая мудрость сказать укорительное слово, но большая мудрость сказать такое слово, которое бы, не поругавшись над бедою человека, ободрило бы его, придало бы духу ему, как шпоры придают духу коню, освежённому водопоем. Я сам хотел вам сказать потом утешительное слово, да Кукубенко догадался прежде.

— Добре сказал и кошевой! — отзывалось в рядах запорожцев.

— Доброе слово! — повторили другие. И самые седые, стоявшие, как сизые голуби, и те кивнули головою и, моргнувши седым усом, тихо сказали:

— Добре сказанное слово!

— Слушайте же, панове! — продолжал кошевой. — Брать крепость, карабкаться и подкапываться, как делают чужеземные, немецкие мастера, — пусть, ей враг прикинется! — и неприлично и не козацкое дело. А судя по тому, что есть, неприятель вошёл в город не с большим запасом;

тегел что-то было с ним немного. Народ в городе голодный, стало быть, всё съест духом, да и коням тоже сена... уж я не знаю, разве с неба кинет им на вилы какой-нибудь их святой... только про это ещё Бог знает; а ксендзы¹-то их горазды на одни слова. За тем или за другим, а уж они выйдут из города. Разделяйся же на три кучи и становись на три дороги перед тремя воротами. Перед главными воротами пять куреней, перед другими по три куреня. Дядькивский и Корсунский курень на засаду! Полковник Тарас с полком на засаду! Тытаревский и Тымошевский курень на запас с правого бока обоза! Щербиновский и Стебликовский верхний — с левого. Да выбирайтесь из ряду, молодцы, которые позубастее на слово, задирать неприятеля! У ляха пустоголовая натура: брани не вытерпит; и, может быть, сегодня же все они выйдут из ворот. Куренные атаманы, перегляди всякий курень свой: у кого недочёт, пополни его останками Переяславского. <...>

Так распоряжал кошевой, и все поклонились ему в пояс и, не надевая шапок, отправились по своим возам и таборам и, когда уже совсем далеко отошли, тогда только надели шапки. Все начали снаряжаться: пробовали сабли и палаши, насыпали порох из мешков в пороховницы, откатаивали и становили возы и выбирали коней. Уходя к своему полку, Тарас думал и не мог придумать, куда девался Андрий, полонили ли его вместе с другими и связали сонного? Только нет, не таков Андрий, чтобы отиться живым в плен. Между убитыми козаками тоже не было его видно. Задумался крепко Тарас и шёл перед полком. <...>

Наконец повёл он свой полк в засаду и скрылся с ним за лесом, который один был не выжжен ещё козаками. А запорожцы, и пешие, и конные, выступали на три дороги к трём воротам. <...> В городе услышали козацкое движение. Все выссыпали на вал, и предстало пред козаков живая картина: польские витязи², один другого красивей, стояли на валу. Медные шапки сияли, как солнца, оперён-

¹ Ксендз — католический священник в польской церкви.

² Витязь — здесь: воин.

ные белыми, как лебедь, перьями. На других были лёгкие шапочки, розовые и голубые, с перегнутыми набекрень верхами; кафтаны с откидными рукавами, шитые и золотом и просто выложенные шнурками; у тех сабли и оружья в дорогих оправах, за которые дорого приплачивались паны, и много было всяких других убранств. Напереди стоял спесиво в красной шапке, убранной золотом, буджаковский полковник. Грузен был полковник, всех выше и толще, и широкий дорогой кафтан в силу облекал его. На другой стороне, почти к боковым воротам, стоял другой полковник, небольшой человечек, весь высохший; но малые зоркие очи глядели живо из-под густо нарощих бровей, и оборачивался он скоро на все стороны, указывая бойко тонкою, сухою рукою своею, раздавая приказанья; видно было, что, несмотря на малое тело своё, знал он хорошо ратную науку. Недалеко от него стоял хорунжий¹, длинный-длинный, с густыми усами, и, казалось, не было у него недостатка в краске на лице. Любил пан крепкие мёды и добрую пирушку. И много было видно за ним и всякой шляхты², вооружившейся кто на свои червонцы, кто на королевскую казну. <...> Козацкие ряды стояли тихо перед стенами. Не было на них ни на ком золота, только разве кое-где блестело оно на сабельных рукоятях и ружейных оправах. Не любили козаки богато выряжаться на битвах; простые были на них кольчуги и свиты, и далеко чернели и червонели чёрные червоноверхие бараньи их шапки.

Два козака выехало вперёд из запорожских рядов: один ещё совсем молодой, другой постарее, оба зубастые на слово, на дело тоже не плохие козаки: Охрим Наш и Мыкыта Голокопытенко. Следом за ними выехал и Демид Попович, коренастый козак, уже давно маячивший на Сечи, бывший под Адрианополем и много натерпевшийся на веку своём: горел в огне и прибежал на Сечь с обсма-

¹ Хорунжий — знаменосец; хоругвь — знамя.

² Шляхта — польское дворянство.

ленною, почерневшею головою и выгоревшими усами. Но раздобрел вновь Попович, пустил за ухо оселедец¹, вырастил усы густые и чёрные, как смоль. И крепок был на едкое слово Попович.

— А, красные жупаны² на всём войске, да хотел бы я знать, красная ли сила у войска?

— Вот я вас! — кричал сверху дюжий полковник, — всех перевяжу! Отдавайте, холопы, ружья и коней. Видели, как перевязал я ваших? Выведите им на вал запорожцев! — И вывели на вал скрученных верёвками запорожцев. Впереди их был куреной атаман Хлиб, без шаровар и верхнего убранства, — так как схватили его хмельного. Потупил в землю голову атаман, стыдясь наготы своей перед своими же козаками и что попал в плен, как собака, сонный. И в одну ночь поседела крепкая голова его.

— Не печалься, Хлиб! Выручим! — кричали ему снизу козаки.

— Не печалься, друзьяка! — отозвался куреной атаман Бородатый. — В том нет вины твоей, что схватили тебя нагого. Беда может быть со всяким человеком; но стыдно им, что выставили тебя на позор, не прикрывши прилично наготы твоей.

— Вы, видно, на сонных людей храбре войско! — говорил, поглядывая на вал, Голокопытенко.

— Вот, погодите, обрежем мы вам чубы! — кричали им сверху.

— А хотел бы я поглядеть, как они нам обрежут чубы! — говорил Попович, повернувшись перед ними на коне. И потом, поглядевши на своих, сказал: — А что ж? Может быть, ляхи и правду говорят. Коли выведет их вон тот, пузатый, им всем будет добрая защита.

— Отчего ж, ты думаешь, будет им добрая защита? — сказали козаки, зная, что Попович, верно, уже готовился что-нибудь сказать.

¹ Оселедец — прядь волос на темени.

² Жупан — верхняя одежда у поляков и украинцев.

— А оттого, что позади его упрячется всё войско, и уж чёрта с два из-за его пузза достанешь которого-нибудь копьём!

Все засмеялись козаки. И долго многие из них ещё покачивали головою, говоря: «Ну, уж Попович! Уж коли кому закрутит слово, так только ну...» Да уж и не сказали козаки, что такое «ну».

— Отступайте, отступайте скорей от стен! — закричал кошевой. Ибо ляхи, казалось, не выдержали едкого слова, и полковник махнул рукой.

Едва только посторонились козаки, как грянули с валу картечью. На валу засуетились, показался сам седой воевода на коне. Ворота отворились, и выступило войско. Впереди выехали ровным конным строем шитые гусары. За ними кольчужники, потом латники¹ с копьями, потом все в медных шапках, потом ехали особняком лучшие шляхтичи, каждый одетый по-своему. Не хотели гордые шляхтичи смешаться в ряды с другими, и у которого не было команды, тот ехал один с своими слугами. Потом опять ряды, и за ними выехал хорунжий; за ним опять ряды, и выехал дюжий полковник; а позади всего уже войска выехал последним низенький полковник. «Не давать им, не давать им строиться и становиться в ряды! — кричал кошевой. — Разом напирайте на них все курени! Оставляйте прочие ворота! Тытаревский курень, нападай сбоку! Дядькивский курень, нападай с другого! Напирайте на тыл, Кукубенко и Палывода! Мешайте, мешайте и роняйте их!» И ударили со всех сторон козаки, сбили и смешили их, и сами смешались. Не дали даже и стрельбы прознавести; пошло дело на мечи да на копья. Все сбились в кучу, и каждому привёл случай показать себя. <...>

И польстился корыстью Бородатый: нагнулся, чтобы снять... дорогие доспехи... И не услышал Бородатый, как налетел на него сзади красноносый хорунжий, уже разбитый им с седла и получивший добрую зазубрину на

¹ Латник — воин, который носит латы; латы — металлическая броня, защищавшая грудь и спину воина от удара холодного оружия.

память. Размахнулся он со всего плеча и ударил его саблей по нагнувшейся шее. <...>

Как плавающий в небе ястреб, давши много кругов сильными крылами, вдруг останавливается распластанный на одном месте и бьёт оттуда стрелой на раскричавшегося у самой дороги самца-перепела, — так Тарасов сын, Остап, налетел вдруг на хорунжего и сразу накинул ему на шею верёвку. Побагровело ещё сильнее красное лицо хорунжего, когда затянула ему горло жёсткая петля: схватился он было за пистолет, но судорожно сведённая рука не могла направить выстрела, и даром полетела в поле пуля. Остап тут же, у его же седла, отвязал шёлковый шнур, который возил с собою хорунжий для вязания пленных, и его же шнуром связал его по рукам и ногам, прицепил конец верёвки к седлу и поволок его через поле, сзывая громко всех козаков Уманского куреня, чтобы шли отдать последнюю честь атаману. Как услышали уманцы, что куренного их атамана Бородатого нет уже в живых, бросили поле битвы и прибежали прибрать его тело; и тут же стали совещаться, кого выбрать в куренные. Наконец сказали: «Да на что совещаться? Лучше не можно поставить в куренные никого, кроме Бульбёнка Остапа. Он, правда, младший всех нас, но разум у него, как у старого человека». Остап, сняв шапку, всех поблагодарил козаков-товарищей за честь, не стал отговариваться ни молодостью, ни молодым разумом, зная, что время военное и не до того теперь, а тут же повёл их прямо на кучу и уж показал им всем, что недаром выбрали его в атаманы. Почувствовали ляхи, что уже становилось дело слишком жарко, отступили и перебежали поле, чтоб собраться на другом конце его. А низенький полковник махнул на стоявшие отдельно, у самых ворот, четыре свежих сотни, и грянули оттуда картечью в козацкие кучи. Но мало кого достали: пули хватили по быкам козацким, дико глядевшим на битву. Взревели испуганные быки, повернули на козацкий табор, переломали возы и многих перетоптали. Но Тарас в это время, вырвавшись из

засады с своим полком, с криком бросился навпереймы¹. Поворотилось назад всё бешеное стадо, испуганное криком, и метнулось на ляшские полки, опрокинуло конницу, всех смяло и рассыпало.

— О, спасибо вам, волы! — кричали запорожцы, — служили всю походную службу, а теперь и военную сослужили! — И ударили с новыми силами на неприятеля.

Много тогда перебили врагов. Многие показали себя: Метельца, Шило, оба Пысаренки, Вовтуценко, и немало было всяких других. Увидели ляхи, что плохо наконец приходит, выкинули хоругвь и закричали отворять городские ворота. Со скрыпом отворились обитые железом ворота и приняли толпившихся, как овец в овчарню, изнутрённых и покрытых пылью всадников. Многие из запорожцев погнались было за ними, но Остап своих уманцев остановил, сказавши: «Подальше, подальше, паны братья, от стен. Не годится близко подходить к ним». И правду сказал, потому что со стен грянули и посыпали всем, чем ни попало, и многим досталось. В это время подъехал кошевой и похвалил Остапа, сказавши: «Вот и новый атаман, а ведёт войско так, как бы и старый!» Оглянулся старый Бульба поглядеть, какой там новый атаман, и увидел, что впереди всех уманцев сидел на коне Остап, и шапка заломлена набекрень, и атаманская палица в руке. «Вишь ты какой!» — сказал он, глядя на него; и обрадовался старый, и стал благодарить всех уманцев за честь, оказанную сыну.

Козаки вновь отступили, готовясь идти к таборам, а на городском валу вновь показались ляхи. Уже с изорванными епанчами². Запеклася кровь на многих дорогих кафтанах, и пылью покрылись красивые медные шапки.

— Что, перевязали? — кричали им снизу запорожцы.

— Вот я вас! — кричал всё так же сверху толстый полковник, показывая верёвку; и всё ещё не переставали гро-

¹ Навпереймы — наперерез.

² Епанчá — длинный и широкий плащ.

зить запылённые, изнурённые воины, и перекинулись с обеих сторон все, бывшие позадорнее, бойкими словами.

Наконец разошлись все. Кто расположился отдохать, истомившись от боя; кто присыпал землёй свои раны и драл на перевязки платки и дорогие одежды, снятые с убитого неприятеля. Другие же, которые были посвежее, стали прибирать тела и отдавать им последнюю почесть. <...>

IX

В городе не узнал никто, что половина запорожцев выступила в погоню за татарами. С магистратской¹ башни приметили только часовые, что потянулась часть возов за лес; но подумали, что козаки готовились сделать засаду; то же думал и французский инженер. А между тем слова кочевого не прошли даром, и в городе оказался недостаток в съестных припасах. По обычаям прошедших веков, войска не разочли, сколько им было нужно. Попробовали сделать вылазку, но половина смельчаков была тут же перебита козаками, а половина прогнана в город ни с чем. <...> Полковники <...> готовились дать сражение. Тарас уже видел то по движению и шуму в городе и расторопно хлопотал, строил, раздавал приказы и наказы, уставил в три таборы курени, обнёсши их возами в виде крепостей, — род битвы, в которой бывали непобедимы запорожцы; двум куреням повелел забраться в засаду; убил часть поля острыми кольями, изломанным оружием, обломками копьев, чтобы при случае нагнать туда неприятельскую конницу. И когда всё было сделано, как нужно, сказал речь козакам, не для того, чтобы ободрить и освежить их, — знал, что и без того крепки они духом, — а просто самому хотелось высказать всё, что было на сердце.

— Хочется мне вам сказать, панове, что такое есть наше товарищество. Вы слышали от отцов и дедов, в какой чести у всех была земля наша: и грекам дала знать себя, и с Царьграда брали червонцы, и города были пышные, и

¹ Магистрат — городское управление.

храмы, и князья, князья русского рода, свои князья. <...>
Всё взяли бусурманы, всё пропало. Только остались мы, сирые, да, как вдовица после крепкого мужа, синая так же, как и мы, земля наша! Вот в какое время подали мы, товарищи, руку на братство! Вот на чём стоит наше товарищество! Нет уз святее товарищества! Отец любит своё дитя, мать любит своё дитя, дитя любит отца и мать. Но это не то, братцы: любит и зверь своё дитя. Но породниться родством по душе, а не по крови, может один только человек. Бывали и в других землях товарищи, но таких, как в Русской земле, не было таких товарищей. Вам случалось не одному помногу пропадать на чужбине; видишь, и там люди! также Божий человек, и разговоришься с ним, как с своим; а как дойдёт до того, чтобы поведать сердечное слово, — видишь: нет, умные люди, да не те; такие же люди, да не те! Нет, братцы, так любить, как русская душа, — любить не то, чтобы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе, а... — сказал Тарас, и махнул рукой, и потряс седою головою, и усом моргнул, и сказал: — Нет, так любить никто не может! Знаю, подло завелось теперь на земле нашей; думают только, чтобы при них были хлебные стоги, скирды да конные табуны их, да были бы целы в погребах запечатанные мёды их. Перенимают чёрт знает какие бусурманские обычай: гнушаются языком своим; свой с своим не хочет говорить; свой своего продаёт, как продают бездушную тварь на торговом рынке. Милость чужого короля, да и не короля, а паскудная милость польского магната¹, который жёлтым чоботом² своим бьёт их в морду, дороже для них всякого братства. Но у последнего подлюки, каков он ни есть, хоть весь извялялся он в саже и в поклонничестве, есть и у того, братцы, крупица русского чувства. И проснётся оно когда-нибудь, и ударится он, горемычный, об полы руками, схватит себя за голову, проклявши громко подлую жизнь

¹ *Магнат* — крупный помещик.

² *Чобот* — сапог.

свою, готовый муками искупить позорное дело. Пусть же знают они все, что такое значит в Русской земле товарищество! Уж если на то пошли, чтобы умирать, — так никому из них не доведётся так умирать! Никому, никому!.. Не хватит у них на то мышиной натуры их!

Так говорил атаман и, когда кончил речь, всё ещё потрясал посеребрившуюся в козацких делах головою. Всех, кто ни стоял, разобрала сильно такая речь, дошеддалеко, до самого сердца. Самые старейшие в рядах стали неподвижны, потупив седые головы в землю; слеза тихо накатывалася в старых очах; медленно отирали они её рукавом. И потом все, как будто сговорившись, махнули в одно время рукою и потрясли бывальми головами. Знать, видно, много напомнил им старый Тарас знакомого и лучшего, что бывает на сердце у человека, умудрённого горем, трудом, удалью и всяким невзгодьем жизни, или хотя и не познавшего их, но много почувявшего молодою жемчужною душою на вечную радость старцам-родителям, родившим его.

А из города уже выступало неприятельское войско, выгремливая в литавры и трубы, и, подбоченившись, выезжали паны, окружённые несметными слугами. Толстый полковник отдавал приказы. И стали наступать они тесно на козацкие таборы, грозя, нацеливаясь пищалями, сверкая очами и блеща медными доспехами. Как только увидели козаки, что подошли они на ружейный выстрел, все разом грянули в семипядные пищали, и, не прерывая, всё палили они из пищалей. Далеко неслось громкое хлопанье по всем окрестным полям и нивам, сливаюсь в беспрерывный гул, дымом затянуло всё поле, а запорожцы всё палили, не переводя духу: задние только заряжали да передавали передним, наводя изумление на неприятеля, не могшего понять, как стреляли козаки, не заряжая ружей. Уже не видно было за великим дымом, обнявшим то и другое воинство, не видно было, как то одного, то другого не становило в рядах; но чувствовали ляхи, что густо летели пули и жарко становилось дело; и когда попятались назад, чтобы

посторониться от дыма и оглядеться, то многих недосчитались в рядах своих. А у козаков, может быть, другой-третий был убит на всю сотню. И всё продолжали палить козаки из пищалей, ни на минуту не давая промежутка. Сам иноземный инженер подивился такой, никогда им не виданной тактике, сказавши тут же, при всех: «Вот бравые молодцы-запорожцы! Вот как нужно биться и другим в других землях!» И дал совет поворотить тут же на табор пушки. Тяжело ревнули широкими горлами чугунные пушки; дрогнула, далеко загудевши, земля, и вдвое больше затянуло дымом всё поле. Почуяли запах пороха среди площадей и улиц в дальних и крайних городах. Но нацелившие взяли слишком высоко: раскалённые ядра выгнули слишком высокую дугу. Страшно завизжав по воздуху, перелетели они через головы всего табора и углубились далеко в землю, взорвав и взметнув высоко на воздух чёрную землю. Ухватил себя за волосы французский инженер при виде такого неискусства и сам принялся наводить пушки, не глядя на то, что жарили и сыпали пулями беспрерывно козаки.

Тарас видел ещё издали, что беда будет всему Незамайновскому и Стебликовскому куреню, и вскрикнул зычно: «Выбирайтесь скорей из-за возов и садитесь всякий на коня!» Но не успели бы сделать то и другое козаки, если бы Остап не удариł в самую середину; выбил фитили у шести пушкарей, у четырёх только не мог выбить. Отогнали его назад ляхи. А тем временем иноземный капитан сам взял в руку фитиль, чтобы выпалить из величайшей пушки, какой никто из козаков не видывал дотоле. Страшно глядела она широкую пастью, и тысячи смертей глядело оттуда. И как грязнула она, а за нею следом три другие, четырёхкратно потрясши глухо-ответную землю, — много нанесли они горя! Не по одному козаку взрыдает старая мать, ударяя себя костиштыми руками в дряхлые перси¹. Не одна останется вдова в Глухове, Немирове, Чернигове и других городах. Будет,

¹ Пéрси — грудь.

сердечная, выбегать всякий день на базар, хватаясь за всех проходящих, распознавая каждого из них в очи, нет ли между их одного, милейшего всех. Но много пройдёт через город всякого войска, и вечно не будет между ними одного, милейшего всех.

Так, как будто и не бывало половины Незамайновского куреня! Как градом выбивает вдруг всю ниву, где, что полновесный червонец, красовался всякий колос, так их выбило и положило.

Как же вскинулись козаки! Как схватились все! Как закипел куренной атаман Кукубенко, увидевши, что лучшей половины куреня его нет! Разом вился он с остальными своими незамайновцами в самую середину. В гневе иссёк в капусту первого попавшегося, многих конников сбил с коней, доставши копьём и конника, и коня, пробрался к пушкарям и уже отбил одну пушку. А уж там, видит, хлопочет уманский куренной атаман, и Степан Гуска уже отбивает главную пушку. Оставил он тех козаков и повертил с своими в другую неприятельскую гущу. Там, где прошли незамайновцы — так там и улица, где повертились — так уж там и переулок! Так и видно, как редели ряды и снопами валились ляхи! А у самых возов Бовтузенко, а спереди Черевиченко, а у дальних возов Дёгтяренко, а за ним куренной атаман Вертыхвист. Двух уже шляхтичей поднял на копьё Дёгтяренко, да напал наконец на неподатливого третьего. Увёртлив и крепок был лях, пышной сбруей украшен и пятьдесят одних слуг привёл с собою. Погнул он крепко Дёгтяренка, сбил его на землю и уже, замахнувшись на него саблей, кричал:

— Нет из вас, собак-козаков, ни одного, кто бы посмел противустать мне!

— А вот есть же! — сказал и выступил вперёд Мосий Шило.

Сильный был он козак, не раз атаманствовал на море и много натерпелся всяких бед. <...>

— Так есть же такие, которые бьют вас, собака, — сказал он, кинувшись на него.

И уж так-то рубились они! И наплечники, и зерцала¹ погнулись у обоих от ударов. Разрубил на нём вражий лях железную рубашку, достав лезвием самого тела: зачервонела козацкая рубашка. Но не поглядел на то Шило, а замахнулся всей жилистой рукою (тяжела была коренастая рука) и оглушил его внезапно по голове. Разлетелась медная шапка, зашатался и грянулся лях, а Шило принялся рубить и крестить оглушённого. Не добивай, козак, врага, а лучше поворотись назад! Не повертился козак назад, и тут же один из слуг убитого хватил его ножом в шею. Повертился Шило и уж достал было смельчака, но он пропал в пороховом дыме. Со всех сторон поднялось хлопанье из самопалов. Пошатнулся Шило и почуял, что рана была смертельна. Упал он, наложил руку на свою рану и сказал, обратившись к товарищам:

— Прощайте, паны братья, товарищи! Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!

И зажмурил ослабевшие свои очи, и вынеслась козацкая душа из сурового тела. А там уже выезжал Задорожный с своими, ломил ряды куренной Вертыхвост и выступал Балабей.

— А что, паны? — сказал Тарас, перекликнувшись с куренными. — Есть ещё порох в пороховницах? Не ослабела ли, козацкая сила? Не гнутся ли козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах. Не ослабела ли козацкая сила; ещё не гнутся козаки!

И напёрли сильно козаки: совсем смешали все ряды. Низкорослый полковник ударил сбор и велел выкинуть восемь малёванных² знамён, чтобы собрать своих, рассыпавшихся далеко по всему полю. Все бежали ляхи к знамёнам; но не успели они ещё выстроиться, как уже куренной атаман Кукубенко ударил вновь с своими

¹ Зерцало — здесь: блестящий металлический нагрудник вместе с наспинником.

² Малёванный — разрисованный, расписной.

незамайновцами в середину и напал прямо на толстопузого полковника. Не выдержал полковник и, поворотив коня, пустился вскачь; а Кукубенко далеко гнал его через всё поле, не дав ему соединиться с полком. Завидев то с бокового куреня, Степан Гуска пустился ему навперёймы, с арканом в руке, всю пригнувши голову к лошадиной шее, и, улучивши время, с одного раза накинул аркан ему на шею. Весь побагровел полковник, ухватясь за верёвку обеими руками и силясь разорвать её, но уже дюжий размах вогнал ему в самый живот гибельную пичку. Так и остался он, пригвождённый к земле. Но несдобровать и Гуске! Не успели оглянуться козаки, как уже увидели Степана Гуску, поднятого на четыре копья. Только и успел сказать бедняк: «Пусть же пропадут все враги, и ликует вечные веки Русская земля!» И там же испустил дух свой.

Оглянулись козаки, а уж там, сбоку, козак Метельца угощает ляхов, шеломя¹ того и другого; а уж там, с другого, напирает с своими атаман Невылычкий; а у возов ворочает врага и бьётся Закрутыйгуба; а у дальних возов третий Пысаренко отогнал уже целую ватагу. А уж там, у других возов, схватились и бьются на самых возах.

— Что, паны? — перекликнулся атаман Тарас, проехавши впереди всех. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Крепка ли козацкая сила? Не гнутся ли ещё козаки?

— Есть ещё, батько, порох в пороховницах; ещё крепка козацкая сила; ещё не гнутся козаки!

А уж упал с воза Бовдюг. Прямо под самое сердце пришлась ему пуля, но собрал старый весь дух свой и сказал: «Не жаль расстаться с светом! Дай Бог и всякому такой кончины! Пусть же славится до конца века Русская земля!» И понеслась к вышинам Бовдюгова душа рассказать давно отошедшим старцам, как умеют биться на Русской земле и, ещё лучше того, как умеют умирать в ней за святую веру.

¹ Шеломить — ударить в бою по шлему.

Балабан, куренной атаман, скоро после него грянулся также на землю. Три смертельные раны достались ему: от копья, от пули и от тяжёлого палаша. А был один из доблестнейших козаков. <...> Поникнул он теперь головою, почуяв предсмертные муки, и тихо сказал: «Сдаётся мне, паны браты, умираю хорошею смертью: семерых изрубил, девятерых копьём исколол. Истоптал конём вдоволь, а уж не припомню, скольких достал пулевою. Пусть же цветёт вечно Русская земля!..» И отлетела его душа.

Козаки, козаки! не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось изо всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нём одежда. Сам Тарас, увидя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели козаки: уже успело ему углубиться под сердце копьё прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его козакам, и хлынула ручьём молодая кровь, подобно дорому вину, которое несли в стеклянном сосуде из подгреба неосторожные слуги, подскользнулись тут же у входа и разбили дорогую суплею¹: всё разлилось на землю вино, и схватил себя за голову прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведёт Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек... Повёл Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть при глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут ещё лучше, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. <...>

— А что, паны? — перекликнулся Тарас с оставшимися куренями. — Есть ли ещё порох в пороховницах? Не иступились ли сабли? Не утомилась ли козацкая сила? Не погнулись ли козаки?

¹ Супле́й — большая бутыль; здесь: драгоценный сосуд.

— Достанет ещё, батько, пороху! Годятся ещё сабли; не утомилась козацкая сила; не погнулись ещё козаки!

И рванулись снова козаки так, как бы и потерять никаких не потерпели. Уже три только куренных атамана осталось в живых. Червонели уже всюду красные реки; высоко гатились мосты из козацких и вражьих тел. Взглянул Тарас на небо, а уж по небу потянулась вереница кречетов. Ну, сбудет кому-то пожива! А уж там подняли на копьё Метельщию. Уже голова другого Пысаренка, завертевшись, захлопала очами. Уже подломился и бухнулся о землю начетверо изрубленный Охрим Гуска. «Ну!» — сказал Тарас и махнул платком. Понял тот знак Остап и ударил сильно, вырвавшись из засады, в конницу. Не выдержали сильного напора ляхи, а он их гнал и нагнал прямо на место, где были убиты в землю колья и обломки копьев. Пошли спотыкаться и падать кони и лететь через их головы ляхи. А в это время корсунцы, стоявшие последние за возами, увидевши, что уже достанет ружейная пуля, грянули вдруг из самопалов. Все сбились и растерялись ляхи, и приободрились козаки. «Вот и наша победа!» — раздались со всех сторон запорожские голоса, затрубили в трубы и выкинули победную хоругвь. Везде бежали и крылись разбитые ляхи. «Ну, нет, ещё не совсем победа!» — сказал Тарас, глядя на городские стены, и сказал он правду.

Отворились ворота, и вылетел оттуда гусарский полк, краса всех конных полков. Под всеми всадниками были все, как один, бурые аргамаки¹. Впереди перед другими понёсся витязь всех бойчее, всех красивее. Так и летели чёрные волосы из-под медной его шапки; вился завязанный на руке дорогой шарф, шитый руками первой красавицы. Так и оторопел Тарас, когда увидел, что это был Андрий. А он между тем, объятый пылом и жаром битвы, жадный заслужить навязанный на руку подарок, понёсся, как молодой борзый пёс, красивей-

¹ Аргамак — восточная породистая верховая лошадь.

ший, быстрейший и молодший всех в стае. А тукнул на него опытный охотник — и он понёсся, пустив прямой чертой по воздуху свои ноги, весь покосившись на бок всем телом, взрывая снег и десять раз выпереживая самого зайца в жару своего бега. Остановился старый Тарас и глядел на то, как он чистил перед собою дорогу, разгонял, рубил и сыпал удары направо и налево. Не вытерпел Тарас и закричал: «Как?.. Своих?.. Своих, чёртов сын, своих бьёшь?..» Но Андрий не различал, кто перед ним был, свои или другие какие; ничего не видел он...

— Эй, хлопъята! заманите мне только его к лесу, заманите мне только его! — кричал Тарас. И вызвалось тот же час тридцать быстрейших козаков заманить его. И, поправив на себе высокие шапки, тут же пустились на конях прямо наперерез гусарам. Ударили сбоку на передних, сбили их, отделили от задних, дали по гостинцу тому и другому, а Голокопытенко хватил плащом по спине Андрия, и в тот же час пустились бежать от них, сколько достало козацкой мочи. Как вскинулся Андрий! Как забунтовала по всем жилкам молодая кровь! Ударив острыми шпорами коня, во весь дух полетел он за козаками, не глядя назад, не видя, что позади всего только двадцать человек успело спешевать за ним. А козаки летели во всю прыть на конях и прямо поворотили к лесу. Разогнался на коне Андрий и чуть было уже не настигнул Голокопытенка, как вдруг чьято сильная рука ухватила за повод его коня. Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен...

Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, всыхивает, как огонь, бешеный выскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и упадает бессильная ярость. Подобно ему, в один миг

пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца.

— Ну, что ж теперь мы будем делать? — сказал Тарас, смотря прямо ему в очи.

Но ничего не умел на то сказать Андрий и стоял, утупивши в землю очи.

— Что, сынку, помогли тебе твои ляхи?

Андрей был безответен.

— Так продать? продать веру? продать своих? Стой же, слезай с коня!

Покорно, как ребёнок, слез он с коня и остановился ни жив ни мёртв перед Тарасом.

— Стой и не шевелись! Я тебя породил, я тебя и убью! — сказал Тарас и, отступивши шаг назад, снял с плеча ружьё.

Бледен, как полотно, был Андрей; видно было, как тихо шевелились уста его и как он произносил чьё-то имя; но это не было имя отчизны, или матери, или братьев — это было имя прекрасной полячки. Тарас выстрелил.

Как хлебный колос, подрезанный серпом, как молодой башек, почувавший под сердцем смертельное железо, повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова.

Остановился сыноубийца и глядел долго на бездыханный труп. Он был и мёртвый прекрасен: мужественное лицо его, недавно исполненное силы и непобедимого для жён очарованья, всё ещё выражало чудную красоту; чёрные брови, как траурный бархат, оттеняли его побледневшие черты. «Чем бы не козак был? — сказал Тарас, — и станом высокий, и чернобровый, и лицо, как у дворянина, и рука была крепка в бою! Пропал, пропал бесславно, как подлая собака!»

— Батько, что ты сделал? Это ты убил его? — сказал подъехавший в это время Остап.

Тарас кивнул головою.

Пристально поглядел мёртвому в очи Остап. Жалко ему стало брата и проговорил он тут же:

— Предадим же, батько, его честно земле, чтобы не поругались над ним враги и не растищали бы его тело хищные птицы.

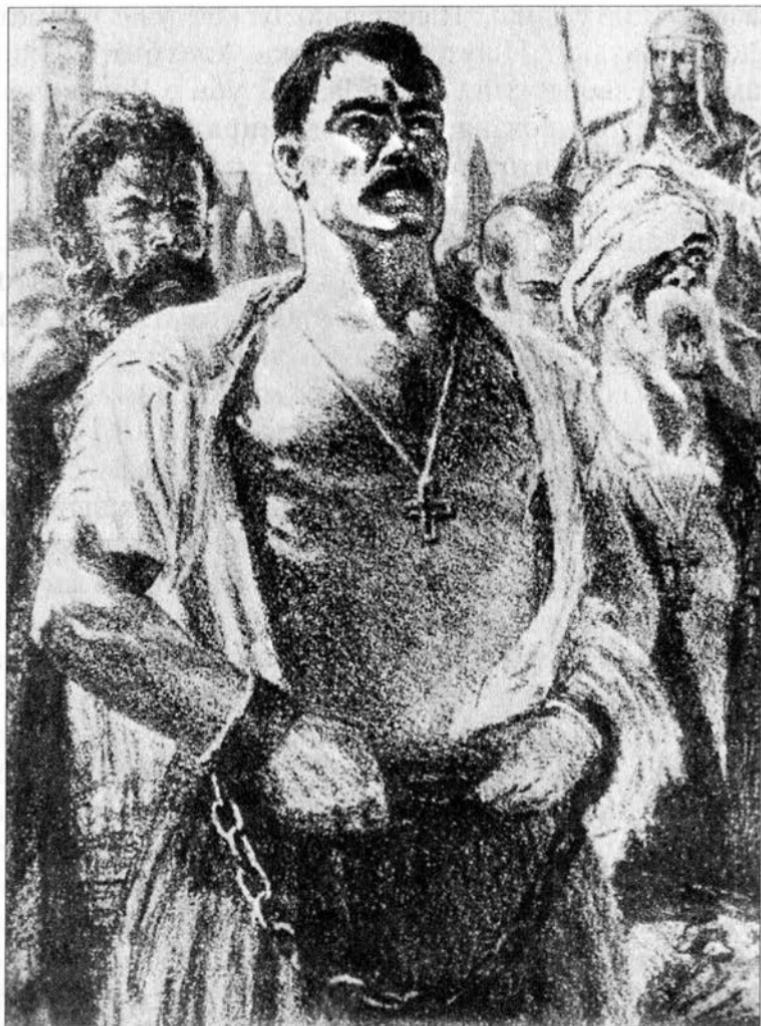
— Погребут его и без нас! — сказал Тарас. — Будут у него плакальщики и утешницы!

И минуты две думал он, кинуть ли его на расхищенье волкам-сыромахам или пощадить в нём рыцарскую доблесть, которую храбрый должен уважать в ком бы то ни было. Как видит, скачет к нему на коне Голокопытенко: «Беда, атаман, окрепли ляхи, прибыла на подмогу свежая сила!..»

Не успел сказать Голокопытенко, скачет Вовтузенко: «Беда, атаман, новая валит ещё сила!..» Не успел

сказать Бовтузенко, Пысаренко бежит уже без коня: «Где ты, батьку? Ищут тебя козаки. Уж убит куренной атаман Невылычкий, Задорожный убит, Черевиченко убит. Но стоят козаки, не хотят умирать, не увидев тебя в очи: хотят, чтобы взглянул ты на них перед смертным часом».

«На коня, Остап!» — сказал Тарас и спешил, чтобы застать ещё козаков, чтобы поглядеть ещё на них и чтобы они взглянули перед смертью на своего атамана. Но не выехали они ещё из лесу, а уж неприятельская сила окружила со всех сторон лес, и меж деревьями везде показались всадники с саблями и копьями. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» — кричал Тарас, а сам, схвативши саблю наголо, начал честить первых попавшихся на все боки. А на Остапа уже наскочило вдруг шестеро; но не в добрый час, видно, наскочило: с одного полетела голова, другой перевернулся, отступивши; угодило копьё в ребро третьего; четвёртый был поотважней, уклонился головой от пули, и попала в конскую грудь горячая пуля, — вздыбился бешеный конь, грянулся о землю и задавил под собою всадника. «Добре, сынку!.. Добре, Остап!.. — кричал Тарас. — Вот я следом за тобою!..» А сам всё отбивался от наступавших. Рубится и бьётся Тарас, сыплет гостинцы тому и другому на голову, а сам глядит всё вперёд на Остапа и видит, что уже вновь схватилось с Остапом мало не восьмero разом. «Остап!.. Остап, не поддавайся!..» Но уж одолевают Остапа; уже один накинул ему на шею аркан, уже вяжут, уже берут Остапа. «Эх, Остап, Остап!.. — кричал Тарас, пробиваясь к нему, рубя в капусту встречных и поперечных. — Эх, Остап, Остап!..» Но, как тяжёлым камнем, хватило его самого в ту же минуту. Всё закружило и перевернулось в глазах его. На миг смешанно сверкнули пред ним головы, копья, дым, блески огня, сучья с древесными листьями, мелькнувшие ему в самые очи. И грохнулся он, как подрубленный дуб, на землю. И туман покрыл его очи.

XII

<...> А что же Тарас? А Тарас гулял по всей Польше с своим полком, выжег восемнадцать местечек, близ сорока костёлов¹ и уже доходил до Кракова. Много избил он всякой шляхты, разграбил богатейшие и лучшие замки; распечатали и поразливали по земле козаки вековые мё-

¹ Костёл — католический храм.

ды и вина, сохранно сберегавшиеся в панских погребах; изрубили и пережгли дорогие сукна, одежды и утвари, находимые в кладовых. «Ничего не жалейте!» — повторял только Тарас. <...> И такие поминки по Остапе отправлял он в каждом селении, пока польское правительство не увидело, что поступки Тараса были побольше, чем обыкновенное разбойничество, и <...> Потоцкому поручено было с пятью полками поймать непременно Тараса.

Шесть дней уходили козаки просёлочными дорогами от всех преследований; едва выносили кони необыкновенное бегство и спасали козаков. Но Потоцкий на сей раз был достоин возложенного поручения; неутомимо преследовал он их и настиг на берегу Днестра, где Бульба занял для роздыха оставленную развалившуюся крепость.

Над самой кручиной у Днестра-реки виднелась она своим оборванным валом и своими развалившимися останками стен. Щебнем и разбитым кирпичом усеяна была верхушка утёса, готовая всякую минуту сорваться и слететь вниз. Тут-то, с двух сторон, прилеглых к полю, обступил его коронный гетьман Потоцкий. Четыре дня бились и боролись козаки, отбиваясь кирпичами и каменьями. Но истощились запасы и силы, и решился Тарас пробиться сквозь ряды. И пробились было уже козаки, и, может быть, ещё раз послужили бы им верно быстрые кони, как вдруг среди самого бегу остановился Тарас и вскрикнул: «Стой! выпала люлька с табаком; не хочу, чтобы и люлька досталась вражьим ляхам!» И нагнулся старый атаман и стал отыскивать в траве свою люльку с табаком, неотлучную сопутницу на морях и на суше, и в походах, и дома. А тем временем набежала вдруг ватага и схватила его под могучие плечи. Двинулся было он всеми членами, но уже не посыпалась на землю, как бывало прежде, схватившие его гайдуки¹. «Эх, старость, старость!» — сказал он, и заплакал дебелый² старый козак. Но

¹ Гайду́к — легковооружённый пехотинец.

² Дебе́лый — крепкий, большой, грузный.

не старость была виною: сила одолела силу. Мало не тридцать человек повисло у него по рукам и по ногам. «Попалась ворона! — кричали ляхи. — Теперь нужно только придумать, какую бы ему, собаке, лучшую честь воздать». И присудили, с гетьманского разрешения, сжечь его живого в виду всех. Тут же стояло нагое дерево, вершину которого разбило громом. Притянули его железными цепями к древесному стволу, гвоздём прибили ему руки и, приподняв его повыше, чтобы отовсюду был виден козак, принялись тут же раскладывать под деревом костёр. Но не на костёр глядел Тарас, не об огне он думал, которым собирались жечь его; глядел он, сердечный, в ту сторону, где отстреливались козаки: ему с высоты всё было видно как на ладони. «Занимайте, хлопцы, занимайте скорее, — кричал он, — горку, что за лесом: туда не подступят они!» Но ветер не донёс его слов. «Вот, пропадут, пропадут ни за что!» — говорил он отчаянно и взглянул вниз, где сверкал Днестр. Радость блеснула в очах его. Он увидел выдвинувшиеся из-за кустарника четыре кормы, собрал всю силу голоса и зычно закричал: «К берегу! к берегу, хлопцы! Спускайтесь подгорной дорожкой, что налево. У берега стоят челны, все забирайте, чтобы не было погони!»

На этот раз ветер дунул с другой стороны, и все слова были услышаны козаками. Но за такой совет достался ему тут же удар обухом по голове, который переворотил всё в глазах его. <...>

Когда очнулся Тарас Бульба от удара и глянул на Днестр, уже козаки были на челнах и гребли вёслами: пули сыпались на них сверху, но не доставали. И вспыхнули радостные очи у старого атамана.

— Прощайте, товарищи! — кричал он им сверху. — Вспоминайте меня и будущей же весной прибывайте сюда вновь. <...>

А уже огонь подымался над костром, захватывал его ноги и разостлался пламенем по дереву... Да разве найдутся на свете такие огни, муки и такая сила, которая бы пересилила русскую силу!

Немалая река Днестр, и много на ней заводьев, речных густых камышей, отмелей и глубокодонных мест; блестит речное зеркало, оглашённое звонким ячаньем¹ лебедей, и гордый гоголь² быстро несётся по нём, и много куликов,

¹ Ячанье — стон, жалобный крик лебедей (ячать — стонать, жалобно кликать).

² Гоголь — птица из семейства утиных.

краснозобых курухтанов¹ и всяких иных птиц в тростниках и на прибрежьях. Козаки живо плыли на узких двухрульных челнах, дружно гребли вёслами, осторожно минали отмели, всполашивая подымавшихся птиц, и говорили про своего атамана.

1842

Вопросы и задания

Глава I

1. Как характеризует Тараса та встреча, которую он оказывает сыновьям? Как проявляются в этой ситуации различные характеры Остапа и Андрия?
2. Какие качества характера Тараса Бульбы подчеркнул в своём живописном портрете художник Е.А. Кибрик?
3. Почему Тарас решает ехать в Сечь?
4. Составьте цитатный план к теме «Образ матери».
5. Прочитайте внимательно отрывок от слов «Одна бедная мать не спала...» до слов: «...он задумал оттого так скоро ехать, что много выпил». Проследите, как стилистически выделено местоимение *она*.

Главы V — VII

1. Как характеризуют Андрия его поступки?
2. Прочитайте сцену встречи Андрия с возлюбленной. Чем отличается язык персонажей и рассказчика от речи героев в других эпизодах повести?

Глава IX

1. Составьте цитатный план главы.
2. Как и в чём проявляется дух казачества? Приведите примеры.
3. С помощью каких художественных средств изображается битва? Обратите внимание на следующие особенности:

¹ Курухтан — болотная птица.

повторение боевых кличей, обращение автора к воинам, обширные и величавые сравнения. Приведите примеры на каждый случай.

Глава XII

1. Самостоятельно найдите и прочитайте сцену казни Остапа. Какое впечатление она произвела на вас?
2. Какие стороны личности Тараса выявляются в XII главе?
3. Как завершается повесть? Прокомментируйте финал.
4. Из текста повести подберите подписи к каждой иллюстрации. Прочитайте соответствующие эпизоды.

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА

Н.В. ГОГОЛЯ

1. Определите, какие художественно-выразительные средства применяет Н.В. Гоголь в отрывке от слов: «...Оглянулся Андрий: перед ним Тарас...» до слов: «...повис он головой и повалился на траву, не сказавши ни одного слова».
2. Вспомните самые смешные сцены из повести «Тарас Бульба», например, встречу Тараса с сыновьями или другие сцены, которые найдёте сами. В чём проявляется комизм ситуации, которую создаёт автор?
3. А.П. Чехов назвал Н.В. Гоголя «царём степи». Найдите в повести описание степи, прочитайте его внимательно, перескажите или напишите изложение.

Живое слово

-
- 1*. Напишите сочинение «Тропа к Гоголю». Это может быть размышление над живописным или скульптурным портретом писателя, фрагмент заочного литературного путешествия по гоголевским местам, какой-либо другой найденный вами жанр.
 2. Подготовьте сообщение на тему «Чудесный язык писателя». В этом, может быть, вам помогут и приведённые высказывания Н.В. Гоголя:

«Дивишься драгоценности нашего языка: что ни звук, то и подарок; всё зернисто, крупно, как сам жемчуг, и право, иное название ещё драгоценнее самой вещи».

«Перед вами громада — русский язык! Наслажденье глубокое зовёт вас, наслажденье погрузиться во всю неизмеримость его и изловить чудные законы его...»

«...сам необыкновенный язык наш есть ещё тайна. В нём все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твёрдых до самых нежных и мягких; он беспределен и может, живой, как жизнь, обогащаться ежеминутно».

Обязательно составьте план своего сообщения.

Советуем прочитать

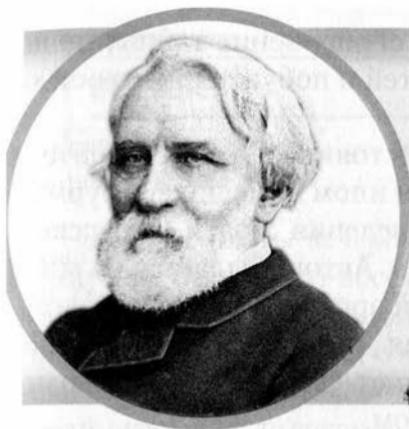
Многие произведения Н.В. Гоголя стали основой сюжета для создания как полнометражных, так и мультипликационных фильмов. Если вы войдёте на страничку http://nikolay.gogol.ru//gogol_y_kino/ekranizatsiya_proizvedeniy, вы сможете почерпнуть интересные сведения из статьи Н.Г. Кривули «Экранизация произведений Гоголя в отечественной анимации».

После уроков

Повесть «Тарас Бульба» — одна из лучших повестей о героическом характере и подвигах наших предков. Подготовьте совместно со школьной библиотекой выставку «Книги о героическом прошлом Отчизны».

ИВАН
СЕРГЕЕВИЧ
ТУРГЕНЕВ
1818—1883

Тургенев вошёл в литературу в 1840-е годы. Он обратил на себя внимание как один из молодых поэтов, выражавших настроения и мысли поколения, остро переживших гибель Пушкина, а затем Лермонтова. Читатели полюбили стихотворения и поэмы Тургенева, находили в них близкие себе чувства, актуальные, современные ситуации...

Однако деятельность Тургенева как писателя-прозаика вскоре заставила читателей забыть его поэтические опыты, и сам Тургенев не придавал значения своей лирике, считая себя прозаиком по природе своего дарования...

Первым произведением, в котором Тургенев в полной мере выразил себя как художник и как личность, явились «Записки охотника» (1847–1852).

Свойства таинственности Тургенев придавал не только поэтическому, странническому характеру человека из народа, но и крестьянству в целом. Он выразил в своём изображении народа ощущение огромной содер жательности и таинственности духовного мира простого человека, в народной среде он видит разнообразие характеров и «неожиданность» их проявлений. Поэт-охотник, скитающийся по родным полям, на каждом шагу делает удивительные открытия, любое его столкновение с му-

жиком оставляет в нём вопрос, ощущение тайны, не до конца понятых им возможностей и побуждений простых людей, которых он узнаёт.

...В «Записках охотника» постоянно звучат авторитетные мнения крестьян о том или ином помещике, о бурмистре, о нравственной сути поведения людей, о русской жизни и о быте других народов. Автор ссылается на мнение крестьян как на решающий аргумент в пользу какой-либо точки зрения и, желая придать своей оценке большую весомость, подкрепляет свой взгляд услышанным из уст мужиков приговором.

Народным героям Тургенева присущи высокие нравственные черты. Они — мыслящие, тонко чувствующие личности, обречённые быть «собственностью» того или другого — большей частью ничтожного, тупого и пошлого — барина.

В «Записках охотника» Тургенева в полной мере обнаружилась его способность через типы выражать основные проблемы своего времени.

По Ю.М. Лотману

Вопросы и задания

1. Какие произведения И.С. Тургенева вы читали? О чём они? Какие идеи автора отражены в них?
2. Какие качества русского крестьянина, по мнению учёного-литературоведа Ю.М. Лотмана, отражены в «Записках охотника»? Подберите и запишите для ответа на вопрос ключевые слова и словосочетания.

БИРЮК

Я ехал с охоты вечером один, на беговых дрожках. До дому ещё было вёрст восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бежала по пыльной дороге, изредка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шаг не отставала от задних колёс. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась из-за леса; надо мною и мне навстречу неслись длинные серые облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жар внезапно сменился влажным холодом; тени быстро густели. Я ударил вожжой по лошади, спустился в овраг, перебрался через сухой ручей, весь заросший лозниками, поднялся в гору и въехал в лес. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орешника, уже залитыми мраком; я подвигался вперёд с трудом. Дрожки прыгали по твёрдым корням столетних дубов и лип, беспрестанно пересекавшим глубокие продольные рыхвины — следы тележных колёс; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный ветер внезапно загудел в вышине, деревья забушевали, крупные капли дождя резко застучали, зашлепали по листьям, сверкнула молния, и гроза разразилась. Дождь полил ручьями. Я поехал шагом и скоро принуждён был остановиться: лошадь моя вязла, я не видел ни зги. Кое-как приютился я к широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидал я терпеливо конца ненастья, как вдруг, при блеске молнии, на дороге почудилась мне высокая фигура. Я стал пристально глядеть в ту сторону — та же фигура словно выросла из земли подле моих дрожек.

— Кто это? — спросил звучный голос.

— А ты кто сам?

— Я здешний лесник.

Я назвал себя.

— А, знаю! Вы домой едете?

— Домой. Да видишь, какая гроза...

— Да, гроза, — отвечал голос.

Белая молния озарила лесника с головы до ног; трескучий и короткий удар грома раздался тотчас вслед за нею. Дождик хлынул с удвоенной силой.

— Не скоро пройдёт, — продолжал лесник.

— Что делать!

— Я вас, пожалуй, в свою избу проведу, — отрывисто проговорил он.

— Сделай одолжение.

— Извольте сидеть.

Он подошёл к голове лошади, взял её за узду и сдернул с места. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожек, которые колыхались, «как в море челнок», и кликал собаку. Бедная моя кобыла тяжко шлёпала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лесник покачивался перед оглоблями направо и налево, словно привиденье. Мы ехали довольно долго; наконец мой проводник остановился. «Вот мы и дома, барин», — промолвил он спокойным голосом. Калитка заскрипела, несколько щенков дружно залаяло. Я поднял голову и при свете молнии увидал небольшую избушку посреди обширного двора, обнесённого плетнём. Из одного окошечка тускло светил огонёк. Лесник довёл лошадь до крыльца и застучал в дверь. «Сейчас, сейчас!» — раздался тоненький голосок, послышался топот босых ног, засов заскрипел, и девочка лет двенадцати, в рубашонке, подпоясанная покромкой, с фонарём в руке, показалась на пороге.

— Посвети барину, — сказал он ей, — а я ваши дрожки под навес поставлю.

Девочка глянула на меня и пошла в избу. Я отправился вслед за ней.

Изба лесника состояла из одной комнаты, закоптелой, низкой и пустой, без полатей и перегородок. Изорванный тулуп висел на стене. На лавке лежало одноствольное ружьё, в углу валялась груда тряпок; два больших горшка

стояли возле печки. Лучина горела на столе, печально вспыхивая и погасая. На самой середине избы висела люлька, привязанная к концу длинного шеста. Девочка погасила фонарь, присела на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, левой поправлять лучину. Я посмотрел кругом — сердце во мне заныло: не весело войти ночью в мужицкую избу. Ребёнок в люльке дышал тяжело и скоро.

— Ты разве одна здесь? — спросил я девочку.

— Одна, — произнесла она едва внятно.

— Ты лесникова дочь?

— Лесникова, — прошептала она.

Дверь заскрипела, и лесник шагнул, нагнув голову, через порог. Он поднял фонарь с полу, подошёл к столу и зажёг светильню.

— Чай, не привыкли к лучине? — проговорил он и тряхнул кудрями.

Я посмотрел на него. Редко мне случалось видеть такого молодца. Он был высокого роста, плечист и сложен на славу. Из-под мокрой замашной рубашки выпукло выставлялись его могучие мышцы. Чёрная курчавая борода закрывала до половины его сурое и мужественное лицо; из-под сросшихся широких бровей смело глядела небольшие карие глаза. Он слегка упёрся руками в бока и остановился передо мною.

Я поблагодарил его и спросил его имя.

— Меня зовут Фомой, — отвечал он, — а по прозвищу Бирюк¹.

— А, ты Бирюк?

Я с удвоенным любопытством посмотрел на него. От моего Ермолая и от других я часто слышал рассказы о леснике Бирюке, которого все окрестные мужики боялись как огня. По их словам, не бывало ещё на свете такого мастера своего дела: «Вязанки хворосту не даст утащить; в какую

¹ Бирюком называется в Орловской губернии человек одинокий и угрюмый.

бы ни было пору, хоть в самую полночь, нагрянет, как снег на голову, и ты не думай сопротивляться, — силён, дескать, и ловок как бес... И ничем его взять нельзя: ни вином, ни деньгами; ни на какую приманку не идёт. Уж не раз добрые люди его сжить со свету собирались, да нет — не даётся».

Вот как отзывались соседние мужики о Бирюке.

— Так ты Бирюк, — повторил я, — я, брат, слыхал про тебя. Говорят, ты никому спуску не даёшь.

— Должность свою справляю, — отвечал он угрюмо, — даром господский хлеб есть не приходится.

Он достал из-за пояса топор, присел на пол и начал колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нет? — спросил я его.

— Нет, — отвечал он и сильно махнул топором.

— Умерла, знать?

— Нет... да... умерла, — прибавил он и отвернулся.

Я замолчал; он поднял глаза и посмотрел на меня.

— С прохожим мещанином сбежала, — произнёс он с жестокой улыбкой.

Девочка потупилась; ребёнок проснулся и закричал; девочка подошла к люльке.

— На, дай ему, — проговорил Бирюк, сунув ей в руку зачаканный рожок. — Вот и его бросила, — продолжал он вполголоса, указывая на ребёнка. Он подошёл к двери, остановился и обернулся.

— Вы, чай, барин, — начал он, — нашего хлеба есть не станете, а у меня окромя хлеба....

— Я не голоден.

— Ну, как знаете. Самовар бы я вам поставил, да чаю у меня нету... Пойду посмотрю, что ваша лошадь.

Он вышел и хлопнул дверью. Я в другой раз осмотрелся. Изба показалась мне ещё печальнее прежнего. Горький запах остывшего дыма неприятно стеснял мне дыхание. Девочка не трогалась с места и не поднимала глаз; изредка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускавшуюся рубашку; её голые ноги висели, не шевелясь.

— Как тебя зовут? — спросил я.

— Улитой, — проговорила она, ещё более понурив своё печальное лицо.

Лесник вошёл и сел на лавку.

— Гроза проходит, — заметил он после небольшого молчания, — коли прикажете, я вас из лесу провожу.

Я встал. Бирюк взял ружьё и осмотрел полку.

— Это зачем? — спросил я.

— А в лесу шалят... У Кобыльего Верху¹ дерево ру-
бят, — прибавил он в ответ на мой вопрошающий взор.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вместе. Дождик перестал. В отдалении ещё толпились тяжёлые громады туч, изредка вспыхивали длинные молнии; но над нашими головами уже виднелось кое-где тёмно-синее небо, звёздочки мерцали сквозь жидкие, быстро летевшие облака. Очерки деревьев, обрызганных дождём и взволнованных ветром, начинали выступать из мрака. Мы стали прислушиваться. Лесник снял шапку и потупился. «Во... вот, — проговорил он вдруг и протянул руку, — виши какую ночку выбрал». Я ничего не слышал, кроме шума листвьев. Бирюк вывел лошадь из под навеса. «А этак я, пожалуй, — прибавил он вслух, — и прозеваю его». — «Я с тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, — отвечал он и попятил лошадь назад, — мы его духом поймаем, а там я вас провожу. Пойдёмте».

Мы пошли: Бирюк впереди, я за ним. Бог его знает, как он узнавал дорогу, но он останавливался только изредка, и то для того, чтобы прислушиваться к стуку топора. «Виши, — бормотал он сквозь зубы, — слышите? слышите?» — «Да где?» Бирюк пожимал плечами. Мы спустились в овраг, ветер затих на мгновенье — мерные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюк глянул на меня и качнул головой. Мы пошли далее по мокрому папоротнику и крапиве. Глухой и продолжительный гул раздался.

— Повалил... — пробормотал Бирюк.

¹ «Верхом» называется в Орловской губернии овраг.

Между тем небо продолжало расчищаться; в лесу чуть-чуть светлело. Мы выбрались наконец из оврага. «Подождите здесь», — шепнул мне лесник, нагнулся и, подняв ружьё кверху, исчез между кустами. Я стал прислушиваться с напряжением. Сквозь постоянный шум ветра чудились мне невдалеке слабые звуки; топор осторожно стучал по сучьям, колёса скрыпели, лошадь фыркала... «Куда? стой!» — загремел вдруг железный голос Бирюка. Другой голос закричал жалобно, по-заячьи... Началась борьба. «Врё-ёшь, врё-ёшь, — твердил, задыхаясь, Бирюк, — не уйдёшь...» Я бросился в направлении шума и прибежал, спотыкаясь на каждом шагу, на место битвы. У срубленного дерева, на земле, копошился лесник; он держал под собою вора и закручивал ему кушаком руки на спину. Я подошёл. Бирюк поднялся и поставил его на ноги. Я увидел мужика, мокрого, в лохмотьях, с длинной растрёпанной бородой. Дрянная лошадёнка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тут же вместе с тележным ходом. Лесник не говорил ни слова; мужик тоже молчал и только головой потряхивал.

— Отпусти его, — шепнул я на ухо Бирюку, — я заплачу за дерево.

Бирюк молча взял лошадь за холку левой рукой: правой он держал вора за пояс: «Ну, поворачивайся, ворона!» — промолвил он сурово. «Топорик-то вон возьмите», — пробормотал мужик. «Зачем ему пропадать!» — сказал лесник и поднял топор. Мы отправились. Я шёл позади... Дождик начал опять накрапывать и скоро полил ручьями. С трудом добрались мы до избы. Бирюк бросил пойманную лошадёнку посреди двора, ввёл мужика в комнату, ослабил узел кушака и посадил его в угол. Девочка, которая заснула было возле печки, вскочила и с молчаливым испугом стала глядеть на нас. Я сел на лавку.

— Эк его, какой полил, — заметил лесник, — переждать придётся. Не хотите ли прилечь?

— Спасибо.

— Я бы его, для вашей милости, в чуланчик запер, — продолжал он, указывая на мужика, — да вишь, засов...

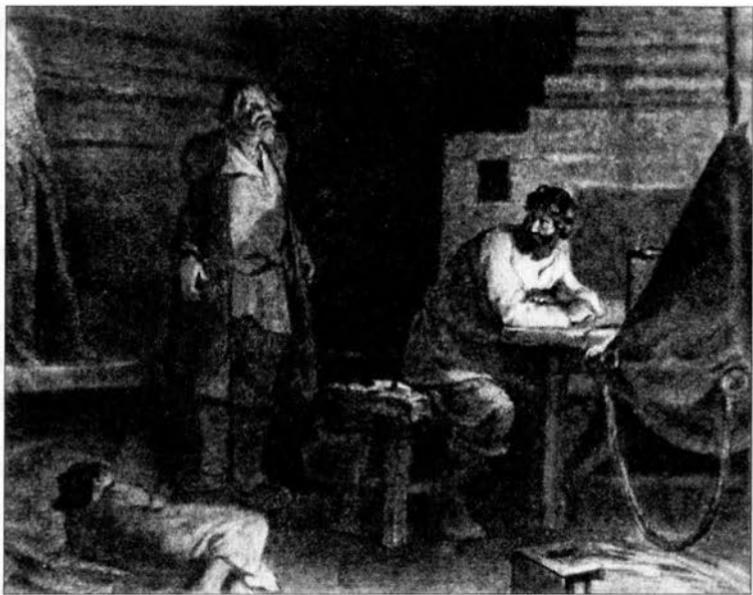

Иллюстрация к рассказу «Бирюк».
Художник К.В. Лебедев. Вторая половина XIX в.

— Оставь его тут, не трогай, — перебил я Бирюка.

Мужик глянул на меня исподлобья. Я внутренне дал себе слово во что бы то ни стало освободить бедняка. Он сидел неподвижно на лавке. При свете фонаря я мог разглядеть его испитое, морщинистое лицо, нависшие жёлтые брови, беспокойные глаза, худые члены... Девочка улеглась на полу у самых его ног и опять заснула. Бирюк сидел возле стола, опершись головою на руки. Кузнечик кричал в углу... дождик стучал по крыше и скользил по окнам; мы все молчали.

— Фома Кузьмич, — заговорил вдруг мужик голосом глухим и разбитым, — а, Фома Кузьмич.

— Чего тебе?

— Отпусти.

Бирюк не отвечал.

— Отпусти... с голодухи... отпусти.

— Знаю я вас, — угрюмо возразил лесник, — ваша вся слобода такая — вор на воре.

— Отпусти, — твердил мужик, — приказчик... разорены, во как... отпусти!

— Разорены!.. Воровать никому не след.

— Отпусти, Фома Кузьмич... не погуби. Ваш-то, сам знаешь, заест, во как.

Бирюк отвернулся. Мужика подёргивало, словно лихорадка его колотила. Он встряхивал головой и дышал неровно.

— Отпусти, — повторял он с унылым отчаянием, — отпусти, ей-богу, отпусти! Я заплачу, во как, ей-богу. Ей-богу, с голодухи... детки пищат, сам знаешь. Круто, во как приходится.

— А ты всё-таки воровать не ходи.

— Лошадёнку, — продолжал мужик, — лошадёнку-то, хоть её-то... один живот и есть... отпусти!

— Говорят, нельзя. Я тоже человек подневольный: с меня взыщут. Вас баловать тоже не приходится.

— Отпусти! Нужда, Фома Кузьмич, нужда, как есть того... отпусти!

— Знаю я вас!

— Да отпусти!

— Э, да что с тобой толковать; сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что ли, барина?

Бедняк потупился... Бирюк зевнул и положил голову на стол. Дождик всё не переставал. Я ждал, что будет.

Мужик внезапно выпрямился. Глаза у него загорелись, и на лице выступила краска. «Ну на, ешь, на, подавись, на, — начал он, прищурив глаза и опустив углы губ, — на, душегубец окаянный: пей христианскую кровь, пей...»

Лесник обернулся.

— Тебе говорю, тебе, азиат, кровопийца, тебе!

— Пьян ты, что ли, что ругаться вздумал? — заговорил с изумлением лесник. — С ума сошёл, что ли?

— Пьян!.. не на твои ли деньги, душегубец окаянный, зверь, зверь, зверь!

— Ах ты... да я тебя!..

— А мне что? Всё едино — пропадать; куда я без лошади пойду? Пришиби — один конец; что с голоду, что так — всё едино. Пропадай всё: жена, дети — околевай всё... А до тебя, погоди, добрёмся!

Бирюк приподнялся.

— Бей, бей, — подхватил мужик свирепым голосом, — бей, на, на, бей... (Девочка торопливо вскочила с полу и уставилась на него.) Бей! бей!

— Молчать! — загремел лесник и шагнул два раза.

— Полно, полно, Фома, — закричал я, — оставь его... Бог с ним.

— Не стану я молчать, — продолжал несчастный. — Всё едино — околевать-то. Душегубец ты, зверь, погибели на тебя нету... Да постой, недолго тебе царствовать! затянут тебе глотку, постой!

Бирюк схватил его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, барин! — крикнул на меня лесник.

Я бы не побоялся его угрозы и уже протянул было руку; но, к крайнему моему изумлению, он одним поворотом сдёрнул с локтей мужика кушак, схватил его за шиворот, нахлобучил ему шапку на глаза, растворил дверь и вытолкнул его вон.

— Убирайся к чёрту с своей лошадью, — закричал он ему вслед, — да смотри, в другой раз у меня!..

Он вернулся в избу и стал копаться в углу.

— Ну, Бирюк, — промолвил я наконец, — удивил ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, барин, — перебил он меня с досадой, — не извольте только сказывать. Да уж я лучше вас провожу, — прибавил он, — знать, дождика-то вам не переждать...

На дворе застучали колёса мужицкой телеги.

— Вишь, поплёлся! — пробормотал он, — да я его!..

Через полчаса он простился со мной на опушке леса.

Вопросы и задания

1. Какова основная тема рассказа «Бирюк»?
2. Как сам лесник относится к своему прозвищу? Передаёт ли прозвище сущность характера Фомы?
3. Испытывает ли лесник чувство удовлетворения от своей службы? Свои рассуждения подтвердите цитатами из рассказа.
4. Что в большей степени повлияло на окончательное решение лесничего?
5. Для чего И.С. Тургенев особо подчёркивает крайнюю бедность, нищету в избе лесника?
6. Найдите те места в рассказе, где говорится об отношении крестьян к лесничему. Справедливо ли такое отношение? Аргументируйте свои выводы.
7. Как вы думаете, в чём основной конфликт рассказа?

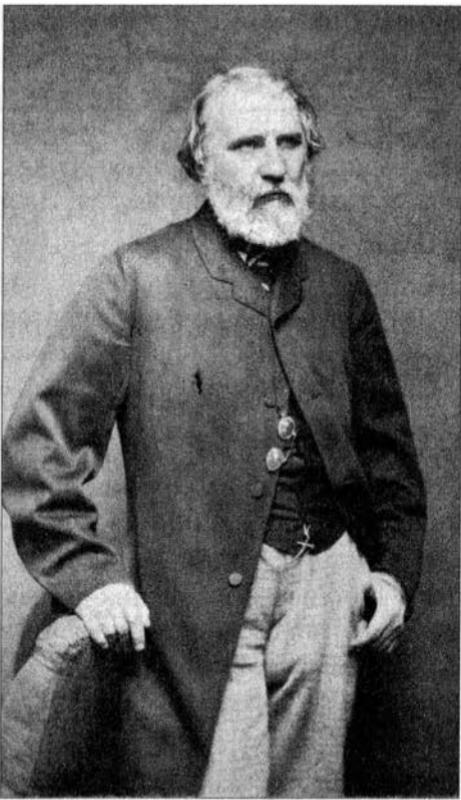
В ДОРОГЕ

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное, далёкое,
Слушая ропот колёс непрестанный,
Глядя задумчиво в небо широкое.

1843

И.С. Тургенев. Фотография. 1860 г.

Вопросы и задания

?

1. О чём стихотворение И.С. Тургенева? Сформулируйте основную тему.
2. В стихотворении использован целый ряд художественных приёмов, придающих тексту особую выразительность и точность поэтического звучания. Какие это приёмы? Определите их и запишите слева — название приёма, справа — пример из текста.
3. Стихотворение И.С. Тургенева положено на музыку. Каков жанр этого музыкального сочинения?

Прочитайте суждения о И.С. Тургеневе людей, долгие годы занимавшихся изучением его творчества. На их основе составьте рассказ о писателе.

С.М. Петров: «Иван Сергеевич Тургенев принадлежит к тем великим писателям, чьи творения сыграли громадную роль в духовном развитии русского общества, обогатили отечественную и мировую культуру. Полувековой писательский путь Тургенева начался ещё при жизни Пушкина, которого он считал своим учителем в искусстве. Появление Тургенева в литературе приветствовали Белинский и Гоголь».

С.А. Малахов: «Тургенев — художник чрезвычайно разносторонний. Он пробовал свои силы почти во всех видах художественного слова, использовал самые различные роды и жанры художественной литературы: лирику, очерк, новеллу¹, повесть, роман, комедию и др. ...»

Прочитайте стихотворение, написанное Н.И. Рыленковым в 1961 году. Каким вы представляете себе Тургенева? Опишите его.

В СПАССКОМ-ЛУТОВИНОВЕ

Л.Н. Афонину

Вздыхает парк, кусты черёмух вспенив,
Прислушиваясь к перекличке птах.
Мы ждём: вот-вот появится Тургенев
В видавшей виды шляпе, в сапогах.

¹ *Новелла* — литературный жанр, форма небольшого по объёму эпического повествования, сопоставимая с рассказом. В новелле должен быть отчётливый и неожиданный поворот, от которого действие сразу переходит к развязке.

Широким шагом он пройдёт сквозь годы,
Как сквозь чащобу проходить привык,
Охотник, нелукавый друг природы,
Из детских снов серебряный стариk.

Придёт и остановится под дубом,
Окрестность взглядом озарит своим,
И всё, что в жизни нам казалось грубым,
Вдруг станет ясным, добрым и простым.

Покличешь — и деревья отзовутся...
Не в этом ли всё волшебство искусства!

Советуем прочитать

Материалы к теме «И.С. Тургенев в изобразительном искусстве» вы сможете разыскать в книге: Иван Сергеевич Тургенев. Жизнь. Искусство. Время / Авт.-сост. Ю.П. Пищулин. — М., 1988.

НИКОЛАЙ
АЛЕКСЕЕВИЧ
НЕКРАСОВ
1821—1877

Николай Алексеевич Некрасов родился в местечке Немиров Подольской губернии (Малороссия), детство его прошло в имении Грешнево Ярославской губернии. Отец его принадлежал к старинному обедневшему роду, он был человеком суровым и своенравным. Мать Некрасова — женщина необыкновенно мягкая, добрая, прекрасно образованная. Маленький Николай был горячо привязан к ней. До конца жизни он часто вспоминал о ней в стихотворениях — «Баюшки-баю», «Затворница», «Родина», «Рыцарь на час», в поэмах «Несчастные», «Мать».

Барский дом Некрасовых стоял у самой дороги, по которой вели каторжников и ссыльных, направлявшихся в далёкую Сибирь. Горе и страдания народа вызывали сочувствие в душе будущего поэта, заставляли мальчика по-иному взглянуть вокруг. Позже он напишет:

О, горько, горько я рыдал,
Когда в то утро я стоял
На берегу родной реки,
И в первый раз её назвал
Рекою рабства и тоски...

«На Волге»

Вместе с братом Андреем он поступил в Ярославскую гимназию. Товарищи любили Некрасова за живой и об-

щительный характер, за начитанность и умение интересно рассказывать.

Некрасову не было ещё и семнадцати лет, когда он приехал в Петербург. Город встретил его неласково — ни родных, ни знакомых. Деньги, привезённые из дома, быстро таяли. В университет поступить не удалось. Началась жизнь, полная лишений. Но жизненные невзгоды не сломили будущего поэта. Его первый сборник стихотворений «Мечты и звуки» вышел в начале 1840 года и получил в основном отрицательную оценку критики. Однако в дальнейшем каждое новое стихотворение Некрасова становилось событием в литературной жизни России.

Одной из центральных тем в творчестве Некрасова была тема труда. Его герои без труда не мыслят себе жизни, «труд им даёт воздаянье — семейство не бьётся в нужде»; труд делает их красивыми и сильными. Некрасовская героиня «коня на скаку остановит, в горящую избу войдёт». Труд, казалось, должен был сделать их счастливыми. Но — нет, счастья он им не приносит. Почти во

Жатва. Художник А.А. Пластов. 1945 г.

всех произведениях судьба героев-тружеников глубоко трагична. Трагизм их судьбы не придуман поэтом.

Тесно соединена с темой труда другая некрасовская тема – жизни и судьбы русской женщины. Героиня некрасовских стихотворений и поэм красива и сильна, она заботливая, нежная мать и верный друг. Тяжкий труд и выпавшее на её долю горе не могут её сломить.

Женские образы в поэзии Некрасова даны чаще всего в трагических испытаниях, но через эти испытания героини проходят достойно и гордо. Это относится и к жёнам декабристов, поехавших за сосланными мужьями в Сибирь, и к труженицам-крестьянкам.

Строчки Некрасова о русской женщине продолжают волновать людей и в наши дни, потому что они проникнуты искренним чувством любви, преклонения и благодарности.

Гимном русскому народу звучат слова Н.А. Некрасова из его поэмы «Русские женщины». Героиня второй части поэмы «Княгиня М.Н. Волконская», от чьего имени ведётся повествование, дочь героя Отечественной войны 1812 года Николая Раевского, один из адресатов лирики А.С. Пушкина и его настоящий друг, бабушка, ведущая свою исповедь (вторая часть имеет подзаголовок «Бабушкины записки»), произносит эти слова в один из самых важных для неё дней. В этот день она достигла места, где отбывал каторгу её муж – декабрист Сергей Волконский:

И словно под землю ведущую дверь
Увидела я — и солдата.
Сурово смотрел часовой, — наголо
В руке его сабля сверкала.
Не золото, внуки, и здесь помогло,
Хоть золото я предлагала!
Быть может, вам хочется дальше читать,
Да просится слово из груди!
Помедлим немного. Хочу я сказать
Спасибо вам, русские люди!

В дороге, в изгнанье, где я ни была
Всё трудное каторги время,
Народ! я бодрее с тобою несла
Моё непосильное бремя.
Пусть много скорбей тебе пало на часть,
Ты делишь чужие печали,
И где мои слёзы готовы упасть,
Твои уж давно там упали!..
Ты любишь несчастного, русский народ!
Страдания нас породнили...-
«Вас в каторге самый закон не спасёт!» –
На родине мне говорили;
Но добрых людей я встречала и там,
На крайней ступени паденья,
Умели по-своему выразить нам
Преступники даньуваженья;
Меня с неразлучною Катей моей
Довольной улыбкой встречали:
«Вы – ангелы наши!» За наших мужей
Уроки они исполняли.
Не раз мне украдкой давал из полы
Картофель колодник клеймёный:
«Покушай! горячий, сейчас из золы!»
Хорош был картофель печёный,
Но грудь и теперь завывает с тоски,
Когда я о нём вспоминаю...
Примите мой низкий поклон, бедняки!
Спасибо вам всем посылаю!
Спасибо!.. Считали свой труд ни во что
Для нас эти люди простые,
Но горечи в чашу не подлил никто,
Никто – из народа, святые!..

Некрасовская поэзия «сеяла разумное, доброе, вечное». Поэт воспевал людей, готовых «пойти в огонь за честь отчизны, за убежденье, за любовь...». Он призывал поэтов не забывать о своём гражданском долге:

Будь гражданин! служа искусству,
Для блага ближнего живи,
Свой гений подчиняя чувству
Всеобнимающей Любви...

Вопросы и задания

1. Расскажите о поэте. Каким он предстаёт перед вами?
2. На чём основаны размышления княгини М.Н. Волконской в поэме «Русские женщины» о величии души простого русского человека?
3. Что значит быть гражданином? Продолжите начатое предложение: *Быть гражданином – значит жить...*
4. Какое место в творчестве Некрасова занимают темы труда и русской женщины? Дайте развёрнутый ответ, приведите примеры.
5. Как вы думаете, чем картина художника А.А. Пластова «Жатва» близка стихотворениям Н.А. Некрасова?
6. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворений «В полном разгаре страда деревенская...» и «Великое чувство! у каждого дверей...».

В полном разгаре страда деревенская...
Доля ты! – русская долюшка женская!
Бряд ли труднее сыскать.

Не мудрено, что ты вянешь до времени,
Всевыносящего русского племени
Многострадальная мать!

Зной нестерпимый: равнина безлесная,
Нивы, покосы да ширь поднебесная –
Солнце нещадно палит.

Бедная баба из сил выбивается,
Столб насекомых над ней колыхается,
Жалит, щекочет, жужжит!

Приподнимая косулю тяжёлую,
Баба порезала ноженьку голую –
Некогда кровь унимать!

Слышился крик у соседней полосыньки,
Баба туда – растрепалися косыньки, –
Надо ребёнка качать!

Что же ты стала над ним в отупении?
Пой ему песню о вечном терпении,
Пой, терпеливая мать!..

Слёзы ли, пот ли у ней над ресницею,

Право, сказать мудрено.

В жбан этот, заткнутый грязной тряпицею,
Канут они – всё равно!

Вот она губы свои опалённые

Жадно подносит к краям...

Вкусны ли, милая, слёзы солёные

С кислым кваском пополам?..

1862—1863

Великое чувство! у каждого дверей,
В какой стороне ни заедем,
Мы слышим, как дети зовут матерей
Далёких, но рвущихся к детям.
Великое чувство! Его до конца
Мы живо в душе сохраняем,
Мы любим сестру, и жену, и отца,
Но в муках мы мать вспоминаем!

1877

В МИРЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СЛОВА Н.А. НЕКРАСОВА

Оба стихотворения объединены одной темой: они посвящены женщине-матери.

В стихотворении «В полном разгаре страда деревенская...» женщина-труженица изображена во время её тяжкого труда. Казалось бы, после первой строки о деревенской страде должны идти строки, воспевающие радостный труд хлебопашца. Но поэт сразу, уже во второй строке, заявляет, что не о счастье пойдёт речь:

Доля ты! – русская долюшка женская!
Вряд ли труднее сыскать.

Бесконечное страдание русской женщины особо подчёркивается поэтом в двух словах, которые не только по значению, но и по количеству слогов как бы во времени протягивают вывод: «всевыносящее» и «многострадальное».

Движение стиха прерывистое: кроме последних двух, все строфы написаны трехстишиями, в которых две первые строки длинные, а заключительная – короткая. Нервное движение стихов автор подкрепляет удачным выбором слов, создающих внутренний контраст. В духе народной традиции Некрасов подбирает для основной темы (судьба женщины) «нежные, ласковые» слова – с уменьшительно-ласкательными суффиксами. А рядом с ними слова, обозначающие явления грубые, жестокие. Вот примеры: «долюшка» – «труднее»; «ноженька» – «порезала», «кровь»; «полосынька» – «крик». Этот приём лексического (словесного) контраста является одним из ведущих в раскрытии темы стихотворения.

Других изобразительных средств крайне мало. Некрасов сконцентрирован в их употреблении. Для передачи настроения и воссоздания образа и судьбы («долюшки») русской женщины ему достаточно рассказать об одном эпизоде – и полная картина готова.

Вопросы и задания

1. В каких фрагментах стихотворения «В полном разгаре страда деревенская...» создаётся образ тяжёлой «долюшки женской»? Назовите их, прочитайте строки из стихотворения.

2. Какие слова характеризуют основную тему?
3. Найдите в стихотворении риторические фигуры и объясните их художественную роль.

После уроков

• • •

Многие выдающиеся русские художники (К.Е. Маковский, И.Н. Крамской и др.) создали замечательные портреты Н.А. Некрасова. Они воспроизведены во многих книгах поэта, в книге Н.Н. Скатова «Некрасов», вышедшей в 2004 году в серии «Жизнь замечательных людей», а также размещены на различных сайтах Интернета. На одном из них (<http://www.nnekrasov.ru/photo>) дана достаточно обширная подборка портретов Н.А. Некрасова.

ТРЕХСЛОЖНЫЕ РАЗМЕРЫ СТИХА

Стопы бывают двусложные и трёхсложные. Отсюда и поэтические размеры бывают двусложные и трёхсложные.

Стопа, состоящая из одного ударного и двух безударных слогов, называется **трёхсложной**.

К трехсложным размерам относятся *дактиль, анапест и амфибрахий*.

Дактиль – трёхсложная стопа, в которой ударение падает на первый слог (/ – –).

Амфибрахий – трёхсложная стопа, в которой ударный слог находится между двумя безударными (– / –).

Анапест – трёхсложная стопа, в которой два первых слога безударные, последний – ударный (– – /).

Определите размер следующих стихотворений.

Тучки небесные, вечные странники!

Степью лазурною, цепью жемчужною...

(М.Ю. Лермонтов)

Сижу за решёткой в темнице сырой,
Вскормлённый в неволе орёл молодой...
(A.C. Пушкин)

Меж высоких хлебов затерялося
Небогатое наше село...
(H.A. Некрасов)

СТИХОТВОРНЫЙ РИТМ

Умев определять стихотворный размер, мы приближаемся к более важной задаче: умению определять ритм стиха.

В 5 классе вы уже познакомились с определением стихотворного ритма:

Ритм — повторение каких-либо однозначных явлений через равные промежутки времени (например, чередование ударных и безударных слогов).

Сейчас мы можем научиться определять стихотворный ритм, но для этого нам следует усвоить некоторые понятия и порядок действий.

В стихах ритм характеризуется прежде всего расположением ударений в строке по отношению к другим соразмерным строкам.

Возьмём первую строфиу стихотворения, расставим ударения в каждом слове (цифрами обозначен номер слога), проведём некоторые наблюдения и сделаем вывод.

	1	2	3	4	5	6	7	8
Мчатся тучи, вьются тучи;	/	-	/	-	/	-	/	-
Невидимкою луна	-	-	/	-	-	-	-	/
Освещает снег летучий;	-	-	/	-	/	-	/	-
Мутно небо, ночь мутна.	/	-	/	-	/	-	/	-
Еду, еду в чистом поле;	/	-	/	-	/	-	/	-
Колокольчик дин-дин-дин...	-	-	/	-	/	/	/	/
Страшно, страшно поневоле	/	-	/	-	-	-	/	-
Средь невидимых равнин	/	-	/	-	-	-	-	/

Наблюдение первое: ударения в каждом стихе падают на нечётный слог (1, 3, 5, 7-й). Исключение составляет шестая строка, где, помимо этих (схемных) ударений, появляется ещё и ударение на 6-м слоге (внесхемное).

Наблюдение второе: ударения могут быть на всех нечётных слогах в стихе (как в первой, четвёртой и пятой строках) либо отсутствовать в любом месте.

Общий вывод: особый ритм стихотворению придают не только повторяющиеся ударения (1, 3, 5, 7-й слоги), но и отсутствие ударений на некоторых из них. Пропуск удараия называется *пиррхием*. Появление удараия там, где по схеме оно быть не должно, называется *спондёем*.

Прочитаем стоящие рядом строки вслух:

Мчатся тучи, вьются тучи (ударения появляются в каждой стопе, стих звучит напряжённо, ударно);

Невидимкою луна (слово *невидимкою* состоит из пяти слогов, а ударение в нём, естественно, только одно. Слово при чтении звучит протяжно и контрастно первой строке);

Еду, еду в чистом поле (ударение в каждой стопе, как и в первой строке, и ощущение при чтении такое же);

Колокольчик дин-дин-дин (сохраняется число ударений в строке, но меняется их место — ударения приходят на 5, 6, 7-й слоги — и меняется ритмический рисунок стиха).

Контрольная проверка! Возьмите любую строфиу стихотворения А.С. Пушкина «Бесы» и по данному образцу проведите свои наблюдения над её ритмом. Своебразие ритмического рисунка в каждой строфе даст общую для всего стихотворения картину. Можно рассмотреть таким образом и все строфы этого стихотворения. Вы можете распределить их между собой.

СОДЕРЖАНИЕ

О литературе, писателе и читателе	3
--	---

ИЗ МИФОЛОГИИ

Из греческой мифологии	20
Герои	23
Прометей	26
Яблоки Гесперид	38

ИЗ УСТНОГО НАРОДНОГО ТВОРЧЕСТВА

Предания и легенды	44
Солдат и смерть	47
Из эпоса народов России	59
Как Бадыноко победил одноглазого великана	59
Сказки	66
Сказка о молодильных яблоках и живой воде	66

ИЗ ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Особенности древнерусской литературы	86
Сказание о белгородских колодцах	90
Повесть о разорении Рязани Батыем	94
«Поучение» Владимира Мономаха (фрагмент)	103

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XVIII ВЕКА

Михаил Васильевич Ломоносов	113
Стихи, сочинённые на дороге в Петергоф	120

ИЗ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Василий Андреевич Жуковский	126
Светлана	134
Александр Сергеевич Пушкин	145
Деревня	149
«Редеет облаков летучая гряда...»	152
Зимнее утро	155
Дубровский (в сокращении)	165
Михаил Юрьевич Лермонтов	243
Тучи	248
Парус	251
Листок	255
Николай Васильевич Гоголь	259
Тарас Бульба (в сокращении)	262
Иван Сергеевич Тургенев	317
Бирюк	319
В дороге	328
Николай Алексеевич Некрасов	332
«В полном разгаре страда деревенская...»	336
«Великое чувство! у каждого дверей...»	337

Учебное издание

ЛИТЕРАТУРА

6 класс

Учебник

для общеобразовательных учреждений

В двух частях

Часть I

Автор-составитель

Меркин Геннадий Самуилович

Цветная иллюстрация на обложке

художника Ю.В. Киянченко

к повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба». 1950 г.

Художественное оформление,

макет, составление иллюстративного ряда,

подбор иллюстраций – *Н.Г. Ордынский*

Заведующий редакцией литературы *А.В. Фёдоров*

Редакторы *Е.Ю. Петухова, И.Л. Тимашева*

Художественный редактор *Н.Г. Ордынский*

Корректор *М.Г. Курносенкова*

Вёрстка *Н.Б. Поповой*

Подписано в печать 23.05.12. Формат 60 x 90/16.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Гарнитура «PetersburgC».

Усл. печ. л. 21,5. Тираж 5000 экз. Заказ № 32869.

Изд. №02030

ООО «Русское слово – учебник».

125009, Москва, ул. Тверская, д. 9/17, стр. 5.

Тел.: (495) 969-24-54, 658-66-60.

ISBN 978-5-91218-542-7

9 785912 185427

Отпечатано в соответствии с качеством
предоставленных издательством
электронных носителей
в ОАО «Саратовский полиграфкомбинат».
410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.
www.sarpk.ru

Это был один из тех характеров, которые могли возникнуть только в тяжёлый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена дотла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда, лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объялся древле мирный славянский дух и завелось козачество — широкая, разгульная замашка русской природы, и когда все поречья, перевозы, прибрежные погоды и удобные места усеялись козаками, которым и счёту никто не ведал, и смелые товарищи их были вправе отвечать султану, пожелавшему знать о числе их: «Кто их знает! у нас их раскидано по всему степу: что байрак, то козак».

Н.В. Гоголь. Тарас Бульба

Н.В. Гоголь.
Художник А.А. Иванов.
1841 г.

Запорожцы пишут письмо
турецкому султану.
Художник И.Е. Репин.
1880—1891 гг.

ЛИТЕРАТУРА

Все струны, которыми владеет автор,
находятся в сердцах у читателей.
Иных струн у автора нет.
И в зависимости от качества игры
на этих струнах они отзываются
в душах людей то глоухо,
то звонко, то громко, то тихо.

С.Я. МАРШАК

«РУССКОЕ СЛОВО»